Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

ВЕРЕМЕЕНКО Светлана Сергеевна МАКРОКОНЦЕПТ 'ЧЕЛОВЕК' И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» И «ОБРЫВ»

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,

доцент, Коренева Юлия Викторовна

Оглавление

ВВЕДЕНІ	ИЕ				4
ГЛАВА	1.	МАКРОКОНЦЕПТ	'ЧЕЛОВЕК'	В	СТРУКТУРЕ
ХУДОЖЕ	СТВЕНЬ	ЮГО ТЕКСТА		•••••	12
1.1. Иди	остиль и	его роль в создании худ	дожественного про	оизведе	ния13
1.1.1.	Понятие	языковой личности авто	opa	•••••	13
1.1.2.	Особенн	ости идиостиля И.А. Го	нчарова		19
1.2. Кон	цепт и яз	выковая картина мира		•••••	27
1.2.1.	Основны	е научные подходы к из	учению концепто	В	27
1.2.2.	Лексичес	ская система как способ	репрезентации ко	нцептов	3535
1.2.3.	Концепт	госфера романов И.А.	Гончарова «Об	ломов»	и «Обрыв» в
исслед	довательс	ской литературе		•••••	45
1.3. Tepi	мины и о	пределения, используемь	е в диссертационн	юм иссл	едовании 49
ГЛАВА 2	. ЧЕЛОН	ВЕК КАК НОСИТЕЛЬ	духовного н	АЧАЛА	B POMAHAX
И.А. ГОН	ЧАРОВА	A «ОБЛОМОВ» И «ОБР	ЫВ»		54
2.1. Ман	кроконце	пт 'Человек' в современ	ных исследования	яхх	54
2.2. Стр	руктура м	акроконцепта 'Человек	' в романах И.А. I	ончаро	ва «Обломов» и
«Обрыв	»				58
2.3. Кл	ючевой	концепт как важнейц	тий элемент инд	дивидуа	льно-авторской
картинь	і мира			•••••	62
2.4.	Методин	са исследования лекс	ической реализа	ации х	удожественных
концепт	ов в ром	анах И.А. Гончарова «О	бломов» и «Обры	B»	64
2.5. Кон	цепты гр	уппы «Человек самобы	гный»		64
2.5.1.	Лексичес	ская репрезентация конц	депта 'Женщина'.		64
2.5.2.	Ключево	е слово Обломов как сро	едство реализации	и концеп	та76
2.5.3.	Лексичес	ская реализация концепт	са 'Душа'		83
2.6. Pe	презента	ция эмоциональных к	онцептов в ром	анах И	І.А. Гончарова
'Обломо	ов' и 'Об	рыв'			92
2.6.1.	Лексичес	ская реализация концепт	са 'Любовь'		94

2.6.2. Лексическое представление концепта 'Счастье'	104
2.6.3. Лексическая репрезентация концепта 'Радость'	113
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТЫ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»	122
3.1. Ключевое слово Обломовка как средство репрезентации концепта	122
3.2. Ключевое слово обрыв как средство реализации концепта	128
3.3. Ключевое слово халат как средство представления концепта	134
3.4. Ключевое слово диван как средство реализации концепта	139
3.5. Ключевое слово книга как средство репрезентации концепта	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159
ПРИЛОЖЕНИЕ	190

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию специфики лексической репрезентации художественного макроконцепта 'Человек' в романах Ивана Александровича Гончарова «Обломов» и «Обрыв», что позволяет говорить о лингвокультурологической направленности данного исследования.

Актуальность темы исследования определяется возрастающим интересом к изучению проблем взаимоотношений языка и культуры. В XXI веке активно разрабатывается направление, рассматривающее язык как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации и познания. В центре внимания лингвокультурологии находится человек: его знания, поведенческие нормы, определяющие его как представителя данной культуры, что позволяет говорить о её гуманистическом характере.

Человек существует в пространстве культуры. Представления народа о объектах окружающего мира складываются определённый стереотипный образ. С ментальностью связана идея картины мира. Картина мира составлена из концептов и связей между ними. Важная роль отводится художественным Они образуют индивидуально-авторскую концептам. концептосферу, которая приобретает в тексте особую культурно-смысловую ценность. В связи с этим раскрытие художественного компонента макроконцепта 'Человек' в романах И.А. Гончарова имеет большое значение. Обращение к данному макроконцепту также мотивировано тем, что в романах «Обломов» и «Обрыв» созданы психологически яркие образы персонажей, носителей русского культурного сознания.

О творчестве И.А. Гончарова написаны монографии [Пруцков 1962; Чемена 1966; Реасе 1991; Недзвецкий 1992; Краснощекова 1997; Криволапов 2000; Мельник 2008]. Исследованию проблематики романов писателя «Обломов» и «Обрыв», их языку посвящены сборники по итогам юбилейной гончаровской конференции (Ульяновск, 1987), Международной конференции, посвящённой 190летию со дня рождения И.А. Гончарова (Ульяновск, 2003). На материале текстов

И.А. Гончарова к настоящему времени были написаны и защищены 10 диссертаций: 5 литературоведческих работ [Гузь 2001; Краснова 2003; Желнова 2004; Уба 2005; Ларин 2008] и 5 исследований лингвистического характера [Попова 1998; Садуллаева 2000; Гапеева 2001; Сороченко 2003; Игнатов 2013]. Оригинальная проза, идиостилевые черты текстов И.А. Гончарова вызывают интерес и заслуживают изучения. Обращение к ним в связи с исследованием структуры макроконцепта 'Человек' в романах «Обломов» и «Обрыв» представляется актуальным.

В связи с ограниченным объёмом диссертации нами был проведён отбор большого количества материала, посвящённого авторской концептосфере и особенностям идиостиля И.А. Гончарова в романах «Обломов» и «Обрыв». Однако на сегодняшний момент никто из исследователей творчества писателя не ставил вопрос о концептуальном наполнении центра художественной картины мира романов – 'Человека'.

Степень разработанности проблемы. Термин «концепт» появился в статье С.А. Аскольдова-Алексеева в журнале «Русская речь» в 1928 году. Это мыслительное образование, которое замещает неопределённое множество предметов одного и того же рода или конкретные предметы, представления. Исследователь рассматривает художественные и концепты знания. Д. С. Лихачёв [Лихачёв 1997] обращается к понятию концептосферы как целостности, состоящей из концептов отдельных слов, которые зависят друг от друга.

В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров [Карасик 2004; Прохоров 2008] подробно описывают структуру концепта и его основные характеристики, что освещается в нашей диссертации. Классификации концептов составлены М. Влад. Пименовой, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, А.Т. Хроленко [Пименова 2001; Попова 2007; Хроленко 2009].

Новейшие исследования концепта базируются на двух позициях:

- 1. Концепт как элемент духовной культуры человека [Венедиктова 2003; Зализняк 2005; Шаталова 2009].
 - 2. Механизм возникновения концептов, или концептуализация [Леденёва

2000; Валентинова 2001].

Также есть исследования, связанные с изучением художественного концепта [Стернин 2008; Тарасова 2010; Войлова 2014].

Отдельные сведения об особенностях концептосферы романов И. А. Гончарова, а также идиостиля, мировоззрения писателя можно получить по работам [Мережковский: URL; Лотман 1982; Адян 1992; Николина 2008].

Тема настоящего исследования связана с изучением особенностей лексического воплощения макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

Выбор темы обусловлен интересом к языку произведений И.А. Гончарова, к неповторимой творческой манере писателя, связанной с изображением обыденной жизни (мир коллективный), которая, преломляясь в воображении автора (мир индивидуальный), становится «миниатюрой» в романах. Кроме того, автор не только создаёт художественный текст, но и осуществляет исследование своего творчества. Мы рассматриваем особенности восприятия романов «Обломов» и «Обрыв» с двух позиций: человека второй половины XIX века и современного читателя XXI века. Важнейшей лингвистической причиной обращения к данной теме является наш исследовательский интерес к специфике наполнения макроконцепта 'Человек' в художественном тексте.

Объект исследования — художественный макроконцепт 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

Предмет исследования — лексическая репрезентация макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

Основная цель исследования — выявление и описание индивидуальноавторского содержания художественного макроконцепта 'Человек' на материале романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».

В связи с указанной нами целью ставятся следующие задачи:

- 1. Определить сущность макроконцепта 'Человек' в научных исследованиях.
- 2. Установить концепты, наиболее важные для построения макроконцепта 'Человек' в указанных произведениях.

- 3. Описать систему концептов, которые формируют авторскую концептосферу в романах «Обломов» и «Обрыв».
- 4. Описать средства и способы языковой репрезентации образной, понятийной и ценностной составляющих концептов 'Женщина', 'Душа', 'Любовь', 'Счастье', 'Радость'.
- 5. Выявить особенности содержания и состав репрезентантов важнейших концептов творчества И.А. Гончарова 'Обломов', 'Обломовка', 'Халат', 'Диван', 'Книга', 'Обрыв', входящих в состав художественного макроконцепта 'Человек'.

Методы исследования. В ходе исследования используются следующие методы:

- 1. Общенаучные методы наблюдения, синтеза и анализа. Анализируются лексические единицы авторских текстов; выявляется функциональная роль единиц.
 - 2. Метод дефиниционно-компонентного анализа:
 - а) приём нацеленной выборки лексического материала;
 - б) использование этимологических данных;
- в) приём классификации и систематизации языковых репрезентантов исследуемых концептов.
- 3. Метод дискурсивного анализа. Ведутся внетекстуальные наблюдения: рассматриваются особенности мировоззрения И.А. Гончарова, которые повлияли на творчество писателя.
- 4. Метод математической статистики; приём статистического подсчёта языковых единиц.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1. Впервые определён и охарактеризован круг концептов, наполняющих поле макроконцепта 'Человек', в авторской картине мира И.А. Гончарова.
- 2. Разработана классификация художественных (авторских) концептов в романах 'Обломов' и 'Обрыв'.
 - 3. Проанализированы особенности лексической реализации универсальных

и авторских концептов в пространстве исследуемых художественных текстов, что позволяет говорить об идиостиле И.А. Гончарова.

4. Выявлены семантико-когнитивные признаки лексем, которые являются словами-именами концептов, установлены их семантические отношения с другими языковыми единицами в текстах романов, определён их семантический объём в контексте выбора концепта и его лексического представления.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении и уточнении понятий «языковая личность», «концепт», «макроконцепт», «семантико-когнитивный признак», а также в составлении собственной классификации концептов исследуемых произведений. В нашем исследовании предлагается модель макроконцепта 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Полученные результаты могут найти применение при концептуальном анализе творческого наследия писателя. Также результаты исследования текста, представленные в диссертации, могут оказаться полезными в изучении художественной концептосферы других авторов.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при изучении художественной картины мира произведений И.А. Гончарова: в вузовских курсах «Язык художественной литературы», «Лингвистический анализ текста», «Когнитивная лингвистика», спецкурсах и спецсеминарах по русскому языку. Выводы об особенностях функционирования концептов в романах «Обломов» и «Обрыв» могут найти применение в подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистратуры, в диссертационных исследованиях, а также при составлении словаря концептов произведений И.А. Гончарова.

Методологическую и теоретическую базу исследования составляют труды ведущих отечественных когнитологов и лингвокультурологов: Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова-Алексеева, Т.В. Белошапковой, С.Г. Воркачёва, В.В. Воробьёва, В.И. Карасика, Д.С. Лихачёва, О.В. Лукина, В.А. Масловой, М.Влад. Пименовой, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, Г.Г. Слышкина, И.А. Стернина, А.Т. Хроленко, В.М. Шаклеина.

Материал исследования извлечён из романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв», приводится по изданиям: Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: ГИХЛ, 1952-1955. Т. 4. Обломов: роман в четырёх частях / Подгот. текста и примеч. А.К. Котова. — 1953. — 520 с. Т. 5. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. І—ІІ]. / Подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. — 1953. — 368 с. Т. 6. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. ІІІ—V]. / Подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. — 1954. — 456 с. Картотека насчитывает 3103 контекста.

Основная гипотеза исследования: макроконцепт 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» — это сложное образование (конструкт и т.п.), которое является важнейшим элементом художественной картины мира писателя, включает в себя универсальные (концепты группы «Человек самобытный», эмоциональные) и концепты группы «Человек и окружающий мир». Данные типы концептов индивидуализируются в авторской концептосфере.

Положения, выносимые на защиту:

- 1. Анализ и описание языковых средств лексико-семантического уровня в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» помогает сформировать номинативное поле концептов, входящих в макроструктуру 'Человек'. Структура макроконцепта 'Человек' в исследуемых произведениях связана прежде всего с авторской спецификой понимания того, что есть человек. При изучении данной темы мы определили, что наиболее яркими составляющими поля макроконцепта 'Человек' являются группа «Человек самобытный», группа эмоциональных концептов и группа концептов, обобщённо названная нами «Человек и окружающий мир», в которую мы включили слова, номинирующие концепты вещного мира человека.
- 2. Романы И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» представляют собой открытые системы, насыщенные ценностными ассоциациями. Они направлены на сверхчувственный опыт читателей, носителей русской языковой культуры. Поэтому макроконцепт 'Человек' в каждом из двух романов И. А. Гончарова наполняется определёнными концептами, которые лексически реализуются в ключевых словах. Макроконцепт 'Человек' в романах «Обломов» и «Обрыв»

реализует свою специфику и наполняет свой объём через сложную систему семантико-когнитивных признаков каждого концепта в его составе, а также сложнейшую систему связей (семантических, ассоциативных) слов-номинантов концептов между собой в этой макросистеме.

- 3. Макроконцепт 'Человек' в романе «Обломов» включает в себя концепты, реализованные ключевыми лексемами *Обломов*, *любовь*, *душа*, *счастье*.
- 4. Макроконцепт 'Человек' в романе «Обрыв» включает в себя концепты, реализованные ключевыми лексемами женщина, любовь, книга, счастье.

Степень достоверности работы обеспечена обращением к данным толковых и аспектных словарей русского языка. Объективная картина исследования складывается благодаря применению метода статистического анализа. Выводы о структуре макроконцепта 'Человек' в романах «Обломов» и «Обрыв» подтверждаются при сопоставлении языковых источников, содержащих фактуальную информацию, и данных словарей, а также материалов «Обломовской энциклопедии» [Обломовская энциклопедия: URL].

Апробация диссертации: основные положения работы представлены в 14 научных статьях, в том числе в 3 статьях из списков журналов, рецензируемых ВАК РФ. Автор принимал участие в научно-практических конференциях студентов, аспирантов и преподавателей МГОУ (г. Москва, 2012 – 2015 гг.), во Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (г. Арзамас, 2012 г.), Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (г. Москва, 2012 г.), Международной научной конференции «Современное языкознание и лингводидактика», посвящённой 90-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского (г. Москва, 2012 г.), Международной научно-практической конференции «Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность» (г. Москва, 2013 г.), Всероссийской научной конференции «Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера» (г. Вологда, 2013 г.), Международной научной конференции «Русский язык и литература: история и современность», посвящённой 75-летнему юбилею

профессора Л.Ф. Копосова (г. Москва, 2015 г.), научно-практической конференции «Русский язык в современном мире» (г. Смоленск, 2017 г.).

Структурно диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка источников, Списка использованной литературы и Приложения.

ГЛАВА 1. МАКРОКОНЦЕПТ 'ЧЕЛОВЕК' В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Романы «Обломов» и «Обрыв» занимают особое место в творческом наследии И.А. Гончарова. В центре этих произведений – человеческая личность и её судьба во второй половине XIX века. Многие исследователи изучают своебразие творческого «Я» писателя, пытаются выявить особенности его мировоззрения. Постижение идейного замысла, позиции автора является непременным условием адекватного восприятия содержания произведения [Адян 1992: 86].

И.А. Гончаров в своём творчестве руководствуется философской антропологией. Это учение рассматривает природные и социальные начала в человеке. Первооснова личности — натура [Борзенкова 2003: 213]. Важны и влияние окружающей среды, воспитание. Социальное начало в человеке, по мнению автора, — это умение целостно воспринимать явления действительности, подвергая их внутреннему анализу. Основу нравственности составляют Чувство и Вера. В.И. Мельник указывает на способность Гончарова «синтезировать важнейшие идейные и эстетические факторы, в которые оформились попытки человечества осмыслить коренные вопросы жизни» [Мельник 2012: 315].

Данные положения, как увидим в дальнейшем, наиболее полно выражены в романах «Обломов» и «Обрыв», и поэтому мы можем рассматривать эти произведения через призму изучения макроконцепта «Человек».

Основной метод работы И.А. Гончарова – введение в творческую атмосферу романов жизненных наблюдений. Автора интересует всё будничное, простое. Мелкие подробности быта являются ценными при описании главных героев.

Итак, краткий обзор особенностей творческого мышления И.А. Гончарова говорит о высоком мастерстве романиста. Позиция, мировоззрение писателя – основа для изучения авторской концептосферы в романах «Обломов» и «Обрыв».

1.1. Идиостиль и его роль в создании художественного произведения

1.1.1. Понятие языковой личности автора

Современная лингвистическая наука за каждым текстом видит языковую личность, которой дан во владение язык. Понятие языковой личности впервые было сформулировано В.В. Виноградовым [Виноградов 1947]. При исследовании данного явления необходимо изучение parole (индивидуального речевого опыта) творца художественного произведения.

теоретическая Современная разработка понятия языковой личности принадлежит Ю.Н. Караулову [Караулов 2003]. Под языковой личностью способностей понимается совокупность И характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, текстов, которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной изображения действительности; определённой точностью в) целевой направленностью.

Языковая личность представляет собой сложную семиотическую систему, состоящую из трёх уровней, находящихся в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния: вербального (лексикон), лингвокогнитивного (тезаурус), мотивационного (прагматикон).

На каждом из уровней она складывается из специфических типов элементов: а) единиц соответствующего уровня; б) отношений между данными единицами; в) их стереотипных объединений, особых, свойственных данному уровню компонентов. В качестве единиц данного уровня фигурируют отдельные слова, отношения между которыми охватывают всё разнообразие их грамматикопарадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей.

В качестве единиц лингвокогнитивного уровня (идиотезауруса) выступают обобщённые (теоретические или обыденно-бытовые) понятия, крупные концепты, идеи.

Языковая личность начинается именно с этого уровня, потому что здесь

оказывается возможным индивидуальный выбор, предпочтение одного понятия другому, придание определённого статуса идее в субъективной иерархии ценностей. Индивидуальность может проявиться в словотворчестве, оригинальной ассоциации.

В качестве единиц мотивационно-прагматического уровня (прагматикона) выступают коммуникативно-деятельностные потребности личности, отношения между которыми задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемыми общающимися коммуникативными ролями. В качестве стереотипов на этом уровне рассматриваются символы, образы, знаки повторяющегося для данной культуры прецедентного текста.

Языковой способ выражения символа прецедентного текста совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: это может быть цитата, ставшая крылатым выражением («ну как не порадеть родному человеку»), имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но и актуализирующее у читателя все ассоциации, связанные с соответствующим прецедентным текстом (Дон-Жуан).

При характеристике языковой личности особое внимание уделяется проявлению её индивидуальных способностей. Наиболее ярко это раскрывается в художественных произведениях. Здесь следует говорить об образе автора как творческой личности. А.Н. Кожин так определяет авторское «я» — «конкретное лицо, решившее представить в художественной форме то, что стало предметом личных желаний, устремлений, а также лицо, владеющее приёмами словесно-изобразительного творчества» [Кожин 2007: 71]. Мастерство художественного изображения и облик реальной действительности, переосмысленный автором в тексте, являются важными сторонами творчества писателя.

Т.С. Злотникова считает, что отправителем (автором) текста является обыденная личность, равнозначная той, которая выступает в качестве получателя [Злотникова 2011: 71].

Художественный текст оказывает влияние на текст поведения автора, его внешние, социально-значимые признаки и нравственно-психологические

особенности. Н.М. Шанский определяет художественный текст как «своеобразное средство общения между читателем и создателем» [Шанский 2010: 29]. Образ автора неизбежно, объективно присутствует в художественном тексте.

Авторский угол зрения (взгляд, отношение) объединяет произведение в единое целое и в то же время объясняет место, роль и функцию каждого элемента в нём. Г.О. Винокур подчёркивает, что конечной целью наблюдений над индивидуальным художественным стилем становится «личность художника, его идейный и художественный замысел» [Винокур 2006: 61].

Говоря о художественном замысле (мотиве, интенции), укажем на такое свойство текста, как цельность. Замысел существует до готового текста, находит своё выражение в нём, претерпевает те или иные изменения. Это психологическое и интеллектуальное пространство авторского «я», которое обуславливает порождение текста [Лукин 1999: 89].

Категория автора связана со всеми уровнями текста, его содержательноструктурной основой, взаимодействием и функциональностью всех элементов [Гузь 2001: 353]. В тексте содержится определённая автором прагматически и эстетически маркированная информация.

Состав языковых средств — это материальное воплощение установки взглядов писателя на то, в какую «упаковку» следует облечь то или иное содержание. Художественным становится тот контекст, в котором слово развивает свою семантическую структуру, актуализируются семы, в том числе коннотативные, создаются окказиональные смыслы. Авторская интенция придаёт особую контекстуальную значимость узуальной и окказиональной единице.

Н.С. Валгина выделяет следующие критерии творческого контекста:

- 1. Наличие системы, которая отражает мировоззрение автора;
- 2. Многоплановость художественного текста; 3. Подтекст [Валгина 2003: 140].

Слог писателя – продукт родного языка, который перерабатывается под воздействием установившихся в конкретную эпоху манеры письма, формы творчества, литературного направления и т.д. Так, стиль И.А. Гончарова

характеризуется Д.Н. Овсянико-Куликовским как «слог смешанного характера» [Овсянико-Куликовский 2010: 122]. В нём отрывочные, короткие фразы чередуются со сложными предложениями и их сочетаниями.

Художественная речь — это специфическое стилистическое явление. Оно представляет собой применение в художественной литературе языка во всех его разновидностях с целью эстетического воздействия на читателя. Т.Г. Кучина считает, что статус текста определяется характером читательской рецепции, его готовностью истолковывать произведение в согласии с правилами, предложенными автором [Кучина 2008: 10].

Отметим, что у каждого читателя во время знакомства с романами И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» возникают собственные ассоциации (ассоциативные ряды). Это связано с природой художественного текста.

В художественных произведениях наблюдается соотношение «образ/содержание». Содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетикопознавательного взаимодействия [Гальперин 1981: 25]. Такая информация произведения И представляет собой извлекается ИЗ всего творческое отношений, фактов, событий, переосмысление указанных процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире. По мнению Т.С. Злотниковой, механизм интерпретации можно применить к любому тексту классического произведения [Злотникова 2011: 79].

Мы разделяем точку зрения исследователя и утверждаем, что романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» представляют собой открытые системы, содержащие большой запас смыслов, которые ещё не до конца изучены читателем.

Прочтение художественного текста – погружение толкователя в могучие

глубинные течения культуры, которое высвечивает шлейфы смыслов, помогает понять систему ценностных координат [Есаулов 2009: 22]. Механизм интерпретации художественного текста тесно связан с наследованием культурных традиций. При знакомстве с литературным произведением адресат осознаёт его концептуальную сущность [Фокина 2013: 105]. В нём отражается объективная действительность в её реальном воплощении.

Г.Г. Слышкин предлагает понятие «функционалема» — элемент лингвокультурного концепта, основанный на ассоциативной связи между концептуализируемым феноменом и фрагментом авторского воображаемого мира [Слышкин 2004: 76]. Также художественный образ помогает увидеть внутренний мир человека.

Художественное произведение невозможно без текста, хотя знак равенства понятиями ставить нельзя. В литературоведении отождествляется с представлением о целостности художественного произведения, что позволяет провести идейно-тематический анализ произведения и выделить некоторые элементы сюжета и композиции, то есть дать интерпретацию. С позиции лингвистики описываются специфические средства, обеспечивающие смысловые установки, передаваемые в тексте. По определению В.А. Лукина, текст – сообщение, которое существует в виде последовательности знаков, обладающих формальной связностью, содержательной цельностью возникающей взаимодействия формально-семантической В результате ИХ структурой [Лукин 1999: 5].

- В.В. Одинцов рассматривает следующие типы отношений в тексте:
- 1. Логико-содержательные. Они опираются на реальную действительность и трансформируются в структуре текста. 2. Семантические отношения, которые взаимодействуют с экспрессивными языковыми средствами и создают стилевой рисунок текста [Одинцов 2010: 59–60].
 - Е.С. Кубрякова определяет такие критерии текста, как:
- 1) информационная самодостаточность, т.е. содержательность, смысловая завершённость и прагматическая целостность;

- 2) адресатность ориентация на определённый круг людей; 3. Целенаправленность;
 - 4) интенциональность реализация замысла [Кубрякова 2004: 513].

Результатом анализа текста становится формирование его ментальной модели. Концептуальная информация семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого [Хисамова 2015: 574].

Художественный текст является особого рода знаковой системой [Анализ языка художественного текста 1998: 4]. Он представляет собой единство определённого мыслительного содержания (означаемое) и план выражения (означающее). Обе стороны взаимообусловлены и предполагают друг друга.

А.А. Потебня выделяет в художественном тексте 3 стихии:

- 1. Содержание (идея), которое соответствует чувственному образу или развитому из него понятию.
 - 2. Внутренняя форма образ, который указывает на это содержание.
- 3. Внешняя форма. В ней объективируется художественный образ [Потебня 1976: 179].
- Т.С. Злотникова предлагает понятие «классический текст» классически организованный и структурно завершённый феномен, раз и навсегда заданный комплекс символов, либо кодов, либо мотивов, реже символов [Злотникова 2011: 71, 73].

Художественный текст как знаковая система обладает иерархической структурой организации. Структура — это пространство, которое создаётся интерпретатором на материале линейной формы текста, а также получает объяснение принцип его организации [Лукин 1999: 89–90].

уровней Выделяется несколько текста: фонетический, лексический, грамматический, синтаксический, семантический, или смысловой. Структурные отношения между уровнями становятся определённой характеристикой текста в целом. Иную классификацию уровней художественного текста лаёт Л.А. Новиков:

1. Идейно-эстетический (идеологический). В нём воплощается содержание в

соответствии с авторским замыслом как результат эстетического освоения изображаемой действительности.

- 2. Жанрово-композиционный это поэтическая структура текста: содержание, жанр, система образов в их взаимосвязи и развитии, расположение и соотношение художественных деталей.
- 3. Языковой (эстетическая речевая система). На этом уровне выражается идейно-эстетическое содержание литературного произведения при помощи изобразительных средств языка, которые даны в композиционном развитии [Новиков 2007: 16–17].
- О.И. Валентинова вводит понятие «доминанты» как механизма, который направлен на достижение однопонимания текста [Валентинова 2010: 11]. Основными свойствами доминанты являются векторность и активность (имеет формальные средства выражения). Исследователь рассматривает несколько типов ланного явления:
- 1. Доминанта идейно-эстетического уровня (основная мысль текста, которую воспринимает читатель).
 - 2. Доминанта образно-композиционного уровня.
 - 3. Доминанта эстетико-языкового уровня.

По нашему мнению, классификации уровней художественного текста, представленные Л.А. Новиковым и О.И. Валентиновой, являются теми матрицами, которые помогают читателю понять замысел автора, или его интенцию.

Таким образом, авторский угол зрения (взгляд, отношение) объединяет произведение в единое целое и в то же время объясняет место, роль и функцию каждого элемента в нём.

1.1.2. Особенности идиостиля И.А. Гончарова

Во второй половине XIX века писатели изображают и осмысляют действительность с точки зрения проблемы постижения духовной судьбы

человека [Лученецкая-Бурдина 2012: 205]. Проза Гончарова — уникальный художественный мир. Его романы «многослойны», в них вырабатывается определённая соотнесённость голоса автора (повествователя) и голосов персонажей.

И.О. Мазирка в своём исследовании рассматривает языковую картину мира героя художественного произведения, тесно связанную с образом автора [Мазирка 2008: 81–82]. Данная модель имеет несколько уровней: 1. Личностно-психогенетический (информация о личностном пути писателя); 2. Личностно-экзистенциальный (жизненный путь героя); 3. Личностно-катартический (конфликт и способ его разрешения); 4. Личностно-когнитивный (жизненный опыт героя, его представления о жизни, других людях); 5. Личностно-вербально-семантический (языковые средства характеристики героя); 6. Личностно-эстетический (композиция произведения, литературно-художественные приёмы). Диалог повествователя и персонажей представляет собой взаимодействие авторской и чужой речи, результатом которого является внутренняя диалогизация художественных текстов как авторского монолога [Фокина 2013: 5].

Герои романов «Обломов» и «Обрыв» – яркие человеческие индивидуальности и представители своей эпохи. В романах создан особый тип психологизма – «проявление «осердеченного ума» [Желнова 2004: 27]. Художественный план в обрисовке персонажей связан с описанием внешней и внутренней сторон личности. Важнейшей из них является внутренняя сторона: сущность натуры героев раскрывается через душу.

Предметом осмысления в романах становятся их ценностные ориентации. Так, в «Обломове» показана сложная взаимообусловленность «обломовщины» как недуга с природной чистотой натуры героя, чувством совести и правды. Илья Ильич попадает в инородную для своих представлений о жизни среду, но,

Ольга — это новый в русской литературе женский тип, глубоко и серьёзно воспринимающий жизнь. Благодаря этой героине читатель может лучше узнать и понять образ Ильи Обломова.

тем не менее, он не меняется духовно, а уходит в своего рода инобытие.

В «Обрыве» герои связаны между собой «вечными» основами жизни. У Райского творческий склад ума, он «само воплощённое движение, непоседливость, духовное кочевничество и бродяжничество» [Гузь 2001: 105].

У Веры «романтизированный» в структурном и идейном отношении характер. Её образ психологически убедителен. Бережкова, Вера и Райский руководствуются в жизни нравственным чувством. Марк Волохов опирается на разумное начало. В основе — мысль о преображающей творческой деятельности. Таким образом, в романах преобладает духовно-нравственное начало.

Одной из существенных особенностей идиостиля И.А. Гончарова является изображение обыденной жизни (мир коллективный), которая, преломляясь в воображении автора (мир индивидуальный), становится «миниатюрой» в романах. Миниатюра — это ракурс, обобщающий жизнь как текст [Сороченко 2003: 25]. Исходя из данного выше определения, можно считать, что жизнь (реальная действительность) становится фоном для текстов романов

И.А. Гончарова. Это правдивое, неподкрашенное изображение действительности, которое обобщается в типичных живых и конкретных образах.

Д.С. Мережковский в статье «Гончаров» [Мережковский: URL] указывает на тесную связь характера персонажа с окружающей его средой. Также критик находит общую черту романов «Обломов» и «Обрыв»: сопоставление личностей деятельных с праздными (Штольц — Обломов, Волохов — Райский). Такая стилевая черта характерна для произведений, которые были созданы во второй половине XIX века в духе реалистического направления. Сам писатель в статье «Лучше поздно, чем никогда» определяет роман «Обломов» как «<...> зеркало обломовской бездонной лени, апатии, сна» [Гончаров 1995: 86].

Ж.Р. Садуллаева также говорит о мотиве зеркальности, который характеризует «кристально чистую душу Обломова» [Садуллаева 2000: 42].

Быт является микросредой, в которой существует человек. Ю.И. Айхенвальд называет писателя «художником фламандской школы, которого интересует самый обряд жизни» [Айхенвальд 1994: 209]. Именно через «говорящие» детали русского быта показываются этапы развития характера главного героя Обломова.

Так, описание усадьбы Обломовки приобретает комический оттенок. Неслучайно появляются мотивы «еды», «смеха», «солнечного света». В главе «Сон Обломова» ощутима добрая авторская насмешка.

Мы рассматриваем топоним *Обломовка* как концепт. Это образ родного дома, место, связанное с различными состояниями человека (сон как повальная болезнь, атмосфера вечного праздника, беззаботности). Таким образом,

И.А. Гончаров прибегает к указанию на внеличностные ресурсы знания о героях [Кучина 2008: 14], что свидетельствует о фактуальном характере исследуемых текстов.

Изображение правды обыденного существования способствует раскрытию итогового смысла романа «Обломов» [Недзвецкий 1996: 37]. В юмористическом ключе показана не только жизнь отдельной усадьбы Обломовки, но и всех русских людей. И.А. Гончаров считает, что «романист – это живописец нравов» [Гончаров 1938: 131].

Дом — один из самых древних архетипов человеческого сознания и феноменов культуры [Гузь 2001: 177]. Образ родового гнезда — основа духовнонравственных начал человека. В мировоззрении Ильи Ильича Обломова идея дома является основной. В романах И.А. Гончарова образ дома рассматривается с двух позиций: бытового уклада и духовно-нравственного аспекта.

Время и пространство — основа художественного мира, созданного писателем. Пространство как одна из координат бытия — это обязательный компонент мироощущения литературного героя и средство его характеристики.

Для Обломова время изображается как ментальное полубессознательное наложение прошлого на настоящее [Гузь 2001: 220]. Герою необходима повторяемость, неизменяемость. Ему не нравятся ценности суетно-практического мира. Любимые слова Обломова – русское авось, может быть и как-нибудь. Для Штольца же важнее событийность. Происходит столкновение динамического и статического начал, которые воплощены в данных образах-характерах. Кроме того, противопоставление «динамика/статика» прослеживается у двух топонимов: Обломовка и Верхлёво (лексемы верх – вертикаль и верхлявый – нарушающий

неподвижность).

Художественное время повествователя более абстрактно по сравнению с индивидуальным временем героев. Временные точки отсчёта ориентированы на внутренний мир, поведение персонажей. В романе «Обрыв» взаимодействуют субъектные временные сферы, психологически индивидуализированные, и историческое время. Так, Райский одновременно является и объектом, и субъектом повествования.

Источником движения является внутренняя дисгармония, противоречия. Марк Волохов отрицает старые идеалы и ценности (прошлое). Герой способен проповедовать новую жизнь, призывать к ней.

Ключевыми образами являются Татьяна Марковна Бережкова и Вера. Бережкова – хранительница традиций. Это одновременно и типичный, и символичный образ в романе. Вера отстаивает незыблемость нравственных семейных категорий. Жизнь данного персонажа полностью подчинена патриархальному укладу.

И.А. Гончаров не только создаёт художественный текст, но и осуществляет исследование своего творчества. Автор становится носителем активного жизненного начала, способствующего чтению и пониманию наследия прошлого и его сопряжению с идеями современности [Акатова 2015: 13].

И в «Обломове», и в «Обрыве» появляются метаязыковые элементы, которые выполняют следующие функции: 1) характеристика особенностей речевого поведения героев; 2) специфика восприятия героями определённого фрагмента жизни; 3) авторское комментирование процесса речи героев; 4) комментирование высказываний самими героями.

Автор формирует своего читателя, вовлекая его в процесс сотворчества. Например, роман «Обрыв» строится как текст в тексте. Для произведений И.А. Гончарова характерно взаимопереплетение, слияние разных форм, типов речи.

Своеобразие авторской речи проявляется в сдержанности в смысле экспрессии и интенсивности изображения действительности [Попова 1998: 10].

Внутренний голос персонажа сливается с речью повествователя. Идеологическая точка зрения автора не оценочная, а, скорее, фиксирующая. Например, поведение Веры и Райского изображается двумя способами:

- 1. Прямые авторские размышления, которые присутствуют и в самоанализе героев.
 - 2. Косвенное изображение поступков, жестов, портрета.

В романах описывается обычный порядок вещей, нет фантастических явлений. Это отражается и в языке. В.И. Мельник отмечает, что, затрагивая религиозные темы, романист не выходит за рамки светской лексики [Мельник 2008: 262]. Но иногда можно встретить и религиозную лексику. Например, словосочетание тайный враг в определённом контексте может обозначать дьявола, задача которого заключается в том, чтобы разлучить человека с Богом.

Есть также «живопись» и «музыка», «поэзия». И.Л. Желнова видит мастерство Гончарова-психолога в том, что он показывает игру света, цвета в изображении эмоций [Желнова 2004: 145]. Н.И. Пруцков говорит о синтезе эмоционально-стилевых романтических приёмов и реализма [Пруцков 1962: 106]. С одной стороны, есть комические, юмористические элементы, а с другой – повествование о высоком, прекрасном (любовь Ольги и Обломова, творческая работа Б.П. Райского как отражение исканий И.А. Гончарова-романиста).

В.А. Доманский указывает на интертекстовую природу романа «Обрыв» [Доманский: URL]. Это связано с обращением к полотнам великих мастеров живописи, которые вызывают ассоциативные ряды. Происходит постоянное взаимообогащение, трансформация, метафоризация смыслов [Доманский: URL]. Так, концепт 'Обрыв' в одноимённом романе трактуется как:

- 1. Локатив (пространственная характеристика).
- 2. Точка отсчёта в жизни человека. Мадонна становится сквозным образом, характеризующим женские персонажи. Бережкова совмещает в себе женскую мудрость и подвижническую любовь, величие, глубокую религиозность. Вера наделена сильным характером, её страдания глубокие и искренние.

Пейзажные образы также тесно связаны с важнейшими событиями в жизни

героев и их сущностными, онтологическими чертами. Совокупность интертекстуальных элементов образует в романе «Обрыв» единый интертекст, который обеспечивает динамику общетекстовой семантики, структурносмысловую целостность текста [Фокина 2013: 111].

Особая роль в тексте принадлежит ключевым словам. Вслед за А. Вежбицкой мы определяем ключевые слова как «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая: URL]. В романах «Обломов» и «Обрыв» их значения передают образ жизни, мышления русского человека второй половины XIX века. Они имеют комплексный, обобщающий и символический характер, связаны с сущностными характеристиками героев. Лексема обломовщина функционирует на протяжении всего романа «Обломов» и имплицитно реализует те или иные грани своего смысла. Это образная доминанта, в которой концентрируется смысл романа.

Также следует обратить внимание на названия романов. Т.А. Карпинец считает, что заголовки произведений выполняют следующие функции в тексте:

- 1. Индивидуализирующая. Рассматривается конкретный текст, который представляет уникальную эстетическую систему.
 - 2. Прогностическая. Автор делает акцент на многозначности названия.
- 3. Символическая. Смысл разворачивается в процессе понимания [Карпинец 2004: 23–24].

Заголовки «Обломов» и «Обрыв» в концентрированном виде сообщают информацию о содержании произведений. На наш взгляд, они находятся в сильной позиции текстов, т.к. обладают следующими характеристиками:

- 1. Не могут быть выявлены до предварительного анализа романов. Его итогом становится формулировка гипотезы, которая приводит к пониманию смысла произведений.
- 2. Встречаются в текстах много раз, но не каждое употребление этих заголовков совпадает с сильной позицией.
 - 3. Указывают на уникальность романов.
 - 4. Выражены формально лексемами Обломов и обрыв.

5. Имеют фиксированное положение в текстах. Заголовки инициируют процесс понимания текста индивидом [Залевская 2001: 135].

В произведениях И.А. Гончарова есть свой уникальный ономастический мир, который, как и другие средства языка, выражает художественные идеи писателя.

Антропонимы связаны в сознании носителя языка с определённым референтом, содержат в своей семантике субъективную оценку говорящим обозначаемого лица [Алешина 2015: 81]. Имена и фамилии в романах становятся ключом к постижению сути образов. Они представляют в текстах человеческое начало, формируют семантические комплексы вокруг себя. Анализ антропонимов помогает выявить связи и отношения между персонажами в их динамике, раскрыть особенности художественного мира произведения.

Женская антропонимика отражает внутреннюю связь между сферами имени и судьбы. Фамилия главной героини Ольги Ильинская подчёркивает её связь с Обломовым.

- Н.А. Николина говорит о фамилии Обломов как о комбинированном, гибридном образовании с семантикой круга, символизирующего отсутствие развития [Николина 2008: 201]. Так антропоним становится нарицательным обозначением лени и безволия.
- R. Реасе, наоборот, сравнивает имя Обломова с Ильёй Муромцем, титанической фигурой русского фольклора. Это намёк «на великую силу, которая неожиданно может вывести героя из апатии» [Реасе 1991: 15]. В.А. Недзвецкий даёт несколько значений фамилии главного героя: 1) «человек, обломанный жизнью»; 2) «округлый (от старославянского обло)»; 3) «обломок (представитель архаического жизненного уклада)» [Недзвецкий 1996]. С.А. Ларин считает, что у Обломова «женственные» имя и фамилия [Ларин 2008: 141]. Это выражение его феминности.
- В.И. Мельник предлагает свою интерпретацию ономастического мира романа «Обрыв» [Мельник 2008]. В Марке Волохове выражен «животный эгоцентризм»: он похож на волка. В данном случае можно наблюдать оппозицию: зверь/человек.

Фамилия Б.П. Райского связана с религиозными представлениями о Райском саде (Эдем-Малиновка) и Райских вратах. Имя Веры ассоциируется с православием. Именно с ним И.А. Гончаров связывал дальнейшие исторические судьбы России.

Таким образом, имя способно аккумулировать в себе большой смысловой потенциал, вызывать в сознании читателя определённые представления, идеи. Всё это позволяет рассматривать его как полноправную структурную единицу текста, значимую саму по себе и в связи с другими элементами художественного целого.

Герои «Обломов» «Обрыв» романов яркие человеческие своей индивидуальности представители эпохи. Данные произведения представляют собой авторского переосмысления результат окружающей И.А. действительности (творческого процесса). Романы Гончарова «многослойны», в них вырабатывается определённая соотнесённость голоса писателя (повествователя) и голосов персонажей.

1.2. Концепт и языковая картина мира

1.2.1. Основные научные подходы к изучению концептов

Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека [Венедиктова 2003: 41].

В XXI веке стали актуальными исследования взаимоотношений языка и культуры. Активно разрабатывается направление, рассматривающее язык как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации и познания.

Концепт имеет многоуровневую структуру. Крупной единицей данной структуры является макроконцепт – масштабное образование, которое объединяет множество концептуальных понятийно изоморфных (и смежных) концептуальных структур на основе сходства концептуального признака [Пиксендеева 2009: 8]. По мнению 3.Г. Шайхисламовой, он выражает абстрактное глобальное значение [Шайхисламова 2004: 9]. Концепт является составной частью макроконцепта.

Существуют разные подходы к изучению этой ментальной единицы. Ещё в начале XX века С.А. Аскольдов-Алексеев [Аскольдов-Алексеев 1928] в своей статье даёт два определения термину «концепт»: это «общее представление» и «понятие». Концепт замещает в процессе мысли, с одной стороны, неопределённое множество предметов одного и того же рода. А с другой – конкретные предметы или представления. Концепты — это почки сложнейших соцветий, которые могут подвергаться анализу и синтезу [Аскольдов-Алексеев 1928: 31].

С.А. Аскольдов-Алексеев [Аскольдов-Алексеев 1928] выделяет такие разновидности концептов, как художественные и концепты знания. В концептах знания учитываются требования соответствия реальной действительности или законам логики.

Особое внимание автор уделяет проблеме художественных концептов. Это сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений. Связь элементов основана на художественной ассоциативности. То,

что означают данные концепты, всегда больше исходного в них содержания. Художественный концепт тяготеет к «потенциальным образам» и также

направлен на них. В нём «родовое» есть органический сросток возможных

образных формирований, определяемый основной семантикой художественных

слов [Аскольдов-Алексеев 1928: 38].

В конце XX века Д.С. Лихачёв в статье «Концептосфера русского языка» 1997] Лихачёв продолжает рассуждения предшественника, своего С. А. Аскольдова-Алексеева [Аскольдов-Алексеев 1928]. Он считает, концепт возникает в результате столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека [Лихачёв 1997: 151]. Концепт может расширять сотворчества, значение, оставляя возможность ДЛЯ домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова. Однако отклонения и дополнения, по мнению Д.С. Лихачёва, должны происходить в пределах контекста.

В статье вводится понятие концептосферы. Это потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, так и всего языка в целом. Одна концептосфера может сочетаться с другой. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (поэтам), носителям фольклора, отдельным профессиям и сословиям. Кроме того, это могут быть названия произведений, которые через свои значения порождают концепты. Концептосфера языка – это концептосфера культуры.

Таким образом, в словарном запасе Д.С. Лихачёв выделяет [Лихачёв 1997: 155] четыре уровня:

- 1. Сам словарный запас.
- 2. Значения словарного типа, примерно так, как они определяются словарями.
- 3. Концепты некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом.
- 4. Концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности и которые определяются как концептосфера.
- В XXI веке новейшие исследования концепта опираются на различные подходы к изучению данного явления. По мнению С.Г. Воркачёва, концепт это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму [Воркачёв: URL].
- Г.Г. Слышкин также считает, что концепт единица, которая «принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин 2000: 9]. Ю.Е. Прохоров в работе «В поисках концепта» [Прохоров 2008] подробно рассматривает структуру данного понятия, его основные характеристики. По мнению исследователя, концепт – сложившаяся совокупность правил оценок организации картины бытия, И элементов xaoca детерминированная особенностями представителей деятельности данного

лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении. Также исследователь вводит понятия семантического, семиотического и концептуального пространств.

- Т.В. Белошапкова рассматривает понятие дискурса реализацию языковой системы в определённых формальных и семантических структурах, которые служат социуму в качестве инструмента познания мира [Белошапкова 2013: 45].
- О.В. Лукин, Л.Н. Черкасов останавливаются на понятии «ментема» функциональная система из двух элементов (денотат и экспотип), объединённых ассоциативной связью [Лукин, Черкасов 2012: 114]. В скрытом состоянии она представляет собой единицу сознания, а если актуализируется, то единицу мышления.

Появление формированием концептов связано c познанием мира, представлений нём. Носитель языка – ЭТО носитель определённых концептуальных систем [Маслова 2011: 41]. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшена несущественная информация. О.А. Корнилов [Корнилов 2013] рассматривает языковую картину мира – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием языкового сообщества. Также исследователь выделяет национальную языковую картину мира (НЯКМ), которая относится конкретному этносу, и индивидуальную национальную языковую картину мира (ИНЯКМ), принадлежащую отдельному человеку.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт – понятие, служащее объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (linguamentalis), всей картины мира, отражённой в человеческой психике [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 89–90].

В истории когнитивной лингвистики вопрос классификации концептов освещается по-разному. В нашем исследовании мы останавливаемся на варианте,

предложенном В.И. Карасиком [Карасик 2009]:

- 1. Параметрические концепты, представляющие собой классифицирующие категории для сопоставления реальных характеристик объекта (пространство, время, количество, качество);
- 2. Непараметрические концепты, имеющие предметное содержание. Они представлены бинарными оппозициями. Данные концепты подразделяются на 2 вида: а) регулятивные ментальные образования, в которых главное место занимает ценностный компонент ('Любовь', 'Счастье'); б) синкретичные ментальные образования разного характера.

Художественные концепты входят в два типа классификаций:

- 1. Референциально-тематический (распределение по предметным областям);
- 2. Кванторно-социологический (рассматриваются как единицы художественной концептосферы определённого автора) [Воркачёв 2010: 10].

В ряде исследований описывается структура концепта как ментальной единицы. Г.Г. Слышкин в работе «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» [Слышкин 2004] даёт следующую характеристику концептов:

- 1. Комплексность бытования. Лингвокультурный концепт представляет собой условную ментальную единицу, которая направлена на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Язык и/или речь сферы, в которых концепт опредмечивается; сознание область бытования концепта; культура ментальная проекция объективных элементов окружающего мира.
 - 2. Ментальная природа.
 - 3. Ограниченность коллективным или индивидуальным сознанием носителя.
- 4. Ценностность. Данная характеристика рассматривается с двух позиций: а) наличие оценочной составляющей в денотате языковой единицы (имени концепта); б) численность языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту.
 - 5. Условность и нечёткость.
 - 6. Когнитивно-обобщающая направленность.
 - 7. Полиапеллируемость. Концепты активизируются в сознании носителей

путём ассоциаций. Апелляции к концепту подразделяются на 2 вида: а) концентрированного характера — концепт реализуется при помощи конкретной языковой единицы; б) дисперсивного характера — концепты формируются в сознании при помощи совокупности языковых единиц, которые не являются средствами его номинации;

- 8. Изменчивость.
- 9. Трёхуровневое лингвистическое воплощение: а) системный потенциал совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка культурой как лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии;
- б) субъектный потенциал лингвистическое достояние, хранящееся в сознании индивида; в) текстовые реализации апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях.
 - В.И. Карасик определяет следующие измерения концепта:
- 1. Образное. Оно связано со зрительными, слуховыми, тактильными, вкусовыми, воспринимаемыми обонянием характеристиками предметов, явлений, отражённых в нашей памяти.
- 2. Понятийное это языковая фиксация концепта, включающая в себя его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов.
- 3. Ценностное совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей. Они образуют ценностную картину мира, в которой есть наиболее важные для данной культуры смыслы, культурные доминанты. Их совокупность образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2004: 129].

Ценностная картина мира включает в себя общечеловеческую и специфическую части. Последняя сводится к различной номинативной плотности объектов, их оценочной квалификации. Мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика и считаем, что романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» представляют собой открытые системы, насыщенные ценностными

ассоциациями. Они направлены на сверхчувственный опыт читателей, носителей русской языковой культуры.

О.В. Шаталова относит концепт к элементам духовной культуры человека, «это национальный образ, осложнённый признаками индивидуального представления» [Шаталова 2009: 39]. По мнению исследователя, концепт имеет следующие характеристики: 1. Когнитивное ментальное образование; 2. Многокомпонентную организацию, включающую объём и содержание понятия; 3. Репрезентацию в лингвокультурной сфере человеческого бытия.

В.В. Леденёва говорит о семантемах [Леденёва 2000: 230]. Языковой механизм их возникновения связан с процессом концептуализации, когда словесная оболочка становится носителем нового понятийного содержания. О.И. Валентинова предлагает термин «полифоничное слово» [Валентинова 2001: 14]. Оно отражает семантические оппозиции (парадигматически выстраиваемые смыслы). Это концентрированная проекция структуры концептуально значимого слова.

Современные исследования посвящены концептуальному подходу при изучении художественных текстов — «единству антропоцентрического и когнитивного в речетворческой деятельности художника слова» [Войлова 2014: 132]. С этим также связаны особенности способа познания данных текстов. Художественный концепт — это индивидуально-авторское психическое образование, которое имеет интертекстуальный характер [Тарасова 2010: 742]. Он соотносится с образом.

Е.А. Огнева даёт более подробное определение художественного концепта: «компонент концептосферы художественного текста, включающий такие ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [Огнева 2013: 59].

Особенности национальной и индивидуальной авторской картины мира определяют структуру индивидуальных концептов. Совокупность художественных концептов, содержание которых раскрывается через

особенности индивидуального стиля писателя, образует индивидуально-авторскую концептосферу [Стернин 2008: 76].

При создании текста создатель выбирает определённые лексические единицы, репрезентирующие любой концепт. А.В. Колмогорова, Н.В. Мартынюк вводят понятие «идиоконфигурация концептов» автора и читателя — набор концептов из национальной концептосферы, который, имея индивидуальное наполнение и связь с единицами национального языка, составляет основу когнитивного взаимодействия [Колмогорова, Мартынюк 2014: 22].

По мнению М.А. Фокиной, успешному общению автора и адресата через текст способствуют знание языка (кода) и действительности (т. е. общность концептуальной и языковой картины мира у участников коммуникации), а также наличие контакта (канала связи) [Фокина 2013: 49].

- Ж.Р. Садуллаева в своей работе выделяет следующие аспекты художественного концепта:
- 1. Эстетический концепт рассматривается с учётом жанровых характеристик и элементов поэтики, которые накладывают отпечаток на его семантику и восприятие.
- 2. Эпический концепту приписываются определённые коннотации в зависимости от жанровой структуры произведения или национальных стереотипов.

Выявляются положительные/отрицательные стороны того или иного концепта ментальности [Садуллаева 2003: 83]. Ценностные доминанты являются важнейшими художественными концептами. Это наиболее существенные для определённой культуры смыслы, поддерживаемые и сохраняемые в языке [Огнева 2013: 65].

Также в диссертации мы обращаемся к понятию «лингвоконцепта». По мнению С.Г. Воркачёва, отличительная черта лингвоконцепта — этнокультурная отмеченность [Воркачёв 2011]. Он характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью: а) представление смысла; б) метафоричность и эмотивность представления; в) включённость его имени в лексическую систему

языка. К числу других признаков лингвоконцепта также относятся:

- 1. Внутренная нерасчленённость.
- 2. Переживаемость.
- 3. Семиотическая плотность.
- 4. Ориентированность на план выражения включённость имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические отношения, сложившиеся в лексической системе языка. Переход из концепта к лингвоконцепт происходит через оязыковление (придание ему имени) и включение в систему лексикосемантических ассоциативных связей определённого языка.

В когнитивно-дискурсивной парадигме при анализе концепта учитываются следующие параметры:

- 1. Продуктивность (общее представление об употребляемости концепта).
- 2. Структурно-семантическая модель.
- 3. Функциональность (практика в употреблении средств и способов передачи концепта).

Ключевое слово – носитель концептуального содержания с целью выявления характерных признаков концепта [Александрович 2010: 9]. Оно становится концептом в следующих ситуациях: 1) актуализируемые значения слов соотносятся с доминантными смыслами концепта; 2) наличие контекстов, в которых выражены особенности мировоззрения автора.

Таким образом, романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв», как и художественный текст в целом, – это особого рода знаковые системы. В каждом произведении есть своя концептосфера. Они представляют собой единство определённого мыслительного содержания (означаемое) и план выражения (означающее). Обе стороны взаимообусловлены и предполагают друг друга.

1.2.2. Лексическая система как способ репрезентации концептов

Язык – система, интегрирующая в себе свойства отображения, обозначения и выступающая средством материализации мысли [Геляева 2002: 77]. Место любой

реалии в системе культурных ценностей лингвистически может быть определено только через ту роль, которую играет по отношению к данной реалии человек. Е.А. Огнева вводит понятие культуремы, в состав которой входят 3 компонента: содержание, формальное выражение и реалия – предмет, отражаемый языковым знаком [Огнева 2013: 63].

Познание мира – выделение определённого объекта, его интерпретация и постепенное освоение. Результат этого процесса фиксируется в семантических единицах. Каждое слово обозначает какую-либо реалию, обращено предметному миру. Это индивидуальная сущность с особым значением [Попова 2014: 25]. В нём получают своё воплощение субъективное, объективное, категориальное, общее и частное. Оно имеет внеязыковую отнесённость. Слова – бесценные ключи к пониманию культуры [Вежбицкая: URL]. В таком случае можно говорить о денотативном классе, т.е. представлениях человека о предметах, явлениях и выражении этой информации в языке. Так происходит процесс перехода от визуального пространства к семантическому. Имя денотативного класса – имя объекта, фрагмента мира, который освоен языком, устанавливается на основе анализа слов [Симашко 2003: 68]. Они наиболее устойчивые и воспроизводимые языковые единицы.

Таким образом, о концептуализации можно судить только тогда, когда лексические единицы ориентированы на определённый объект мира, денотативно связаны с ним. Совокупность средств, которыми называются отдельные компоненты концепта, составляют его номинативное поле [Попова 2014: 43].

Слово – языковой знак. Знак представляет собой материальный, чувственный предмет, который в познании и общении людей выступает в качестве заместителя (представителя) другого предмета. По определению В.А. Лукина, знак – единство формы, замещающей некоторый предмет, и информации о нём [Лукин 1999: 8]. Особая, сложная система взаимосвязей языковых знаков становится основой для выражения содержания текста.

Лексема, по определению В.В. Виноградова, представляет собой совокупность значений и их оттенков [Виноградов 1980: 93]. Лексическое

значение слова индивидуально, опирается на грамматическое (классифицирующее) значение и является его непосредственной конкретизацией. Каждое употребление слова связано с необходимостью реализовать его значение как часть сведений о мире, которые были получены в результате познавательной и общественной деятельности человека.

Л.В. Алешина отмечает, что изучение содержательной стороны конкретного произведения, творческого наследия писателя в целом невозможно без опоры на язык [Алешина 2014: 118]. Представления о вещах подчиняются непосредственным впечатлениям от слов, их обозначающих [Вандриес 2004: 175]. Концепты закрепляются в языке значениями конкретных слов.

Это помогает сохранять и передавать знания от человека к человеку. З.Д. Попова, И.А. Стернин указывают на наличие языковой, категориально-системной пропозиции — обобщённые смыслы, зафиксированные конкретными словоформами [Попова 2007: 51]. Говорящий вербализует в своей речи концептуальный набор компонентов: деятель, действие, инструмент, время, место действия и т.д.

Следует разграничивать понятия «концепт» и «значение». Если первое является продуктом когнитивного сознания, то второе – языкового сознания.

В.И. Карасик указывает на соотношение «смысл/концепт», в котором акцентируется богатство ассоциаций, связанных личностно значимых языковыми значениями и единицами опыта, хранящимися в индивидуальной и коллективной памяти [Карасик 2009: 11]. Переносное значение – определённое переосмысление слова, оно основано на ассоциациях, присутствующих в сознании людей. Предметными ассоциациями, которые связаны с представлением различных явлениях окружающей действительности, определяется семантическая структура многозначных слов.

М.Влад. Пименова отмечает, что в состав значения слова входят 2 компонента: 1) признаки, необходимые для идентификации обозначаемого; 2) наивные (обыденные) знания об обозначаемом [Пименова 2001: 33].

М.В. Никитин вводит термин контенсионал, или содержание понятия -

структура отражённых в данном понятии признаков [Никитин 2009: 26–27]. Оппозицию контенсионалу представляет экстенсионал, в котором понятие соотносится с множеством вещей (денотатов).

Похожую классификацию значений лексемы даёт Марина Васильевна Пименова: в основе — семасиологическая лексико-семантическая категория синкретсемия [Пименова 2013: 444]. Существует 2 типа синкретсемии:

- 1. Сигнификативная выражение семантических отношений нескольких тесно связанных между собой семем одной лексемой.
- 2. Структурно-синтагматическая семема выражается в языке двумя и более лексико-грамматически связанными словами.
- О.В. Лукин, Л.Н. Черкасов говорят о том, что все единицы языка подразделяются на материальные и ментальные [Лукин, Черкасов 2012: 115]. Исходя из этого положения, исследователи предлагают собственную модель лингвистической системы:
- 1. Денотат статичный элемент, материальная абстракция, обозначает совокупность существенных признаков однотипных предметов.
- 2. Десигнат динамичный элемент, обозначает признаки предметов, действий, поступков, поведения, отношения к другим предметам.
- 3. Ассоциативная связь денотата и десигната с ментальными образами представлена экспонемами, которые выступают как значения слов.
- 4. Эскпотип является основой звуковой формы слова, образуется совокупностью звукотипов.

Человек, субъект языковой картины мира, не только интерпретирует и описывает действительность, т.е. обозначает предметы, явления, понятия в языке, но и выражает своё отношение к ним. Здесь следует говорить о понятии «внутренняя форма языка».

Каждый предмет осмысляется речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова [Гумбольдт 1984: 103]. Таким образом, в языке выражены не сами предметы, а понятия о них. В этих понятиях раскрываются особенности мышления каждой нации.

Слово – отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе [Потебня 1892: 33]. Именно язык создаёт такие условия, при которых человек может мыслить. Сравнение личной мысли с общей при помощи речи, понимания способствуют достижению истины. В.В. Виноградов говорит о «внутренней форме слова» [Виноградов 1947: 18]. Это образ, лежащий в основе значения или употребления слова, его можно понять лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которого оно возникло, преобразовалось.

Ю.А. Бельчиков говорит об «обстановочном» контексте как исходном моменте при описании слов, культурный компонент смысла которых обусловлен политическим, идеологическим осмыслением соответствующих понятий и явлений действительности, а также литературными реминисценциями и ассоциациями [Бельчиков: URL]. Лексема человек — фон для представления семантики других слов. Л.Б. Никитина вводит понятие «антропоцентристская семантика» — изучение языка по «мерке человека» [Никитина 2007: 12].

Представления о Человеке в лингвистической науке на современном этапе её развития (антропоцентрическая парадигма) ставят проблему терминологического определения данного явления: семантическое поле, ассоциативное поле, макроконцепт и т.д.

В семантическом поле есть общий (интегральный) семантический признак, объединяющий все единицы поля и обычно выражаемый лексемой с обобщённым значением (архилексемой) [ЛЭС 1990: 380]. Наименование «Человек» может представлять собой понятийное поле. Тематические блоки в данном понятийном поле, по мнению А.И. Геляевой, являются «абстракциями высокой степени» [Геляева 2002: 110]. Рубрики в структуре тематических групп — уровни постижения человека как объекта.

3.Д. Попова, И.А. Стернин рассматривают тематическую и лексико-семантическую группы, лексико-семантическое поле [Попова 2014: 100].

В тематической группе слова (фразеологизмы, устойчивые словосочетания) связаны между собой одной сферой деятельности. Так, «Эмоциональное состояние» в романах «Обломов» и «Обрыв» можно рассматривать как

тематическую группу, в которую входят единицы разных частей речи.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) — большая группа слов одной части речи, объединённых одним словом или устойчивым словосочетанием, значение которого входит в значение остальных слов группы [Попова 2014: 98]. Так, в романах «Обломов» и «Обрыв» нами выделена лексико-семантическая группа любовь, счастье, радость — «чувство».

Лексико-семантическое поле – совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой) [Попова 2014: 99].

Семантическая структура поля состоит из следующих частей: 1. Ядро поля, которое представлено родовой семой. 2. Центр поля. В его состав входят лексические единицы, которые имеют общее с ядром и друг с другом значение, и разграничивающиеся с ядром и рядоположными единицами дифференциальными значениями. З. Периферия поля охватывает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра. Они имеют контекстуальное значение в рамках конкретного произведения. 4. Фрагменты поля – вертикальная ядерная и центро-периферийная структура, ПО своей семантике образует отдельную гиперокоторая гипонимическую структуру однотипного (разнотипного) состава.

В.И. Карасик считает, что «исходный перцептивный образ, лежащий в основе концепта, является вектором конфигурации смыслов, присущих всей тематической области, организуемой этим концептом» [Карасик 2010: 122]. Например, структура номинативного поля концепта 'Любовь' в романах «Обломов» и «Обрыв» представлена следующим образом: ядро — гиперсема «любовь» с обобщённым значением.

Центр занимают лексемы, которые связаны с эмоциональными переживаниями человека (слёзы, ошибка), его мечтами (счастье, образ любви). К периферии относятся лексемы, выражающие противопоставление «мира реального» (потребность, долг, обязанность) и «мира идеального» (мечта роскошного счастья, идеал) (подробнее в главе II п. 2.6.1. нашей работы).

Наименование «Человек» в структуре романов И.А. Гончарова «Обломов» и

«Обрыв» может рассматриваться и как семантическое поле, границы которого не определены. Это связано с разнотипным составом данного семантического поля, которое наполняется в текстах синонимическими, антонимическими и другими парадигмами.

Архилексема человек относится к тематической группе слов, именующих конкретный предмет, всё живое, а также является ядром одноимённого семантического поля. В XIX веке эта архилексема имела следующее значение: «каждый изъ людей; высшее изъ земныхъ созданій, одаренное разумомъ, свободной волей и словесною ричью» [ТСЖВЯ: URL].

В современном языковом употреблении человек трактуется как:

1. «Живое существо, в отличие от животного обладающее даром мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда»; 2. «Обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книжн. ритор.)» [ТСРЯ: URL]. В «Словаре русского языка» расширяется первое значение: «Лицо, являющееся носителем каких-либо внутренних характеристик, качеств, свойств, принадлежащее к какой-либо среде, обществу и т.п.» [MAC:URL]. «Большой толковый словарь русского языка» даёт ещё одно значение архилексемы человек: «О каком-либо лице: кто-то, некто» [БТС 2008: 1471]. На наш взгляд, наиболее полная характеристика рассматриваемой архилексемы представлена в «Большом универсальном словаре русского языка»: «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия или пользоваться ими, а также такое существо как носитель определённых качеств, свойств, характерных признаков» [Морковкин 2016: 1381].

Это вербальный инвариант, который характеризуется как носитель общих свойств, присущих определённому вариантному ряду, а также может входить в «текстовое семантическое поле» [Новиков 2007: 32].

Оно обусловлено смысловой структурой конкретного текста и включает в себя контекстуально общие по своему значению сходные по выполняемым функциям слова, словесные ряды, семантические темы.

'Человек' - конструкт, состоящий из макрокомпонентов, которые отражают

содержательные типы информации (знаний). Результаты анализа романов «Обломов» и «Обрыв» позволяют схематично представить структуру сложного образования 'Человек' ментального как авторского художественного Это субъект (мужчина И женщина), который способен макроконцепта. испытывать яркие эмоции (любовь, счастье, радость), обладает душой, идеальным органом саморефлексии, находится в окружении предметов (халат, диван, книга) и имеет определённое место в окружающем пространстве (Обломовка, обрыв).

По мнению А.И. Геляевой, макроконцепт 'Человек' имеет следующие характерные черты: 1) связывает объект с внешним и внутренним миром; 2) идиоматичен по характеру смысловых связей между словами; 3) состоит из различных понятийных блоков, связанных как с врождёнными, так и приобретёнными свойствами. 4) обусловлен исторически и социально [Геляева 2002: 82].

Также в связи с нашим рассуждением о макроконцепте следует сказать и о семантических полях эмоций и оценок. Их основная установка — позитивное изменение ценностной картины мира собеседника в соответствии с собственными представлениями говорящего о жизненном идеале [Гапеева 2001: 16]. В основе оценочности лежит мыслительный процесс установления ценности объекта. Оценка тесно связана с эмоциями, ассоциациями. Это категориальная семантическая черта, которая характерна для языкового описания человека.

Единицы языка репрезентируют действительность и трансформируются при этом в единицы восприятия – образы [Халикова 2004: 13].

Слово находится в разнообразных отношениях с другими элементами языка, которые определяют возможность его употребления для обозначения явлений действительности и сочетания с другими единицами лексики. Сочетание лексических единиц может быть рассмотрено как непосредственный факт текста.

В.А. Лукин так определяет семантическую структуру текста — это множество текстовых знаков, нелинейно организованное и упорядоченное их семантическими связями [Лукин 1999: 83]. Смысл слова определяется ситуацией, контекстом его применения. Текст в аспекте понимания является ключевым, т.к.

определяет смысловую нагруженность отдельного слова. Это единый сложный знак, помещённый в особую среду и сам характеризующийся своим особым материальным субстратом [Кубрякова 2004: 510]. В нём встречаются следующие типы значения слов: 1) значения, зафиксированные в толковых словарях; 2) новые значения, не зафиксированные в справочной литературе, которые развиваются самостоятельно или в составе описательных синтаксических конструкций. Смысловые компоненты в значениях слов и выражений не входят в общий фонд представлений, которые формируют языковую картину мира. Логическое значение каждого слова окружено особой эмоциональной атмосферой, что придаёт ему в зависимости от употребления в контексте ту или иную временную окраску.

Язык во всём объёме и отдельное слово соответствует искусству [Потебня 1976: 179]. Слово — единица идиолекта. Оно представлено системой реализованных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в словаре писателя [Леденёва 2000: 21]. Поэтическая номинация является элементом триединства «субъект — имя — предмет». Определить особенности идиолекта — значит установить, какие средства языка оказываются предпочтительными при их отборе, входят в состав идиолекта, формируют языковую картину мира, эксплицируют установки автора, воплощая его творческое мировоззрение.

М.А. Фокина указывает на единство лексической, семантической и смысловой структуры текста [Фокина 2013: 77]. Смысл представляет собой субъективное отражение содержательного плана текста в сознании читателя. При восприятии текста адресат опирается на объективный фактор — семантику. Лексическая структура текста — материализованная вербально ассоциативносемантическая сеть, которая отражает заложенный в нём смысл.

Художественный стиль — многообразная гамма стилевых окрасок используемых языковых средств [Кожина 2010: 394]. В индивидуально-поэтическом словоупотреблении в структуре лексемы выделяются, создаются и осознаются оттенки тех значений, которые не входят в общеречевую характеристику. Д.Л. Шукуров считает, что важным при анализе литературного

произведения является осмысление концептуальных моментов, связанных с онтологической спецификой художественного слова в конкретном дискурсе, т.е. выяснение его природы, неизречённой, невыразимой и явленной символической глубины [Шукуров 2007: 9, 261]. Нейтральное слово вовлекается в эстетическую организацию текста, становится элементом идейно-художественного целого. Оно является основой для создания слова с оценочным значением.

Характер использования языковых средств в художественном произведении определяется стилистической организацией текста [Одинцов 2010: 185]. Язык писателя ориентируется на литературный («общий») язык. Выбор средств из системы общенародного языка, предпочтение определённого лексического ряда той или иной парадигмы в конкретном контексте несут в себе информацию о языковой личности.

В.В. Леденёва вводит термин «идиолектема» — единица языкового стандарта или окказиональная [Леденёва 2000: 283]. В конкретном употреблении она получает особое, отличное от узуального, стилистическое, коннотативное содержание, вбирает в себя интенцию автора. К таким идиолектемам относятся контекстуальные синонимы и антонимы. Они экспрессивно окрашены, их основная задача — охарактеризовать явление действительности. Оппозиции слов актуализируются в высказывании.

Е.Л. Гапеева вводит термин «лексическая тема» [Гапеева 2001: 4]. Она воплощается в наиболее выразительной, семантически значимой части авторского лексикона. Таким образом, в художественном тексте слово-понятие «переводится» в слово-образ при помощи системы лингвистических средств, которые активизируют воображение читателя. Индивидуально-авторский язык придаёт индивидуальному стилю автора высшее внутреннее единство [Акатова 2015: 14].

Лексическая система является знаковой стороной, планом выражения концепта. В его структуре лексемы реализуют различные смыслы. Анализ и описание семантики языковых средств в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» помогает сформировать номинативное поле концептов, входящих в

1.2.3. Концептосфера романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» в исследовательской литературе

Романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» обращены к многосторонней внутренней жизни героев. Здесь духовное и природное начала находятся в отношениях противоборства. В исследованиях XX—XXI веков отдельные концепты, составляющие части макроконцепта 'Человек', рассматриваются с двух позиций: 1) литературоведческой; 2) антропоцентрического направления языкознания.

Особенность концептосферы романов И.А. Гончарова заключается в том, что любой из концептов в определённый момент может актуализироваться в тексте произведения, стать ядерным, а все остальные будут играть роль его «распространителей» [Садуллаева 2000: 120].

Исследователи останавливаются на следующих концептах: 'Красота', 'Джентльменство' [Мельник 2008], 'Материнская сфера', 'Вечный ребёнок' [Краснова: URL], 'Скука' [Сороченко 2003], 'Другой' [Садуллаева 2000], 'Обломовщина' [Михельсон: URL], 'Лень' [Левонтина 2012], 'Провинциальная культура' [Злотникова 2011].

Следует отметить, что творчество И.А. Гончарова тесно связано с православием [Андреева 1998; Мельник 2008; Алексеев 2012]*.

П.П. Алексеев объясняет это тем, что «полнота культурной и аксиологической, ценностной значимости слова автора в русской литературе XIXвека была обусловлена во многом именно влиянием православной воцерковлённости народа <...>» [Алексеев 2012: 7]. И.В. Андреева перечисляет такие ситуации, когда человек обращается к православию: 1. Поиск смысла жизни; 2. Поиск духовной нравственной опоры [Андреева 1998: 52]. Главные

^{*}Многие исследователи рассматривают русскую литературу с точки зрения православного мировоззрения (М.М. Дунаев, И.А. Есаулов, А.А. Новикова-Строганова, А.Н. Ужанков).

герои романов «Обломов» и «Обрыв» переживают моменты духовного прозрения и обращаются к Богу. По мнению А.А. Новиковой-Строгановой, корни русской классической словесности уходят в святые родники православной веры [Новикова-Строганова 2015: 4].

С духовным миром героев тесно связан концепт 'Красота'. Стремление к идеалу, «красивому» присуще каждому человеку. Это «мост», который связывает внешнее и внутреннее, «биологическое» и духовное. Идеал «человечности» Гончаров исследует как художник в сугубо «общественных» формах [Мельник 2008: 114]. Мы рассматриваем концепт 'Женщина' в романах «Обломов» и «Обрыв» как образ красоты, созданный мужчиной, подобие Бога на земле.

Некоторые исследователи обращаются к концепту 'Материнская сфера', который представляет собой своеобразную Вселенную. Её центр составляет фигура матери. На содержательном уровне это идея бережной, неустанной женской заботы о сыне, муже, близких людях, жертвенной любви к ним. Концепт 'Материнской сферы' находит своё отражение в каждом из романов Гончарова, постепенно «обрастая» новыми смысловыми обертонами [Краснова: URL].

В «Обломове» 'Материнская сфера' является составной частью общероманного концепта Дома-кокона. Особенно ярко это проявляется в главе «Сон Обломова». Дом, который укроет человека от жизненных невзгод, подарит покой и заботу. В основе данного идиллического концепта — эмоциональная составляющая. Лексемы малый/большой и счастье/несчастье являются его репрезентантами и указывают на оппозицию «мир Дома/мир внешний».

Такая же модель представлена и в романе «Обрыв» (традиционный уклад жизни в имении Бережковой). Однако в финале романа концепт 'Дом' прочитывается в символическом ключе и перерастает в мифологему Матери-России, средоточии любви, добра, участия и вековой мудрости, помогающих сохранить в себе Человека. Татьяна Марковна Бережкова — мать-держательница своего Рода. Также можно говорить и о концепте 'Вечного ребёнка'. Обломов во взрослом состоянии мечтает вернуться в детство. Репрезентантами данного концепта являются лексемы рай, чистота, гармония.

Концепт 'Скука' — это одно из явлений, лежащих в основе жизни героев Гончарова. Существует несколько аспектов в семантике данного концепта:

- 1. Некое существо, наделённое властью над человеком и обитающее в его душе (приём персонификации).
- 2. Чувство нейтральное или отрицательное. Это состояние обусловлено «изменением детского мировоззрения на взрослое видение мира» [Сороченко 2003:35]. Оно базируется на совмещении рационального и эмоционального компонентов. Данный концепт связан с философией обыденного сознания и языка.

Есть «мир своих» и «мир чужих» в романах. «Мир своих» — закрытое пространство, в котором нет движения, но есть безволие хозяев и рабов, культ бездействия. Это своего рода «репрезентация ментального стереотипа восприятия Востока европейцами» [Садуллаева 2000: 52].

«Мир чужих» упорядочен, имеет чёткие представления о норме, в нём соблюдаются правила, есть равенство всех участников жизненного процесса. Таково восприятие западного человека извне. В связи с этой оппозицией рассматривается концепт 'Другой'. Существует 2 подхода к данной проблеме:

- 1. «Другой» иностранец, альтернатива герою «своего мира» из «чужого мира».
- 2. Положительная альтернатива герою из его же мира, гипотетически мыслимая. В своих романах И.А. Гончаров пытается выявить особенности русской ментальности в сравнении с иностранным. Таким образом, писатель создаёт собственную языковую картину мира, которая отражает общенародные представления о русской жизни, её типичном герое.

Также в рамках романа «Обломов» следует сказать об уникальном концепте 'Обломовщина'. Для мира обломовцев это неотъемлемая часть их жизни, а для мира штольцев — резко отрицательная черта человека. М.И. Михельсон в «Сборнике образных слов и иносказаний» даёт следующую трактовку словуимени данного концепта: 1. «Обломовщина — апатія, тяжеловѣсная сонливость

русской натуры и недостатокъ въ ней внутренняго подъема. 2. "Русская лѣнь; равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ и отсутствіе энергіи; неподвижность умственная и нерѣшимость» [Михельсон: URL]. Как видим, в данном определении есть тесная связь концептов 'Обломовщина' и 'Лень'. И.Б. Левонтина называет Обломова «главным ленивцем в русской культуре» [Левонтина 2012: 217].

Однако концепт 'Обломовщина' может иметь и другую трактовку — это тоска по утраченному миру, чистоте, невинности. В работе мы рассматриваем близкий по содержанию концепт 'Обломов' как персонаж, который ассоциируется с «Обломовщиной». Обломов — человек в домашней обстановке, который «живёт» в вымышленном мире, может испытывать сильные эмоции от реальных/ирреальных событий.

Т.С. Злотникова рассматривает понятие «Провинциальная культура» в романах И.А. Гончарова. Это патриархально-родовая, часто матриархальная, традиционная, даже архаическая культура, обладающая ценностно-нормативными и сакральными характеристиками [Злотникова 2011: 114]. Духовный мир русской провинции в «Обломове» и «Обрыве» самодостаточный.

Особый интерес представляет категория «Джентльменство» как органичный синтез внешнего и внутреннего, эстетики и этики, изящества и нравственности. Это собрание всех добродетелей, образец человека как такового. Общественное служение джентльмена заключается в совершенствовании, культивировании всех лучших свойств человеческой натуры вообще. В романах И.А. Гончарова джентльменство раскрывается как определённый этический идеал, а само слово наполнено «почти философской глубиной» [Мельник 2008: 121].

Таким образом, литературоведческая позиция и антропоцентрическое направление языкознания тесно связаны между собой, что позволяет наиболее подробно изучить авторскую концептосферу художественных произведений.

Романы «Обломов» и «Обрыв» включают в себя концепты из разных концептуальных полей. В индивидуальном сознании читателя они связаны одним

модусом восприятия [Колмогорова, Мартынюк 2014: 19].

В нашей работе целостное восприятие произведений И.А. Гончарова строится, с одной стороны, на комплексном подходе к рассмотрению концептов 'Женщина', 'Душа', 'Любовь', 'Счастье', 'Радость', отражающих внутренний мир человека, его самобытность, а с другой, – акцент делается на авторские концепты ('Обломов', 'Обломовка', 'Халат', 'Диван', 'Книга', 'Обрыв'), которые ещё подробно не рассматривались.

1.3. Термины и определения, используемые в диссертационном исследовании

В нашей работе используются такие терминологические номинации, как: художественный текст, идиостиль, концепт, семантико-когнитивный признак, художественный макроконцепт, лингвоконцепт, ключевой концепт.

Одной из важнейших задач в описании языковой картины мира является выявление типологических черт, которые присущи художественным текстам определённого автора. Вслед за Н.С. Валгиной, Г.О. Винокуром, Н.М. Шанским [Валгина 2003; Винокур 2006; Шанский 2010] мы определяем художественный текст как сложную систему, в которой идейный, творческий замысел автора вступает во взаимодействие с языковой личностью читателя.

Понятия идиостиля и идиолекта обусловлены индивидуальным стилем автора. В.В. Леденёва так определяет систему отношений идиостиля и идиолекта: «Идиостиль – индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам автопрезентации через [Леденёва 2000: 20]. «Идиолект – совокупность идиолект» составляющих в их функциональном, а, следовательно, в горизонтальных связях, которые эксплицируют семантику языковых единиц в контексте и обнаруживают знание языковой личностью законов синтагматики парадигматики, действующих в языке и необходимых в текстообразовании» [Леденёва 2000: 96]. Обзор научных исследований, посвящённых понятию идиостиля и его роли в создании художественного произведения, дан в п. 1.1.1.

Слова идиолекта становятся именем концепта на лингвокогнитивном уровне структуры языковой личности. Мы придерживаемся определения макроконцепта, данного З.Г. Шайхисламовой, — многоуровневая и многомерная сущность, в которой представлена вся совокупность знаний об объектах и ситуациях во всём многообразии связей и отношений ('Человек', 'Вселенная', 'Дом') [Шайхисламова 2004: 9].

В отличие от макроконцепта гиперконцепт отражает взаимосвязь концептов, вербализованных в системе текста, фокусирует его обобщённый смысл, является результатом интерпретационной деятельности адресата [Болотнова 2005: 348].

Н.М. Чудакова предлагает определение концептуальной области — гипотетическая эскпликация того, каким образом в «свёрнутом» виде хранится в сознании вся лексическая семантика [Чудакова 2005: 31].

Концепта является составной частью макроконцепта. Наше понимание концепта опирается на научное направление В.И. Карасика (Волгоградская школа лингвокультурологии). Подробнее о терминах и различных научных подходах к объяснению этого явления говорится в п. 1.2.1., но следует отметить, что в работе в качестве основного определения используется следующее: «хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определённой ценностью, это переживаемая информация» [Карасик 2004: 128].

Реализация концепта – результат оязыковления концепта как продукта духовной определённого сообщества деятельности лингвокультурного Приходько 2013: 80]. Имена концептов возникают тогда, когда концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение. Имя концепта – языковой знак, который наиболее полно и адекватно передаёт содержание концепта. Г.Г. Слышкин указывает на понятие «номинативной плотности концепта» – детализации обозначаемого фрагмента реальности, наличии множества вариантов его обозначения и смысловых оттенков [Слышкин 2004: 53].

Структура концепта – совокупность обобщённых признаков, необходимых для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира

[Пименова 2005: 17]. Признаки объединяются на основе родовой или видовой характеристики.

Семантико-когнитивный признак – отдельный признак объекта, осознанный человеком и отражённый в структуре соответствующего концепта как элемент его содержания [Попова, Стернин 2007: 88].

Каждый концепт обладает объёмом — все предметы, обладающие признаками, зафиксированными в его содержании [Воркачёв 2010: 13].

Поле концепта — стабильное ядро и слои ассоциативных признаков вокруг него [Карасик 2009: 12].

Художественный концепт занимает важное место в авторской системе смыслов. С.М. Богатова определяет данный тип концепта как «основную единицу художественной картины мира автора» [Богатова 2006: 8]. Д.В. Калуженина следующие признаки художественного концепта: обязательная отмечает репрезентированность, этнокультурная лексическая маркированность, субъективность, эстетическая природа, динамичность и изменчивость в сочетании с устойчивостью [Калуженина 2008: 7].

Мы рассматриваем художественный концепт как элемент национальной концептосферы, который получает индивидуально-авторское наполнение в рамках конкретного литературного произведения.

В нашей работе мы говорим о художественном макроконцепте 'Человек'. Это сложное ментальное образование (конструкт), которое получает индивидуально-авторское наполнение в рамках конкретного литературного произведения, и тесно связано с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями.

С.Г. Воркачёв в своей монографии «Любовь как лингвокультурный концепт» [Воркачёв 2007] наиболее подробно останавливается на разграничении понятий «концепт» и «лингвоконцепт». Концепт — вербализованный культурный смысл. Лингвоконцепт — семантическая единица «языка» культуры, план выражения которой представляет в свою очередь двусторонний языковой знак, линейная протяжённость которого не ограничена.

Ключевое слово принадлежит к ядерной части ассоциативно-смыслового поля концепта [Коммуникативная стилистика художественного текста 2001: 147].

Мы рассматриваем ключевой концепт как важнейший элемент индивидуально-авторской картины мира, в котором воплощается система ценностей, мировоззрение создателя художественного произведения.

Следует отметить, что все вышеуказанные термины формируют гипотезу нашего исследования: макроконцепт 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» — это сложное образование (конструкт и т.п.), котороеявляется важнейшим элементом художественной картины мира писателя, включает в себя универсальные (концепты группы «Человек самобытный», эмоциональные) и концепты группы «Человек и окружающий мир».

Таким образом, в Главе 1 мы приходим к следующим выводам:

- 1. Авторский угол зрения (взгляд, отношение) объединяет произведение в единое целое и в то же время объясняет место, роль и функцию каждого элемента в нём. Кроме того, это одна из доминант идиостиля И.А. Гончарова. Герои романов «Обломов» и «Обрыв» яркие человеческие индивидуальности и представители своей эпохи. Романы И.А. Гончарова «многослойны», в них вырабатывается определённая соотнесённость голоса автора (повествователя) и голосов персонажей.
- 2. О концептуализации можно судить только тогда, когда лексические единицы ориентированы на определённый объект мира, денотативно связаны с ним. Концепт является продуктом когнитивного сознания, а значение лексемы языкового сознания. Лексическая система является знаковой стороной, планом выражения концепта. В его структуре лексемы реализуют различные смыслы. Анализ и описание языковых средств лексико-семантического уровня в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» помогает сформировать номинативное поле концептов, входящих в макроструктуру 'Человек'.
- 3. В нашей работе мы придерживаемся определения концепта, данного В.И. Карасиком: «хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определённой ценностью, это переживаемая

информация» [Карасик 2004: 128]. Концепт имеет образное, понятийное и ценностное измерения. Они представляют собой единство определённого мыслительного содержания (означаемое) и план выражения (означающее). Обе стороны взаимообусловлены и предполагают друг друга.

- 4. Романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» представляют собой открытые системы, насыщенные ценностными ассоциациями. Они направлены на сверхчувственный опыт читателей, носителей русской языковой культуры.
- 5. Мы определяем художественный макроконцепт как сложное ментальное образование (конструкт), которое получает индивидуально-авторское наполнение в рамках конкретного литературного произведения, и тесно связано с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями.

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ ДУХОВНОГО НАЧАЛА В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» И «ОБРЫВ»

2.1. Макроконцепт 'Человек' в современных исследованиях

'Человек' — один из наиболее значимых культурных макроконцептов. Он является лексической универсалией, т.к. реализуется при помощи конкретной языковой единицы во всех языках мира [Вежбицкая 2001: 160].

Современные научные исследования отражают повышенный интерес к этому явлению. На основании рассмотренных нами работ можно выделить три подхода к определению человека:

- 1. Дескриптивный концентрируется внимание на тщательном выделении и описании тех морфологических, физиологических и других признаков, которые отличают человека от представителей всех других видов живых организмов.
- 2. Атрибутивный. Основная задача этого подхода выйти за рамки чистого описания признаков человека и выделить среди них такой, который был бы главным, определяющим в отличие от животных, а, возможно, и детерминировал бы всё остальное. Следует различать понятия человек и личность. Человек то, чем являются от рождения, т.е. факт. Личность приобретённое свойство. Это языковой феномен (одноимённая лексема) и экстралингвистический (человек носитель личностных качеств) [Игнатов 2013: 13]. Индивид характеризует именно человека, рассматривает его биологические и психологические свойства.
- 3. Сущностное определение человека попытка создания общепринятой концепции природы человека. В философии человек рассматривается с позиции трёх составляющих: тело, душа и дух. Тело одновременно и элемент природы, собственно человеческое тело. Душа жизненный центр тела и экзистенциальное начало, индивидуализирующее человека в обществе. Дух воплощает идею «человечности» как таковой. Также человек является центром универсальной языковой картины мира [Шаталова 2009: 49].

С точки зрения православного мировоззрения человек – созданный по образу Божьему венец творения, наделённый личным бытием, душой и телом, призванный к благодатному соединению со своим Творцом [Азбука веры: URL].

Современная лингвистическая наука рассматривает его как некое звено, которое соединяет: 1. Реально существующий мир, включающий самого человека; 2. Язык, который отражает человека; 3. Человека в его собственном видении. С одной стороны, человек является субъектом и носителем целостной картины мира, а с другой – представляет её фрагмент. Он предполагает существование «другого». Это макроконцепт «гипо-гиперонимической структуры» [Леденёва 2000: 163]. Исходя из этой позиции, можно говорить о категориях «внешнего» и «внутреннего» человека. Анализ номинаций «внешнего человека» показывает, что их семантическая структура основана на непосредственном восприятии коголибо [Геляева 2002: 154]. «Семиосфера внешнего человека» является определённым коммуникативным кодом [Коротун 2003: 143]. Внешний мир человека открыт для восприятия, основан на ощущениях.

Внутренний мир загадочен, скрыт от посторонних глаз. «Внутренний человек» моделируется по образу «внешнего (или материального) человека» [Геляева 2002:163].

Ядро понятийной составляющей макроконцепта 'Человек' в научной картине мира составляет представление о человеке как о субъекте (деятеле и носителе познания). Человек – субъект интеллектуальных и творческих действий [Пашина 2006: 11]. В русском языке вербализация данного макроконцепта связана с представлениями о живом существе, речи, мышлении, обществе, труде.

Художественные тексты описывают как «внутреннего» человека, так и «внешнего». По мнению Ж.Н. Масловой, ментальная основа в указанном типе текста рассматривается как особым образом организованное художественно-эстетическое знание [Маслова 2014: 78].

Литература антропоцентрична, т.к. предметом её изображения является духовная жизнь человека, его отношение к окружающему миру, законы человеческого общения. Во второй половине XIX века культурная проблематика

занимает в творчестве писателей ведущее место [Лученецкая-Бурдина 2012: 205].

В художественном тексте выбор варианта слова, обозначающего человека, связан с представлением автора о его сущности, важнейших условиях бытия. Любой текст бисемиотичен [Пашина 2006: 74]. Язык описывает ситуацию, кодирует её, а метаязык расшифровывает и даёт толкование. Человек в каждом тексте разноимёнен. В определённой ситуации он надевает особую маску, персону. Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2015] обращается к когнитивнопрагматической субпарадигме, в которой учитываются личностные стороны автора и реципиента: индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Таким образом, анализ художественного текста помогает выявить особенности авторского осмысления общекультурных ценностей.

Большое значение для исследования феномена «Человек» имеет ономастический аспект, т.к. понятие «имени» для человека является знаковым, несёт базисную смысловую нагрузку и проявляет себя как важнейшая характеристика, свёрнутая вербально, но развёрнутая концептуально [Чечетка 2005].

В исследовании О.Б. Клевцовой [Клевцова 2007] человек представляет собой одну из центральных систем объективной действительности. Человек, будучи центром предметного мира, никогда не занимает позиции перед, над или сбоку. Он всегда находится внутри, а окружающие его предметы вокруг. Он своего рода регулятивная схема для объектных мер близости и дали, верха и низа, целого и части, движения и покоя. Человек подразумевает локализацию в определённом пространстве и времени, мыслится как пребывающий здесь и сейчас.

- Т.С. Злотникова придерживается похожей точки зрения и рассматривает следующие уровни личности:
 - 1. Личность в горизонте самовосприятия;
 - 2. Личность в горизонте самоопредмечивания;
 - 3. Личность в горизонте взаимодействий [Злотникова 2011: 8].

Многие слова языка описывают физический облик, эмоциональное состояние, деятельность человека, его отношение к миру, к обществу, к себе

подобным с разных точек зрения. Когда мы рассматриваем человека как индивида и личность, то можно говорить о создании его образа. Языковой образ человека — совокупность языковых средств текста, используемых для прямой или косвенной номинации человека или отдельных его свойств [Яковенко 2007]. Он «человечен», обладает творчески воспринимаемой семантикой. Главное в нём — духовное (идеальное) начало. В. Лепахин вводит понятие «иконичности образа». Человек тесно связан с Богом, является Его живой иконой. Художественная деятельность направлена на сотворение иконных образов [Лепахин 2007: 155]. Человека также можно описывать как картину. В таком случае автор опирается на собственное видение мира. Кроме того, образ создаёт и объекты, которые прямо или косвенно связаны с человеком. Его можно представить в трёх измерениях:

1. Образ человека вообще; 2. Образ определённого типа человека; 3. Образ конкретной личности, которая отличается от других индивидов. Это ядро концепта, его вербализуемая часть.

Моделирование языкового образа является первым этапом моделирования концепта. Образ человека «познаётся как совокупность непроцессуальных и процессуальных характеристик» [Игнатов 2013: 13]. При его описании следует опираться на нелингвистический контекст — основу языковых (речевых) репрезентаций.

Л.Б. Никитина вводит понятия «параметры», «ипостаси» и «части», которые имеют отношение к образу человека [Никитина 2004: 33–34]. Параметрами называются наиболее общие классификационные признаки человека. Ипостаси — частные социальные роли и другие качества человека. Части представляют собой совокупность параметров и ипостасей. В нашей работе мы рассматриваем, прежде всего, части человека, связанные с интеллектуальной ипостасью человека, т.е. его способностью мыслить.

В романах И.А. Гончарова у главных героев богатая, напряжённая душевная жизнь. Эту мысль подтверждают результаты нашего исследования. Концепт 'Душа' – вместилище, её состояние имеет внешнее проявление. Она оценивается с этической и эстетической точек зрения.

В макроконцепте 'Человек' сочетаются две ипостаси – субъект и объект мысли, оценки, эмоций. Человек – общество в миниатюре. Это центр, через который проходят координаты сетки «модели» мира в языковом сознании [Литвиненко 2006: 52]. Пространство и время, по мнению исследователя, являются фундаментальными категориями, ориентирами в понимании закономерностей существования человека.

Таким образом, макроконцепт 'Человек' является центральным в пространстве художественного текста, что связано с антропоцентричностью литературы. В романах «Обломов» и «Обрыв» данная макроструктура представляет собой совокупность концептов, тесно связанных между собой.

2.2. Структура макроконцепта 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

Макроконцепт 'Человек' представляет собой одновременно субъект и объект мысли, оценки. Многие слова языка описывают физический облик, эмоциональное состояние, деятельность человека, его отношение к миру, обществу, к себе подобным с разных точек зрения.

Существуют разные подходы к классификации концептов в рамках макроконцепта 'Человек'. В словаре Халлига и Вартбурга показана тесная связь человека и Универсума [Караулов 1975]. В словаре «Лексические минимумы современного русского языка» данный макроконцепт представлен в тематикоситуативной группе «Человек и периоды его жизни».

Это основная единица тематического списка, связанного с определённой темой и дополненная наиболее характерными распространителями этих слов в процессе актуализации [Лексические минимумы современного русского языка 1985: 93]. «Русский семантический словарь» относит исследуемый макроконцепт к нескольким лексико-семантическим классам слов:

- 1. Физические состояния и свойства живых существ, организмов;
- 2. Именование. Информация. Речь;

- 3. Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства [CEM: URL]. Т.В. Козлова в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» рассматривает основные понятия, связанные cфизиологическими, интеллектуальными, социальными особенностями человека: 1) Человек как живое существо; 2) Человек как разумное существо; 3) Человек как общественное существо; 4) Человек и Вселенная. Абстрактные понятия и категории [Козлова 2001]. В «Антропологической лингвистике» акцент делается на сущности исследуемого макроконцепта: 1) Человек познающий и человек полагающий; 2) Человек говорящий; 3) Человек волевой; 4) Человек как субъект обладания; 5) Человек неискренний; 6) Человек ироничный; 7) Концептосфера личностной «Русском пристрастности [Антропологическая лингвистика 2003]. идеографическом словаре» отражены ступени познания человека:
- 1. Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое.
- 2. Мир, как то, в условиях чего всё существует, развивается, взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на Земле.
 - 3. Мир, естественно окружающий человека, им непрерывно познаваемый.
 - 4. Собственно мир человека: он сам.
- 5. Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное узкое или широкое и необходимое окружение.
- 6. Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа [Русский идеографический словарь 2011].

Свой вариант классификации предлагает Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования» [Степанов 1997]. Она основана на предположении, что макроконцепт 'Человек' может рассматриваться с разных точек зрения (имеет определённые параметры):

1. Человек в отношении к «миру» и к «Богу» как «земной» «житель этого

мира» в противопоставлении «высшим» (божествам) и «низшим» (животным).

- 2. Человек в отношении к себе подобным, к своему роду или племени, «своим» в их отличии от «чужих».
 - 3. Человек в отношении к обществу «личность».
- М. Влад. Пименова [Пименова 2001] даёт характеристику признаков 'Человека' с точки зрения его ментальной и эмоциональной жизни. Данное описание очень подробное, поэтому мы даём только некоторые позиции, имеющие непосредственное отношение к исследованию:
 - 1. Дифференциация по признаку пола.
 - 2. Эмоциональные признаки (положительные/отрицательные).
 - 3. Ментальные (интеллектуальные) характеристики.
 - 4. Социальные характеристики (показатели социального поведения).
- 5. Наличие идеального органа саморефлексии, которым приписываются особые психические функции.
- Ю.Д. Апресян [Апресян 1995] рассматривает основные системы человека. Данное описание, представленное исследователем, мы также даём с небольшими сокращениями:
- 1. Физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия. Локализация системы: лицо, сердце, горло или тело в целом.
 - 2. Желания. Локализация: тело или душа.
- 3. Мышление, интеллектуальная деятельность. Локализация: сознание (ум, голова);
 - 4. Эмоции. Локализация: душа, сердце, грудь.

Все подобные классификации, с одной стороны, очевидным образом антропоцентричны и, с другой, – пытаются представить человека со всех сторон, дать полный круг реализаций человеческого существования, что связано с врождённым интересом человека к познанию самого себя. Поэтому в обобщённой характеристике человека как макроконцепта обязательно будут присутствовать разделы «Человек как физическое существо», «Человек как психическое существо», «Человек в отношении к другому человеку», «Человек в

отношении к природе и предметному миру» и под. (вспомним наименования томов «Логического анализа языка», к примеру). Понимая, что такой объём представлений охватить в рамках одного научного исследования невозможно, мы на основе анализа двух художественных произведений одного автора предлагаем своё видение структуры макроконцепта 'Человек':

В романах «Обломов» и «Обрыв» герои обладают богатым внутренним миром, ярко выражают свои эмоции, воплощают в себе нравственные ценности. Наша классификация основана на детальном наблюдении за текстами романов и опирается на указанные выше типологии.

Макроконцепт 'Человек':

- 1. Концепты группы «Человек самобытный»*:
- а) по признаку пола ('Женщина', 'Обломов')
- б) по наличию идеального органа саморефлексии ('Душа');
- 2. Эмоциональные концепты: внутреннее состояние героев и его внешнее проявление ('Любовь', 'Счастье', 'Радость').
 - 3. Концепты группы «Человек и окружающий мир»:
 - а) человек и предметный мир ('Халат', 'Диван', 'Книга');
 - б) человек и пространство ('Обломовка', 'Обрыв').

Осознавая, что типология концептов в силу специфики самого концепта как явления сознания не может быть универсальной и окончательной, мы выделили только те структурные элементы сферы макроконцепта 'Человек', которые оказались наиболее значимыми для художественного пространства исследуемых произведений. Думается, что предложенное в нашей работе структурирование художественного макроконцепта 'Человек' в применении к данным романам И.А. Гончарова может быть расширена в дальнейшем для углубления и детализации самого макроконцепта 'Человек'.

В авторских художественных концептах могут, как увидим в дальнейшем, могут актуализироваться те признаки, которые не входят в ядро концепта,

-

^{*}наименования групп даны нами – С.В.

репрезентированного узуальным употреблением. Но при этом данные типы концептов национально обусловлены. По мнению И.А. Есаулова, романы «Обломов» и «Обрыв» созданы в русле христианской литературной традиции, которая доминирует в едином, но сложно устроенном русском мире [Есаулов 2009: 381. Автор романы В соответствии c определённой создаёт коммуникативной стратегией, последовательно приобщая читателя к своему возбуждая видению мира, ассоциации, благодаря которым возникает представление об эстетическом смысле произведений [Фокина 2013: 106].

Важные для авторского сознания [Минахин 2010: 507] концепты получают все возможные языковые репрезентации: а) характерные для обыденного языка; б) основанные на метафорическом переносе; в) основанные на символизации. Следует отметить, что содержание концептов 'Женщина', 'Обломов', 'Душа', 'Любовь', 'Счастье', 'Радость', 'Обломовка', 'Халат', 'Диван', 'Книга', 'Обрыв', а также их фиксацию в языке мы выявляем через описание семантико-когнитивных признаков их номинантов. Вышеуказанные концепты на сегодняшний момент не рассматривались исследователями в составе макроструктуры 'Человек'.

2.3. Ключевой концепт как важнейший элемент индивидуально-авторской картины мира

Особенность концептосферы романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» заключается в том, что любой из концептов в определённый момент может актуализироваться в произведениях. Это связано, по мнению Т.Е. Яцуга, с образованием уникальных ассоциативно-смысловых полей (АСП) при анализе лексической структуры текстов [Яцуга 2006:12]. Можно говорить о ключевых концептах как составных частях макроконцепта 'Человек'.

- Г.Г. Хисамова определяет ключевой концепт как «ядро индивидуальноавторской художественной картины мира, воплощённой в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Хисамова 2015: 574].
 - Э.В. Бабарыкова говорит о концептуальной доминанте ключевом слове,

которое приобретает в тексте особые концептуализированные значения [Бабарыкова 2007: 7].

Другое определение ключевого концепта даёт С.В. Манджиева – ментальное образование, в концентрированном виде выражающее систему ценностей и специфику мировидения автора, выделяемое на основании тематики художественных произведений, развития сюжета в них, символического осмысления этих концептов автором и читателями [Манджиева 2010: 6–7].

Мы останавливаемся на ключевых концептах 'Обломов', 'Обломовка', 'Халат', 'Диван', 'Книга', 'Обрыв'. Они доминируют в концептуальной авторской системе, формируют уникальные ассоциативные связи, участвуют в создании ярких образов героев романов. Т.С. Злотникова указывает на системный характер ассоциации как процесса и механизма в контексте создания и восприятия художественных текстов [Злотникова 2011: 23–24]. Если личностное начало в произведении выражено ярко, то и действие ассоциации проявляется наглядно.

Также в рамках изучения данных концептов следует обратиться к понятию хронотопа. По определению М.М. Бахтина, это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин: URL]. В романах «Обломов» и «Обрыв» формируются приметы реального мира для передачи авторских чувств, размышлений, целеустановок писателя. По мнению Н.В. Березиной, художественный текст – деформация внешнего (внетекстового) пространства [Березина 2006: 7].

О.В. Мякшева считает, что языковые формы в художественном пространстве текста выполняют следующие функции: 1. Опора для оценочной характеристики (развёртывание повествования); 2. Средство оценочной характеристики (маркеры оценки); 3. Способ выражения душевного состояния (трансформация семантики лексем, при которой их эмоциональный и смысловой потенциал наполняется окказиональными и текстовыми коннотациями) [Мякшева 2007: 303].

В исследуемых нами романах переосмысливаются ландшафтная реалия 'Обрыв', топоним 'Обломовка' (концепты подгруппы «Человек и пространство»), атрибуты вещного мира: «Халат», «Диван», «Книга» (концепты подгруппы

2.4. Методика исследования лексической реализации художественных концептов в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

По мнению М. Влад. Пименовой, когнитивный подход – изучение самого значения слова [Пименова 2005: 15]. В нашей работе этот принцип реализуется через анализ художественных концептов, который основывается на соответствии/несоответствии языковых (лексикографических) и речевых (авторских) употреблений. Именно такое рече-языковое сопоставление позволяет увидеть специфику художественного концепта.

Мы привлекли для исследования романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Методом тотальной выборки были извлечены все контексты со словоупотреблениями лексем женщина, Обломов, душа, любовь, счастье, радость, Обломовка, обрыв, халат, диван, книга.

Работа с вышеуказанными лексемами проводилась в несколько этапов:

- 1. Анализ лексического значения слова, его внутренней формы.
- 2. Выявление частотности употребления лексем в произведениях.
- 3. Анализ поля концепта: ядро, ближняя периферия, дальняя периферия.
- 4. Описание способа концептуализации.
- 5. Учёт сценария: субъект, объект, цели, условия возникновения ситуаций, происходящих в романах, время и место действия.

Анализ контекстов в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» позволяет увидеть, как происходит семантическая трансформация указанных выше лексем [Муратов 2015: 216].

2.5. Концепты группы «Человек самобытный»

2.5.1. Лексическая репрезентация концепта 'Женщина'

Важнейшим культурно значимым фрагментом отражаемой действительности является не только сам образ Человека, но и его мужская и женская ипостась, его гендерный признак [Волошина 2010: 5]. Проблема оценки различия между полами (определённых категориями мужчина и женщина) возникает тогда, когда одному из данных полов отводится ведущая роль в социальных процессах и иных сферах жизни. Гендер — совокупность социально-обусловленных и социально-значимых аспектов поведения мужчин и женщин, в том числе и языкового, которые конструируются и выражаются в рамках культуры данного общества [Полевая 2014: 41].

Концепты 'Мужчина' и 'Женщина' являются важнейшими феноменами в русском национальном сознании [Лю Бо 2010: 10]. На их формирование оказывают влияние следующие факторы: экономический, социальный, культурно-исторический, мифологический, религиозный, а также биологические особенности обоих полов. Данные концепты представляют собой совокупность нравственных, этических и психологических оценок.

Гендерная оппозиция в концептуализации феномена человека очень важна и, казалось бы, в каждом художественном тексте эта оппозиция должна ярко реализовываться; также ожидаемо лексическое представление концептов 'Мужчина' и 'Женщина' как равновесных, в смысловой проекции текста и аналитическом пути восприятия текста хочется увидеть параллельные реализации гендерных концептов, но мы прекрасно понимаем, что художественный текст с его системой образов так «не работает». В романах И.А. Гончарова концепт 'Мужчина' реализуется не так, как лексически реализуется концепт 'Женщина'.

Специфично и показательно, что концепт 'Женщина' в структуре макроконцепта «Человек» более цельный в противопоставлении концепту 'Мужчина', поскольку концепт 'Мужчина' в романах И.А. Гончарова индивидуализирован и в мономерном виде не может быть проанализирован.

Концепт 'Мужчина' — это собственная реализация макроструктуры 'Человек', т.е. у Гончарова на лексическом уровне это синонимичные понятия. Именно поэтому данный концепт получает языковое воплощение персонифицированно, через имена главных героев: Обломова, Штольца,

Б.П. Райского, Марка Волохова. И именно поэтому в нашем текстовом материале мы не анализируем лексические особенности реализации концепта 'Мужчина', а обращаемся к антропонимическим единицам (ниже). Иная картина складывается с лексической реализацией концепта 'Женщина'.

Концепт 'Женщина' является одним из ключевых в русской лингвокультуре. Слово-имя концепта, имя существительное женщина – член тематической группы «Наименования лиц по полу». По данным «Русского ассоциативного словаря», частота реакций на слово-стимул следующая: мужчина – 71, красивая – 66, мать – 36 [Русский ассоциативный словарь: URL]. Во второй половине XIX века лексема трактовалась следующим образом: женщина ≪лицо женскаго противп. мужчина; жена или жонка, не дивица» [ТСЖВЯ: URL]. В современном языковом употреблении данное слово как имя концепта актуально в значениях: 1. «Лицо, противоположное по полу мужчине // «Лицо женского пола как воплощение определённых свойств, качеств»; // «Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» [MAC: URL]. Сравним: 1. «Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала»; 2. «Взрослая, в противоположность девочке» [TCPЯ: URL]. «Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой» даёт следующую характеристику значений лексемы женщина: 1. «Лицо, противоположное мужчине, та, которая рожает детей и кормит их грудью»; 2. «Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения» [Ожегов 1992: 195]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова женщина с взрослым лицом женского пола, которое вступает в брак, рожает детей, является воплощением определённых свойств и качеств.

В русском языковом сознании образ женщины многомерный, складывается из противоречивых характеристик [Черникова 2013: 79].

Концепт 'Женщина', элемент структуры макроконцепта 'Человек', в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» реализуется через такие признаки, как:

I. Лицо женского пола:

Да умна ли она? Ведь у нас часто за ум, особенно у женщин, считают одну

только, донельзя изощрённую низшую его степень – хитрость, и женщины даже кичатся, что владеют этим тонким орудием, этим умом кошки, лисы, даже некоторых насекомых! [Обрыв 1954: 201]. Хитрость – черта, которая характеризует женщину.

Напрасно вы требовали должной вам дани, поклона, от этого пня, — сказал он, — он не понял вашего величия. Примите от меня этот поклон, не как бабушка от внука, а как женщина от мужчины. Я удивляюсь Татьяне Марковне, лучшей из женщин, и кланяюсь её женскому достоинству! [Обрыв 1954: 26].

Вы женщина, и ещё не женщина, а почка, вас ещё надо развернуть, обратить в женщину. Тогда вы узнаете много тайн, которых и не снится девичьим головам и которых растолковать нельзя: они доступны только опыту [Обрыв 1954: 178]. Женщина как ступень в развитии личности, человека.

II. Образ:

2.1. Образ женщины в восприятии мужчины:

Вино, **женщины**, карты! — повторил Райский озлобленно, — когда перестанут считать **женщину** каким-то наркотическим снадобьем и ставить рядом с вином и картами! [Обрыв 1953: 282]. Женщины, от которых мужчины попадают в зависимость.

Нет, я бабушку люблю, как мать, — сказал Райский, — от многого в жизни я отделался, а она всё для меня авторитет. Умна, честна, справедлива, своеобычна: у ней какая-то сила есть. Она недюжинная женщина. Мне кое-что мелькнуло в ней... [Обрыв 1953: 207]. Незаурядная, яркая женщина, которая запоминается.

Но не требовать этого, значит тоже ничего не требовать, оскорблять женщину, её человеческую натуру, творчество бога, значит прямо и грубо отказывать ей в правах на равенство с мужчиной, на что женщины справедливо жалуются. Женщина — венец создания, — да, но не Венера только. <...> женщина — Венера, пожалуй, но осмысленная, одухотворённая Венера,

сочетание красоты форм с красотой духа, любящая и честная, то есть идеал женского величия, гармония красоты! [Обрыв 1954: 195–196].

Он там говорил о себе в третьем лице, набрасывая лёгкий очерк, сквозь который едва пробивался образ нежной, любящей женщины [Обрыв 1953: 114]. Идеал женщины в представлении мужчины.

Она стояла на своём пьедестале, но не белой, мраморной статуей, а живою, неотразимо пленительной женщиной, как то поэтическое видение, которое снилось ему однажды, когда он, под обаянием красоты Софьи, шёл к себе домой и видел женщину-статую, сначала холодную, непробуждённую, потом видел её преображение из статуи в живое существо, около которого заиграла и заструилась жизнь, зазеленели деревья, заблистали цветы, разлилась теплота [Обрыв 1954: 277]. Сравнение женщины с весной: пробуждение природы, жизненных сил, красоты.

2.2. Нравственная характеристика женщины:

Смирение значит — выносить взгляд укоризны чистой женщины, бледнеть под этим взглядом целые годы, всю жизнь, и не сметь роптать. И не буду! [Обрыв 1954: 336–337]. Женщина, которая не совершает грех.

Бабушка! Разве можно прощать свою мать? Ты святая женщина! Нет другой такой матери... Если б я тебя знала... вышла ли бы я из твоей воли? [Обрыв 1954: 344]. Женщина как высшее творение Бога на земле.

Это влечение к всякой видимой красоте, всего более к красоте женщины, как лучшего создания природы, обличает высшие человеческие инстинкты, влечение и к другой красоте, невидимой, к идеалам добра, изящества души, к красоте жизни [Обрыв 1954: 153].

Во все, даже мелкие отношения его к бабушке, проникло то удивление, какое вызывает невольно **женщина** с сильной нравственной властью [Обрыв 1954: 349].

В романе «Обломов» нами выявлено 109 употреблений лексемы женщина, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные

признаки: 1. «Образ женщины в восприятии мужчины»; 2. «Нравственная характеристика женщины».

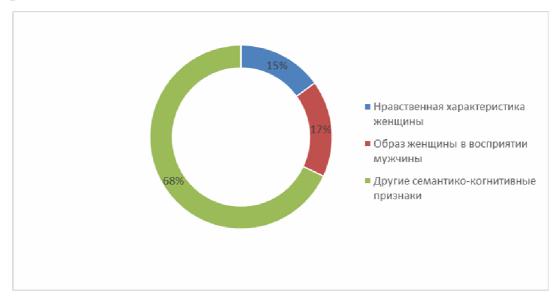

Рисунок 1 – Концепт 'Женщина' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами обнаружено 224 употребления лексемы женщина, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Нравственная характеристика женщины»; 2. «Образ женщины в восприятии мужчины».

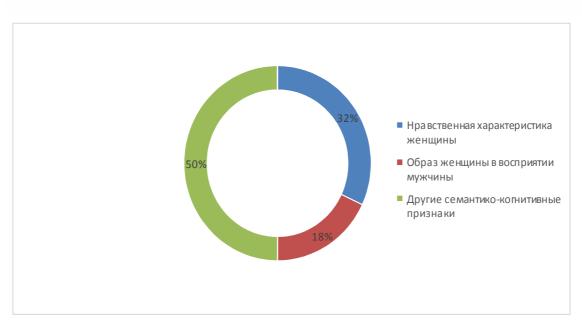

Рисунок 2 – Концепт 'Женщина' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Женщина' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр, периферию * .

Рисунок 3 – Полевая структура концепта 'Женщина' в романе «Обломов»

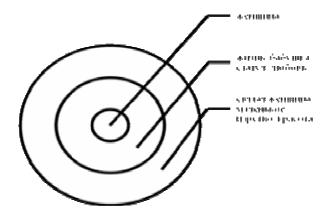

Рисунок 4 – Полевая структура концепта 'Женщина' в романе «Обрыв»

Ядро номинативного поля концепта 'Женщина' в романе «Обломов» представлено гиперсемой «женщина» с обобщённым значением. Центр занимают

^{*} Схема полевой структуры каждого концепта в нашей работе показана на основе анализа текста с опорой на ценностный статус единицы в тексте с привлечением статистических данных.

лексемы, которые связаны с бытийным состоянием человека (жизнь, любовь), художественным образом (образ, букет сирени), нравственной характеристикой (падшая женщина). К периферии относятся лексемы, называющие внешнее выражение внутреннего состояния человека (взгляд, улыбка), внутреннее состояние человека (сердце), семейным укладом (дети, жена, хозяйство), положительной нравственной характеристикой (чистая женщина).

Ядро номинативного поля концепта 'Женщина' в романе «Обрыв» представлено гиперсемой «женщина» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с бытийным состоянием человека (жизнь, любовь), искусством (статуя), наименованиями человека по родственным связям (бабушка). К периферии относятся лексемы, называющие нравственные качества человека (святая женщина), определённое пространство (маленькое царство), эстетический идеал (красота).

По нашим наблюдениям, в составе концепта встречаются близкие и противоположные по значению семантико-когнитивные признаки, в которых отражаются следующие ситуации:

- 1. Женщина сильная / слабая в нравственном плане («человек с сильной нравственной властью»; «недюжинный человек» / «человек, у которого нет силы»).
 - 2. Отношение мужчины к женщине («незнакомый человек» / «сближение»).
 - 3. Женщина по отношению к Богу («творчество Бога»; «человек-божество»).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Женщина' как «художественного моделирования типа» [Воробьёв 1996: 134] в двух романах показывает следующее: образы главных героинь (Ольга Ильинская, Вера, Т. М. Бережкова) раскрываются через нравственную оценку мужчинами (Б. П. Райский, Илья Ильич Обломов, Андрей Штольц, Марк Волохов).

В структуре концепта 'Женщина' есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей женщина у И.А. Гончарова – это:

Образ женщины в восприятии мужчины: раб, поклонник, глубокое и

неразрывное сближение, хлопоты, судьба, влюблённый, любовник, ужас, признание, соблазнитель, томные мечтатели, жертвы, чудаки, залог счастья всей жизни, победа, мука, радость, другая сфера, пытки любви, встречи, взаимность, воспоминание о любви, задатки мечты, злоупотребление, идеал женщины, первое случайное увлечение, страсти, сумасбродство, непринуждённое обхождение, желание, ревность, боль, удивление, надежда, преграды, любопытство, изумление, перспектива впечатлений, борьба чувств, драма страсти, влечение, любовная чепуха, фантазии, вера, поэзия, слепое мщение, неизбежное сознание долга, отчаяние, дружба, симпатия, проблеск чувства, слова, удовольствие, недостаток настоящей пищи, отсутствие огня, власть, сочувствие, жалость, сострадание, влечение любви, святой долг семейных уз, кумир, наслаждение, развлечение, доверенная женщина, милость, почтение, зависть, оскорбление, доверие, сострадание, самоотвержение, привязанность, откровенность.

<u>Нравственная характеристика женщины</u>: идеал, воплощение целой жизни, сила ума, расцветание сил, развитие всех сторон души, чистота женщины, порча, уважение, добрая женщина, высшие человеческие инстинкты, идеалы добра, изящество души, красота жизни, красота форм, духа; идеал женского величия, гармония красоты, позор, «ошибка», «падение», человечность, добродетель, стыд, женщина с сильной нравственной властью, подвиг, прелесть лучших сил.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романов:

Зрительными образами:

А) Описание внешности женщины: едва заметное движение глаз, губ, руки; покойно сложенные на груди руки; тихий, но гордый взгляд; улыбка, румянец, колеблющаяся талия, грациозно положенная голова, задумчивое выражение, опалённые волосы, свежее лицо, картина, голые шея и локти, приятное лицо, заря ясности на лицо, кротость примирения во взгляде, портреты, строгий, чистый профиль; каменные волосы, немигающий взгляд, застывший в чертах лица сдержанный смех, статуя, масляный, будто скорой рукой набросанный и едва подмалёванный портрет; белокурая женщина, неподвижный, исполненный

глубокой страсти взгляд; весёлые лица, скучный, утомлённый взгляд; молочной белизны белый лоб, крупные черты лица, молчаливый взгляд, тень женщины, фигура женщины, горящие щёки, чёрные живые глаза, добрая и грациозная улыбка; сухие, непокорные косички; рыхлая и выцветшая телом женщина; смелый взгляд, взгляд презрения, взгляд укоризны, бледное отражение.

- Б) Реалии, связанные с женщиной: самовар, цветы, новое шёлковое платье, изящные кружевные воротнички, чепец, ленты, куст сирени, письмо, скамья, вуаль, дорогое ожерелье, пёстрая мишура украшений, кисейное платье, тонкий кружевной носовой платок, веер, фонарь, вино, карты, тетрадь, записная книжка, клочок бумаги, карандаш, фортепиано, зала, тончайшая чистая скатерть, серебряный кофейный сервиз, щи, каша, пироги, зеркало, кровь, пьедестал, разноцветные ситцевые платья, платки, косынки, ленточки, почка.
 - В) Стихии, связанные с женщиной: свет, молния, огонь, пламень пожара.

<u>Звуковыми образами</u>: весёлые голоса, хохот, плач, градус тепла, голос с неба, звуки, вздохи боли.

Уточним, что в структуре исследуемых нами концептов присутствуют положительные или отрицательные характеристики. Это связано с тем, что человек является одновременно субъектом, который воспринимает, осмысляет мир, и объектом номинации, оценки. В романах И.А. Гончарова представлены яркие «портреты в зеркале языка» [Вендина 2002: 18].

Следует отметить, что система ценностных ориентаций писателя основана на знаниях о мире [Маркелова 1996: 28]. И.А. Гончаров в своих романах создал образ женщины второй половины XIX века.

Ценностная составляющая концепта представлена:

Оценочной зоной:

А) Благородная:

благородная женщина, величественная красота, недюжинная девушка, первая женщина в мире, целомудренные женщины, нравственные женщины, отличнейшая женщина, славная женщина, золотоносный прииск с богатыми залогами, честный путь, особая порода, хорошо защищённая женщина,

самостоятельная, настоящая женщина; величавая женщина, честная женщина, крепкая, живая жизнь; необычайная женщина, великая сила, сильная, античная женщина; чтимая женщина, замечательная женщина, здравое, не перехитрённое воспитание.

Б) Независимая:

опытная женщина, первенствующая роль, решительная женщина, самовластная женщина, гордая воля, решительный опыт.

В) Светлая, чистая:

поразительная, животрепещущая верность; нежная пора, искренний друг, дружеская преданность, светлый, чистый образ; милое существо, простодушный лепет, детское, почти девическое неведение жизни; милая женщина, свободная простота, святая женщина, простой, природный путь жизни.

Г) Нежная, любящая:

бессознательная потребность любить, ласковое внимание, нежное проявление чувства, нежная, любящая женщина; кроткие ласки, нежно любимая женщина; любящая и нежная мать семейства; мудрая, нежнейшая женщина.

Д) Ограниченная:

фальшивый, негреющий свет, неосторожное самолюбие, ограниченные женщины, обаятельный обман, лестное ослепление, шутовской наряд, пустая вертушка, жалкие, пошлые создания; мелкие натуры, разряженная женщина, своевольные женщины.

Е) Падшая:

падшая женщина, незастенчивые женщины, распущенная женщина.

Ж) Бессердечная:

нежданный каприз, суетная и холодная женщина, суровая женщина, неподвижная оболочка красоты, нетерпеливое, неосторожное или порывистое слово; бессердечная женщина, жестокие женские личности, чопорная девушка.

3) Прекрасная:

прекрасная женщина, счастливая натура, высокая, стройная женщина; нега и торжественный покой, молодая, симпатичная, умная и отчасти насмешливая

женщина; лучший миг, живая красота, расцветшая и прекрасно сложившаяся физически женщина;

прекрасное явление, сильное, мучительное, безумное счастье; видимая красота, лучшее создание природы, высшая цель, неотразимо пленительная женщина, поэтическое видение, любовный сентиментализм, неодолимая сила, необыкновенная женщина, наркотическое снадобье.

И) Бессильная:

беззащитная женщина, бледное отражение, слабое создание, жалкие женские проделки, жалкое лекарство, отжившая, ни на что не способная женщина; бессильная женщина.

К) Тонкая:

тончайшая игра ума, тонкая женщина, тонкое орудие, тонкое чутьё.

Л) Хозяйственная:

опрятная женщина, бойкая хозяйка.

М) Активная:

живая старушка, вечно движущаяся и бойкая на слова женщина.

Н) Серьёзная:

молчаливая, серьёзная женщина; строгие судьи.

<u>Религиозной зоной</u>: божество, бескорыстная жрица культа, скрижали Моисея, Евангелие.

Социально-культурной зоной: Casta diva, Корделия, Елена, Дон-Жуан, Венера Милосская, голова Грёза, женщины Рубенса, одухотворённая Венера, Юдифь, леди Макбет.

Таким образом, в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» художественный концепт 'Женщина' в своей базовой лексической реализации представляет собой семантическую совокупность, в которой денотативный компонент 'Человек' художественно переосмысливается и углубляется дополнительными семантическими компонентами*.

^{*} Данное наблюдение можно отнести ко всем исследуемым в работе художественным концептам.

Данный концепт наполняется зрительными (стихия, портрет), звуковыми образами (музыка), религиозными представлениями и имеет в своём составе положительные/отрицательные характеристики.

В общем и целом, концепт 'Женщина' в структуре макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова имеет многомерную структуру, характеризуется зачастую противоположными признаками. В восприятии мужчины женщина – творчество Бога, идеал человека. Она может быть сильной и слабой с точки зрения нравственности.

2.5.2. Ключевое слово Обломов как средство реализации концепта

Имя собственное – особая лексическая единица, которая является средством выражения моральных, этических, этнических установок языковой личности ГКузьмина 2009: 31. Данная лексическая единица может подвергаться семантическим преобразованиям в структуре художественного текста. На этот процесс влияют следующие факторы: 1. Мировоззрение и индивидуальный стиль автора; 2. Система персонажей; 3. Жанр, идейно-тематическое содержание, композиция произведения. Н.В. Васильева говорит о таком свойстве имени, как макротекстология [Васильева 2005: 19]. Это способность имени собственного влиять на текст, формировать пространство для лексической реализации в произведении.

В романе И.А. Гончарова концепт «Обломов» является собственной реализацией макроструктуры 'Человек'. Данный концепт получает языковое воплощение персонифицированно, через имя главного героя.

Словом-именем концептом, т.е. лингвоконцептом, является одноимённый антропоним. Это образ-объект, обладающий собственным значением или оценкой [Халикова 2004: 23]. Эта фамилия, вынесенная в заглавие романа, доминирует в концептуальной авторской системе, формирует уникальные ассоциативные связи, участвует в создании языкового портрета мужчины второй половины XIX века. А.Н. Приходько относит указанный антропоним к концептосимволу [Приходько

2013: 60].

Главного героя, Илью Ильича Обломова, можно рассматривать как конкретизированный лингвокультурный типаж — образ представителя определённой социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентацией [Карасик 2009: 31].

Концепт 'Обломов', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

І. Человек, который носит имя:

Наружно он не выказывал не только подобострастия к барину, но даже был грубоват, фамильярен в обхождении с ним, сердился на него <...> за всякую мелочь, и даже, как сказано, злословил его у ворот; но всё-таки этим только на время заслонялось, а отнюдь не умалялось кровное, родственное чувство преданности его <...> ко всему, что носит имя **Обломова**, что близко, мило, дорого ему [Обломов 1953: 74 –75].

II. Образ:

2.1. Деятельность человека (Обломова):

Обломов всё лежал на диване, веря и не веря смыслу утреннего разговора с Ольгой [Обломов 1953: 223]. Жизнь Обломова проходит в статичном состоянии.

Несмотря на все эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штольц часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым, а потом и за границу — и без него **Обломов** опять ввергался весь по уши в своё одиночество и уединение, из которого могло его вывести только что-нибудь необыкновенное, выходящее из ряда ежедневных явлений жизни;

но подобного ничего не было и не предвиделось впереди [Обломов 1953: 62]. Обломову комфортно находиться в домашней обстановке одному. Главный герой обладает чертами типичного провинциального человека, который пытается преодолеть внеличный (столичный) менталитет через осмысление собственной

провинциальности [Злотникова 2011: 115].

2.2. Внешний вид:

Как шёл домашний костюм **Обломова** к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! [Обломов 1953: 8]. Герой любит носить домашнюю одежду.

Потонет ли в лучах этого блеска образ **Обломова** и той любви? [Обломов 1953: 419]. Обломов как воплощение любви.

В её воспоминании воскресло кроткое, задумчивое лицо **Обломова**, его нежный взгляд, покорность, потом его жалкая, стыдливая улыбка, которою он при разлуке ответил на её упрек... и ей стало так больно, так жаль его... [Обломов 1953: 481]. Описание внешнего вида влюблённого Обломова.

2.3. Характеристика внутреннего мира, в т.ч. нравственная характеристика:

У ней есть какое-то упорство, которое не только пересиливает все грозы судьбы, но даже лень и апатию **Обломова** [Обломов 1953: 275]. Обломову безразлично всё, что происходит вокруг.

В какой благословенный уголок земли перенёс нас сон **Обломова**? [Обломов 1953: 80]. Жизнь во сне как замена реальному существованию. В образе главного героя отражается такая черта русского характера, как «вневременность» — жизнь во имя будущего, не замечая настоящего [Воробьёв 1996: 145].

Захар вошёл, а **Обломов** опять погрузился в задумчивость [Обломов 1953: 12].

Вставали они хотя не с зарёй, но рано; любили долго сидеть за чаем, иногда даже будто лениво молчали, потом расходились по своим углам или работали вместе, обедали, ездили в поля, занимались музыкой...

как все, как мечтал и **Обломов**... [Обломов 1953: 465]. Картина идеальной жизни Обломова.

И в **Обломове** играла такая же жизнь; ему казалось, что он живёт и чувствует всё это – не час, не два, а целые годы... [Обломов 1953: 208].

Она всё колола его лёгкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговор, казнила его апатию глубже, действительнее, нежели Штольц; потом, по мере сближения с ним, от сарказмов над вялым и дряблым существованием Обломова она перешла к деспотическому проявлению воли, отважно напомнила ему цель жизни и обязанностей и строго требовала движения, беспрестанно вызывала наружу его ум, то запутывая его в тонкий, жизненный, знакомый ей вопрос, то сама шла к нему с вопросом о чём-нибудь неясном, не доступном ей [Обломов 1953: 247–248]. Обломов существует без движения, у него мало интересов в жизни.

Доктор ушёл, оставив **Обломова** в самом жалком положении [Обломов 1953: 80].

Притом их связывало детство и школа — две сильные пружины, потом русские, добрые, жирные ласки, обильно расточаемые в семействе Обломова на немецкого мальчика, потом роль сильного, которую Штольц занимал при Обломове и в физическом, и в нравственном отношении, а наконец, и более всего, в основании натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатии ко всему, что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зов этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца [Обломов 1953: 171]. Обломов как символ света и добра.

Итак, нами выявлено 1178 употреблений лексемы Обломов, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки:

- 1. «Характеристика внутреннего мира, в т.ч. нравственная характеристика»;
- 2. «Деятельность человека (Обломова)».

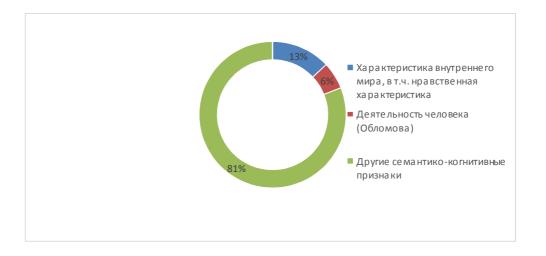

Рисунок 5 – Концепт 'Обломов'

По нашим наблюдениям, в составе концепта 'Обломов' встречаются противоположные значения, в которых отражаются следующие ситуации:

1. Счастливый / несчастный человек («знаменитый человек', человек в жалком положении»); 2. Стремление к уединению / общению («человек в состоянии одиночества» / «человек, которому скучно»).

Как видим, семантико-когнитивные характеристики имеют и положительную, и отрицательную коннотации. С одной стороны, автор с большой симпатией относится к главному герою. Но в то же время осуждается состояние лени, апатии, которое мешает Обломову жить полноценно.

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Обломов' в одноимённом романе: ядро, центр, периферию.

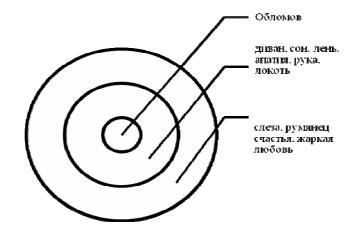

Рисунок 6 – Полевая структура концепта 'Обломов'

Ядро номинативного поля концепта 'Обломов' представлено гиперсемой «Обломов» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые являются наименованиями внутреннего состояния человека (сон, лень, апатия), частей тела (локоть, рука), мебели (диван). К периферии относятся лексемы, называющие внешнее проявление внутреннего состояния человека (жаркая любовь, слеза, румянец счастья).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Обломов' в одноимённом романе показывает следующее: образ главного героя раскрывается через его внутреннее состояние, нравственную характеристику (положительную и отрицательную). Также этот литературный персонаж является воплощением домашней обстановки, символом любви. В структуре концепта есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей Обломов у И.А. Гончарова – это:

<u>Характеристика внутреннего мира, в т.ч. нравственная характеристика:</u> грусть, внутренняя жизнь, недоумение, жажда труда, пытка, восторги, страсть, эфемерное дыхание любви, думы, арена мыслителя, нега, мечты.

<u>Деятельность человека (Обломова):</u> недостаток движения, воздуха; покой, одиночество, уединение, ежедневные явления жизни, дремота жизни.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа:

Зрительными образами:

А) Описание внешности Обломова:

покойные черты лица, печальный взгляд, румянец счастья, оскорблённое лицо, встревоженные глаза, слёзы, взгляд, немая игра лица, огонь страсти.

Б) Вещи, которые окружают Обломова:

постель, письмо, кабинет, книга, диван, туфли, большое кресло, рубашка, пуговка в петле, перо, чернильница.

<u>Звуковыми образами</u>: глубокий вздох, радостный, готовый вырваться из души крик.

Ценностная составляющая в тексте романа представлена:

Оценочной зоной:

А) Вдохновенный:

великий художник, сознательные минуты жизни, вдохновенные порывы, патетическая сцена, беспокойные мысли, беспокойные воспоминания, обаятельная цель.

Б) Светлый:

чистое, светлое и доброе начало, глубокая симпатия, простое, нехитрое, вечно доверчивое сердце.

В) Спокойный:

изнеженное тело, успокоительный дух, примирительные и успокоительные слова.

Г) Ленивый:

холодное воззрение, медленный, ленивый поток мыслей; ленивая беседа, ленивое лежанье, ленивая поза, тупая дремота.

Д) Жалкий:

утомлённые силы, жалкое положение, вялое и дряблое существование.

Мифологической зоной: Галатея, Пигмалион.

Литературной зоной: Корделия.

Таким образом, концепт 'Обломов' в структуре макроконцепта 'Человек' в

концептосфере одноимённого романа И.А. Гончарова имеет многомерную структуру и характеризуется следующими противоположными признаками:

1. Вдохновенный, светлый, спокойный; 2. Ленивый, жалкий.

Уточним, что имена других главных героев романов «Обломов» и «Обрыв» (Штольца, Б.П. Райского, Марка Волохова) также получают концептуальное наполнение в составе макроструктуры 'Человек'. Высказанное дополнение может стать перспективой наших дальнейших исследований.

2.5.3. Лексическая реализация концепта 'Душа'

Концепт 'Душа' — многоаспектный и когнитивно сложный. В современной лингвистической науке данный концепт рассматривается как минимум с двух точек зрения: «православной этики» [Авдышева 2013: 12] и «внутреннего мира человека» [Степаненко 2006: 17]. С точки зрения истории философии это особая нематериальная субстанция. В религии душа считается «данной Богом, бессмертной, духовной, бестелесной и независимой от тела, его «двойником»» [Всемирная энциклопедия 2001: 333]. Л.В. Варданян считает, что концепт «Душа» даёт понимание о нематериальной сущности человека [Варданян 2007: 4]. Он тесно связан с представлениями человека о себе и мироустройстве. Душа — идеальный орган саморефлексии, внутреннее «я» человека [Пименова 2001]. Кроме того, это активное начало, которое определяет личность человека и его способности. О.В. Воропаева говорит о том, что «душа — психические способности» [Воропаева 2015: 37].

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта является существительное душа. Это наиболее сложный, многозначный элемент в концептосфере русской культуры [Колесникова 2008: 10]. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема душа — член тематической группы «Психика. Подсознание. Интуиция. Состояние духа» [СЕМ: URL]. По данным «Русского ассоциативного словаря», частота реакций на слово-стимул следующая: болит — 10, поёт — 6, нараспашку — 5 [Русский ассоциативный словарь: URL]. Во второй

половине XIX века лексема душа трактовалась следующим образом: «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем знач. человек, с духом и телом; в более тесном: | человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смыслы же теснейшем: | жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа | также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.» [ТСЖВЯ: URL].

В современном языковом употреблении слово как имя концепта 'Душа' актуально в значениях: 1. «Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п.»; 2. «Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека // Чувство, воодушевление, темперамент // О человеке с теми или иными свойствами характера» [MAC: URL]. Сравним: 1. «Внутренний мир человека, его сознание и сердце»; 2. «Свойство характера, нравственный облик» [СЕМ: URL]. «Толковый словарь русского языка» даёт следующую характеристику одному их значений лексемы душа: 1. «Чувство, отзывчивость, пыл» [ТСРЯ: URL]. В «Кратком психологическом словаре» встречаемся с таким определением: 'нематериальное, независимое от тела животворящее и познающее начало' [Карпенко: URL]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова душа с внутренним психическим миром человека, его характером и нравственным обликом.

Концепт 'Душа', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

I. Внутренняя сущность человека:

Мысль его плодотворна, фантазия производительна, **душа** открыта для добра, деятельности и любви — не к одной Вере, но общей любви ко всякому живому созданию. На всё льются лучи его мягкости, ласки, заботы, внимания [Обрыв 1954: 196].

Но при этом всё ему хотелось вдруг принести ей множество каких-нибудь неудобоисполнимых жертв, сделаться ей необходимым, стать исповедником её

мыслей, желаний, совести, показать ей всю свою силу, **душу**, ум [Обрыв 1953: 359].

II. Вместилище (пространственная семантика):

А ему втеснилось в **душу**, напротив, беспокойство, желание узнать, что у ней теперь на уме, что в сердце, хотелось прочитать в глазах, затронул ли он хоть нервы её; но она ни разу не подняла на него глаз [Обрыв 1953: 39].

Лишь только червь сомнения вполз к нему в **душу**, им овладел грубый эгоизм: я выступило вперёд и требовало жертв себе [Обрыв 1954: 48].

Опустела и **душа** у ней! Дух мира, гордости, благоденствия покинул счастливый уголок [Обрыв 1953: 26].

Да ведь это лучше всякой страсти! — приходило ему в голову, это доверие, эти тихие отношения, это заглядыванье не в глаза красавицы, а в глубину умной, нравственной девической души! [Обрыв 1953: 360].

У верующей **души** есть своё царство! — думал Райский, глядя ей вслед и утирая слёзы, — только она умеет так страдать за всё, что любит, и так любить и так искупать свои и чужие заблуждения! [Обрыв 1954: 328].

III. Этико-эстетическая характеристика:

Потом опять бросался к Вере, отыскивая там луча чистоты, правды, незаражённых понятий, незлоупотреблённого чувства, красоты души и тела, нераздельно-истинной красоты! [Обрыв 1954: 194].

А был не глупее других, **душа** чиста и ясна, как стекло; благороден, нежен, и – пропал! [Обломов 1953: 507].

У него не было идолов, зато он сохранил силу **души**, крепость тела, зато он был целомудренно-горд; от него веяло какою-то свежестью и силой, перед которой невольно смущались и незастенчивые женщины [Обломов 1953: 112].

IV. Субъект:

Он, с огнём опытности в руках, пускался в лабиринт её ума, характера и

каждый день открывал и изучал всё новые черты и факты, и всё не видел дна, только с удивлением и тревогой следил, как её ум требует ежедневно насущного хлеба, как душа её не умолкает, всё просит опыта и жизни [Обломов 1953: 413].

Она боялась впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатию. Но как она ни старалась сбыть с души эти мгновения периодического оцепенения, сна души, к ней нет-нет да подкрадётся сначала грёза счастья, окружит её голубая ночь и окуёт дремотой, потом опять настанет задумчивая остановка, будто отдых жизни, а затем... смущение, боязнь, томление, какая-то глухая грусть, послышатся какие-то смутные, туманные вопросы в беспокойной голове [Обломов 1953: 469]. 2 вида состояний: апатия (сон) и волнение (движение).

Нет, твоя грусть, томление — если это только то, что я думаю — скорее признак силы... Поиски живого, раздражённого ума порываются иногда за житейские грани, не находят, конечно, ответов, и является грусть... временное недовольство жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о её тайне [Обломов 1953: 474].

В романе «Обломов» нами обнаружено 138 употреблений лексемы душа, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Внутренняя сущность человека»; 2. «Этико-эстетическая характеристика человека»; 3. «Вместилище (пространственная семантика)».

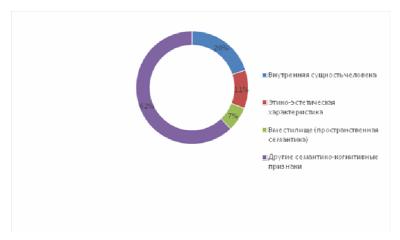

Рисунок 7 – Концепт 'Душа' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами выявлено 96 употреблений лексемы душа, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Вместилище (пространственная семантика)»;

2. «Внутренняя сущность человека»; 3. «Этико-эстетическая характеристика человека».

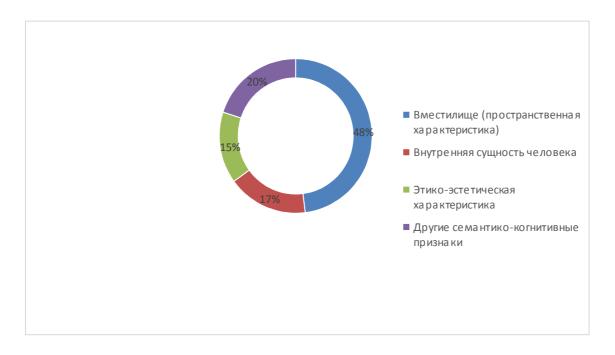

Рисунок 8 – Концепт 'Душа' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Душа' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр, периферию.

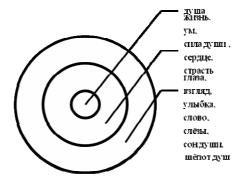

Рисунок 9 – Полевая структура концепта 'Душа' в романе «Обломов»

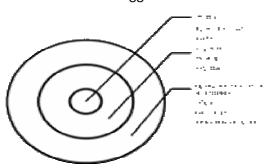

Рисунок 10 – Полевая структура концепта 'Душа' в романе «Обрыв»

'Душа' Ядро номинативного поля концепта романе «Обломов» представлено гиперсемой «душа» с обобщённым значением. Центр занимают бытийным состоянием лексемы, которые связаны cчеловека (жизнь), мыслительной деятельностью (ум), нравственной характеристикой (сила души), внутренним состоянием (сердце, страсть). К периферии относятся лексемы, называющие внешнее выражение внутреннего состояния человека (глаза, взгляд, улыбка, слово, слёзы), внутреннее состояние человека (сон души), способ общения между влюблёнными (шёпот душ).

Ядро номинативного поля концепта 'Душа' в романе «Обрыв» представлено гиперсемой «душа» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с нравственной характеристикой человека (красота души, сила), его внутренним состоянием (страсти, пожар, сердце). К периферии относятся лексемы, называющие мыслительную деятельность человека (прекрасная статуя, женщина, образ), внутренние переживания (надежда, тяжёлые скорби).

Полученные данные позволяют нам говорить о том, что семантический объём лексемы *душа* содержит в себе следующие параметры: 1. Душа как вместилище, в котором существует внутренняя жизнь человека; 2. Этико-эстетическая характеристика человека.

Следует отметить, что данные параметры совпадают с лексикографически зафиксированными значениями «Внутренний мир человека», «Нравственный облик», при этом в концептосфере романа яркой чертой является восприятие души как живой субстанции, что современными лексикографическими изданиями

не фиксируется. Но такая трактовка встречается в «Толковом словаре живого великорусского языка» второй половины XIX века: «безсмертное духовное существо, одарённое разумомъ и волею» [ТСЖВЯ: URL]. Данный факт объясняется христианским мировоззрением автора. Так в «Православной энциклопедии» лексема душа характеризуется как субстанция, которая заключает образ Божий; вместе с телом образует состав человека, будучи при этом самостоятельным началом [Православная энциклопедия: URL]. В «Азбуке веры» душа — созданная Богом самостоятельная, бессмертная, личная, разумносвободная, сущность, отличная от тела [Азбука веры: URL].

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Душа' в двух романах показывает следующее: в «Обломове» и «Обрыве» поступки героев, нравственные качества рассматриваются через призму их внутренней жизни.

Как видим, семантико-когнитивные характеристики, в основном, положительные. Всё это свидетельствует о том, что концепт 'Душа' в пространстве романов «Обломов» и «Обрыв» представляет собой важную жизненную ценность, в которой отражается духовная сущность главных героев. В исследуемых текстах душа уподобляется предметам, явлениям окружающей среды, т.к. нет прямого вещественного воплощения этой субстанции.

В структуре концепта 'Душа' есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей душа у И.А. Гончарова – это:

Внутренняя сущность человека: таинственный луч затаённого, сдержанного упоения; нежность, радость, горе, порыв бескорыстного излияния души, видимая красота, тонкая, умная красота её лица; отражение души, простота души, мягкость, искренность, откровенность, исповедь, игра сомнений, печали, испуга; тревога, намерение, благоговение, умиление, грубость и жестокость; свежесть, взаимность, симпатия, заря пробуждённого, со дна души восставшего счастья; усталость, участие, сострадание, письмо, дружба, любовь, симпатия душ, привязанность.

Вместилище (пространственная семантика): борьба, единственный, тяжёлый беспокойство, камень; память, мысль, желание, нервы, гнёт, тяжесть, пожирающее душу пламя, червь сомнения, страсть, роскошь грядущих любовь, застой жизни, бытие, ощущений, существование, влечение, захватывающий дыхание ужас счастья, работа чистого гения, пожар страстей, творчество, уголья, страх, нетерпение, нега страсти, мука, тяжёлый груз, дно души, новый, ожидаемый шквал; горе, явления беспощадной фантазии, образ муки, дух мира, гордости, благоденствия; царство, молитвы, надежды, ясность, покой, защита, отчаяние, ломка, дремота, деятельность, глубина души, зловещая, заронённая в душу тоска, круговорот вечных стремлений, покой, бури, волнения, думы, досада, светлое сознание, спящие силы, тишина, неподвижность, зерно преступной мысли, воображение, призраки, боязнь, страхи, первые понятия и душевные тревоги, преграды, девическая впечатления, мечта, бодрость, симптомы, вспышки спящих сил жизни, сфера сознания, горечь раскаяния, боязнь ошибки, нетерпение, порывы, досада, стыд, боль, груз души, тайна, переворот, нега, удивление, жажда чувства, терпения; экономия сил души, весёлость, вечное раздражение души, потребность, задумчивость, забытый уголок, мгновения периодического оцепенения, грёза счастья, отдых жизни, смущение, смятение, наслаждения, шёпот сердца.

Этико-эстетическая характеристика: сила души и сердца; доброта, воля, добродетель, симпатия, высшие человеческие инстинкты, идеалы добра, изящества; красота жизни, луч чистоты, правды; красота души, великодушие, верующая душа, огонь и дым грубой работы; «беда», прелесть лучших сил, простота души, добрая душа, нравственно погибающая душа, быстрота расцветания сил, утрата нравственного аромата души, вера, основание добра.

Образная составляющая в художественном пространстве романа представлена:

Зрительными образами (то, что отражается в душе):

впечатления, настойчивый взгляд, глаза, бледное, страдальческое лицо; потерянный, безумный взгляд; портрет, сон, статуя, слёзы, луч взгляда, внезапный поворот головы, сдержанная грация движений; фигура, огонь, засохшее поле, образ Веры, волны, тёмный, запущенный храм; бледное отражение, улыбки, выражение усталости, скуки; птицы, луч солнца, лес, тропинка, тёмная комната, красоты южной природы, берёзовая роща, обаятельный свет, блеск и сила огня; коротенький эпизод жизни; чистое, благоуханное воспоминание; вечно движущиеся локти, океан, сад, узор мечты, море, небо, голубая ночь, мираж.

Звуковыми образами: детские голоса, рокотанье грома, искренний, незлобный смех; радостный крик, пение, волшебные звуки, стоны, молчание, звонкие голоса, шум.

Оценочной зоной:

А) Страстная:

страстная душа, неодолимая сила, патетическая страсть, вулканическая работа внутреннего, душевного огня; гордый, радостный трепет.

Б) Младенческая:

образ простой, младенческой души; детская душа.

В) Красивая:

нераздельно-истинная красота, лучшее создание природы, светлый мир, чистое сердце, хрустальная, прозрачная душа.

Г) Ленивая:

ленивая душа.

Д) Робкая:

робкая душа.

Е) Спокойная:

глубокое спокойствие, благословенная полнота, успокоительное чувство.

Ж) Жестокая:

нечистое зерно, грубый эгоизм, жестокая душа, фальшивый путь.

3) Нежная:

нежная, любящая душа, счастливый уголок, отрадное чувство, доверчивый шёпот душ, чуткая душа.

И) Измученная:

ужасное, неожиданное горе; великая скорбь, тяжёлые скорби, ненужные и тяжёлые страдания, измученная душа, потерянная уверенность, безвестные, безыменные страдания; утомлённые силы, встревоженная или усталая душа, глубокая тоска, неизлечимые раны без крови, тяжкое иго, глухая грусть, смутные, туманные вопросы, беспокойная голова, вопросы, горькие минуты.

К) Живая:

Живой ум, живая жажда, живая, свободная душа; отважные замыслы, пытливое внимание, поэтические думы, сокровенные помыслы и намерения, смелая мысль, творческий блеск, нравственная девическая душа, незаражённые понятия, простые души, великие души, великие минуты, великая красота, медвежья крепость, ясная красота, лучшая красота, гордая воля.

Религиозная зона: крест, всеутешительный дух, Бог.

Таким образом, концепт 'Душа' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова имеет многомерную структуру, наполняется пространственной семантикой (вместилище), зрительными (то, что отражается), звуковыми образами, религиозными представлениями (Бог), характеризуется этико-эстетическими чертами (живое существо наравне с человеком).

2.6. Репрезентация эмоциональных концептов в романах И.А. Гончарова 'Обломов' и 'Обрыв'

Эмоции [лат. emoveo – потрясаю, волную] – особый класс психических явлений, выражающих в виде пристрастного субъективного переживания значение отражаемых предметов и ситуаций для удовлетворения потребностей живого существа [Общая психология: URL].

Они являются специфической формой человеческого отношения к миру. Каждая языковая личность переживает одни и те же базовые эмоции. По мнению Т.С. Злотниковой, культурная ценность эмоции заключается в способности

личности манипулировать ей [Злотникова 2011: 39].

Эмоциональные концепты «вербализованы на лексическом и фразеологическом уровнях, состоят друг с другом в структурно-смысловых и функциональных отношениях» [Красавский 2001: 46]. Эмоциональные концепты изучаются как самостоятельно, так и в рамках макроконцепта 'Человек'. Это перспективная и вызывающая неизменно высокий исследовательский интерес область. Существуют разные подходы к классификации данного типа концептов. Наиболее подробная даётся в «Русском семантическом словаре» [СЕМ: URL]:

- І. Сами чувства, эмоциональные состояния:
- 1) восторг, веселье, довольство, умиротворение;
- 2) любовь, нежность, расположение, привязанность, благодарность;
- 3) сочувствие, жалость;
- 3) страдание, раскаяние, смущение, стыд;
- 4) страх, тревога, нетерпение;
- 5) обида, досада, недовольство;
- б) отчаяние, печаль, уныние;
- 7) отвращение, презрение, зависть, неприязнь, злоба, гнев, рассерженность.
- II. Состояния, связанные с явным или высоким проявлением чувств, а также отсутствием проявления чувств или с их сдержанностью:
 - 1) азарт, возбуждение, задор, порыв;
 - 2) бесстрастность, покой, спокойствие.

В «Антропологической лингвистике» [Антропологическая лингвистика 2003] эмоции рассматриваются по другим критериям:

- I. В зависимости от удовлетворения потребностей:
- а) положительные (радость, восторг, удовольствие);
- б) отрицательные (зависть, огорчение, тревога, страх).
- II. В зависимости от степени интенсивности и напряжённости. Например,тревога страх ужас; заинтересованность симпатия уважение.
- Ж.М. Кучменова также считает, что все эмоции нужно рассматривать с двух противоположных позиций и вводит понятия «положительно маркированные» и

«отрицательно маркированные эмоциональные концепты» [Кучменова 2005]. И.В. Островская говорит о «приятных и неприятных эмоциях» [Островская 2006].

Мы считаем, что художественные тексты позволяют наиболее полно представить человека, его внутренний мир и внешнее состояние.

Эмоции персонажа — динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир литературного героя в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами [Хисамова 2015: 575]. В романах И.А. Гончарова эмоции главных героев изображаются как особая психическая реальность. Мы рассматриваем концепты 'Любовь', 'Счастье', 'Радость', которые входят в макроконцепт 'Человек'.

2.6.1. Лексическая реализация концепта 'Любовь'

Эмоциональный концепт 'Любовь' является одной из составляющих макроконцепта 'Человек'. Он образует эмоциональное поле русской концептосферы вместе с такими эмоциональными концептами, как 'Радость', 'Счастье', 'Грусть' и др.

Это уникальная категория внутренней жизни человека. Особенность данного концепта в его многоплановости: любовь как ценностная установка и любовь как потребность эмоциональная, физиологическая. Существуют различные подходы к изучению концепта 'Любовь'. Л.Е. Вильмс считает, что любовь — чувство, либо комплекс эмоций, различных по психическим параметрам (интенсивность, качество, продолжительность, ценность, оценочность и т.д.) [Вильмс 2005: 138].

И.А. Иванова предлагает рассматривать исследуемый концепт как процессуальную категорию (любовь – желание, склонность, увлечение) [Иванова 2006: 11].

В концептосфере романов И.А. Гончарова концепт 'Любовь' является структурным элементом художественного мира писателя. В нашем исследовании мы придерживаемся позиции М.В. Смоленцевой [Смоленцева 2009] и

рассматриваем данный концепт с точки зрения следующих параметров: 1. Источник (причина) эмоции; 2. Интенсивность эмоции; 3. Внешнее проявление эмоции; 4. Длительность эмоции; 5. Характер эмоции. В.В. Колесов называет любовь «символом-гиперонимом, выражающим общую идею, за которой скрываются различные её вещные проявления» [Колесов 2011: 73].

Словом-именем концепта является существительное любовь. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема любовь — член тематической группы «Чувства, эмоциональные состояния» [CEM: URL].

По данным «Русского ассоциативного словаря», частота реакций на слово-стимул *любовь* следующая: с первого взгляда – 9, до гроба – 8, чувство – 5 [Русский ассоциативный словарь: URL].

В середине XIX века лексема любовь трактовалась как: «сильная къ комулибо привязанность, начиная отъ склонности до страсти; сильное желанье, хотинье; избранье и предпочтенье кого или чего-либо по воли, волею (не разсудкомъ), иногда и вовсе безотчотно и безразсудно» [ТСЖВЯ: URL].

В современном языковом употреблении слово как имя концепта 'Любовь' актуально в значениях: 1. «Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.» // «Чувство расположения, симпатии к кому-л.»; 2. «Чувство горячей сердечности, склонности, влечение к лицу другого пола»; 3. «Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л.» [МАС: URL]. Сравним: 1. «Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу»; // «Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости» // «Такое же чувство, основанное на инстинкте»;

2. «Такое же чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством»; 3. «перен. Человек, внушающий это чувство»; 4. «Склонность, расположенность или влечение к чему-н.» [ТСРЯ: URL]. «Русский семантический словарь» даёт следующую характеристику значений лексемы любовь: 1. «Чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности»; 2. «Глубокое эмоциональное влечение,

сильное сердечное чувство»; 3. «Постоянная сильная склонность, увлечённость чем-либо»; 4. «Предмет любви»; 5. «Пристрастие, тяга, вкус к чему-нибудь»; 6. «(разг.) Любовные отношения» [CEM: URL]. В «Словаре православной церковной культуры» любовь считается одной из главных христианских добродетелей [Скляревская 2008: 2091. В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» рассматривается любовь христіанская – влеченіе одного существа къ другому для взаимнаго дополненія жизни [Полный православный богословский энциклопедический словарь Б.г.: 1541]. Таким любовь образом, среди различных трактовок семантики слова лексикографическими источниками можно выделить общий элемент: любовь чувство привязанности, глубокой сердечности, эмоциональное влечение. Субъект (или объект) любви является исходной точкой этого чувства.

Концепт 'Любовь', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

І. Чувство:

1.1. Чувство, которое имеет общечеловеческую ценность:

Обломов хотя и прожил молодость в кругу всезнающей, давно решившей все жизненные вопросы, ни во что не верующей и всё холодно, мудро анализирующей молодёжи, но в душе у него теплилась вера в дружбу, в **любовь**, в людскую честь, и сколько ни ошибался он в людях, сколько бы ни ошибся ещё, страдало его сердце, но ни разу не пошатнулось основание добра и веры в него [Обломов 1953: 280]. Любовь как надежда человека на лучшее.

Та неувядающая и негибнущая **любовь** лежала могуче, как сила жизни, на лицах их — в годину дружной скорби светилась в медленно и молча обмененном взгляде совокупного страдания, слышалась в бесконечном взаимном терпении против жизненной пытки, в сдержанных слезах и заглушенных рыданиях [Обломов 1953: 476]. Вечная любовь как ценность.

Наблюдая сознательно и бессознательно отражение красоты на воображение, потом переход впечатления в чувство, его симптомы, игру, исход

и глядя вокруг себя, подвигаясь в жизнь, он выработал себе убеждение, что **любовь**, с силою Архимедова рычага, движет миром;

что в ней лежит столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразия в её непонимании и злоупотреблении. Где же благо? Где зло? Где граница между ними? [Обломов 1953: 461]. Любовь рассматривается с точки зрения физики.

1.2. Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми:

Дружба — вещь хорошая, Ольга Сергеевна, когда она — **любовь** между молодыми мужчиной и женщиной или воспоминание о **любви** между стариками. Но боже сохрани, если она с одной стороны дружба, с другой — **любовь** [Обломов 1953: 426]. Указание на субъектов любви: мужчину и женщину.

Сегодня же вечером Ольга узнает, какие строгие обязанности налагает **любовь**; сегодня будет последнее свидание наедине, сегодня [Обломов 1953: 285].

Не правы ли они? Может быть, в самом деле больше ничего не нужно», — с недоверчивостью к себе думал он, глядя, как одни быстро проходят любовь как азбуку супружества или как форму вежливости, точно отдали поклон, входя в общество, и — скорей за дело.

Они нетерпеливо сбывают с плеч весну жизни; многие даже косятся потом весь век на жён своих, как будто досадуя за то, что когда-то имели глупость любить их [Обломов 1953: 462]. Любовь как правила взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

1.3. Чувство по степени силы:

Она любила Обломова, и **любовь** эта умерла, цвет жизни увял навсегда! [Обломов 1953: 419]. Прощание человека с любовью.

Вы рассудите, бабушка: раз в жизни девушки расцветает весна — и эта весна **любовь**. И вдруг не дать свободы ей расцвесть, заглушить, отнять свежий воздух, оборвать цветы... [Обрыв 1954: 78].

Это выдумка, сочинение, Вера, поймите хаос ваших «правил» и «понятий»! Забудьте эти «долги» и согласитесь, что **любовь** прежде всего влечение... иногда неодолимое... [Обрыв 1954: 261]. Чувство, с которым невозможно справиться.

II. Объект:

Я отныне не трогаю твоих убеждений; не они нужны нам, — на очереди страсть. У неё свои законы; она смеется над твоими убеждениями, — посмеётся со временем и над бесконечной **любовью** [Обрыв 1954: 359].

Да наконец, если б она хотела уйти от этой **любви** — как уйти? Дело сделано: она уже любила, и скинуть с себя **любовь** по произволу, как платье, нельзя. «Не любят два раза в жизни, — думала она, — это, говорят, безнравственно...» [Обломов 1953: 282].

Расстаться! Разлука стоит у вас рядом с **любовью**! — Она безотрадно вздохнула. — А я думаю, что это крайности, которые никогда не должны встречаться... одна смерть должна разлучить... [Обрыв 1954: 268]. Любовь как реалия окружающей действительности.

Наконец большая часть вступает в брак, как берут имение, наслаждаются его существенными выгодами, жена вносит лучший порядок в дом — она хозяйка, мать, наставница детей; а на **любовь** смотрят, как практический хозяин смотрит на местоположение имения, то есть сразу привыкает и потом не замечает его никогда [Обломов 1953: 462 — 463].

Пока Вера капризничает без причины, молчит, мечтает одна — бог с ней! А как эта змея, **любовь**, заберётся в неё, тогда с ней не сладишь! Этого «рожна» я и тебе, не только девочкам моим, не пожелаю [Обрыв 1954: 82].

В романе «Обломов» нами выявлено 164 употребления лексемы любовь, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные

признаки: 1. «Чувство по степени силы»; 2. «Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми»; 3. «Объект».

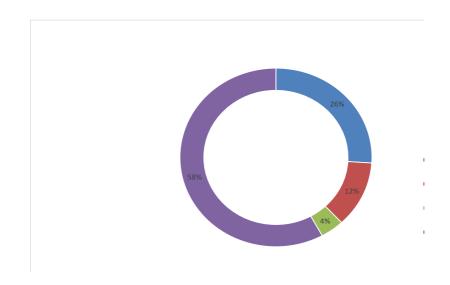

Рисунок 11- Концепт 'Любовь' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами обнаружено 202 употребления лексемы любовь, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Чувство по степени силы»; 2. «Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми»; 3. «Объект».

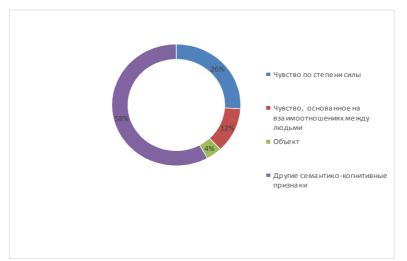

Рисунок 12 – Концепт 'Любовь' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Любовь' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр, периферию.

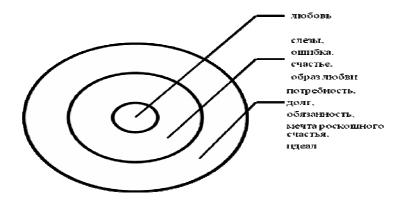

Рисунок 13 – Полевая структура концепта 'Любовь' в романе «Обломов»

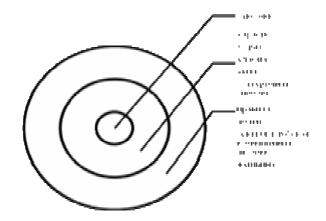

Рисунок 14 – Полевая структура концепта 'Любовь' в романе «Обрыв»

Ядро номинативного поля концепта 'Любовь' в романе «Обломов» представлено гиперсемой «любовь» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с эмоциональными переживаниями человека (слёзы, ошибка), его мечтами (счастье, образ любви). К периферии относятся лексемы, выражающие противопоставление «мира реального» (потребность, долг, обязанность) и «мира идеального» (мечта роскошного счастья, идеал).

Ядро номинативного поля концепта 'Любовь' в романе «Обрыв» представлено гиперсемой «любовь» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с сильными проявлениями чувства (страсть, сила), убеждениями человека о любви (счастье, образ, «бессрочная любовь»). К

периферии относятся лексемы, выражающие высокие побуждения человека («святая, глубокая возвышенная любовь»), субъектов любви (женщина), правила взаимоотношений между людьми (правила, долги).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Любовь' в двух романах показывает следующее: это чувство имеет общечеловеческую ценность, основано на взаимоотношениях между людьми, может быть разным по степени силы. В концептосфере романов наиболее яркой чертой является восприятие любви как объекта. Такая характеристика не зафиксирована лексикографическими источниками.

В структуре концепта 'Любовь' есть образная, понятийная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей любовь у И.А. Гончарова – это:

<u>Чувство по степени силы</u>: жар, радость, жаркая любовь, тёплые слёзы, теплота любви, тревоги, живые радости, лукавый шёпот праздного сердца, симптомы страсти, негреющий, фальшивый свет, ласка к ребёнку, к женщине; бессознательная потребность любить, мягкость, ласковое внимание, лунатизм любви, сфера чистой любви, мечта, биение девического сердца, пытки и муки любви, первая, чистая любовь, цвет жизни, дружба, призрак любви, свет любви, вера, сила жизни, утончённая игра, жажда любви, счастья; зной сильной, пылкой, ревнивой любви, отжившая любовь, апатия, скука, молчание, океан любви, ограда нежности отца, брата, мужа; боли корыстной любви, зародыш любви, самозабвение, блаженство, хмельная игра сил, яркая печать на всю жизнь, тёплые и многообещающие надежды, весна, экстаз, идея красоты, страсть без опыта, влечение, разлука, «бессрочная любовь», ночь любви, дамы с пятидесятилетней взаимною верностью, листки памяти, торжество любви, худо скрытая боль в сердце, лихорадочные признаки любви, горячка, рыдания, судороги, обмороки, истерические припадки.

<u>Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми</u>: история любви, уверения в любви, безграничная преданность до гроба, лестное приношение любви, любезность сердца, святой долг семейных уз, шаг к любви, снисхождение,

тёплое доверие, симпатия, доброта, иллюзия, обман, крепкая связь, безграничная любовь, поруганное чувство любви.

Образная составляющая в художественном пространстве романов представлена:

Зрительными образами: маленькие, белые руки; жаркие слёзы внезапно обрадованного человека, улыбающееся видение, стыдливый взгляд, неподвижнострастный взгляд, змея, платье, улыбка, свидания в лесу, цветы, луна, тёмный вечер в саду, радужные краски, венок, оспа, камень, бездна, вдохновенные глаза, крошечная перчатка, записки, корь, внезапная краска, лучи блеска, увядшие девы, с вечными слезами любви; усатые лица недавних героев, с буйным огнём в глазах; обмененный взгляд совокупного страдания, гроб, брачный алтарь, сверкающие молнии, тихий свет глаз, слёзы умиления и веры, письма, Италия, солнечное сияние, пир, соловей, мундир, заветная дверь, прелесть декораций, звёзды, огонь, дым, пламя.

Звуковыми образами: музыка, слово, голос, заглушенные рыдания, стоны, вопли, шёпот нежной, кроткой любви, кроткая и тихая молитва, гимн, звук любви, пение, тишина, отдалённое рокотанье грома, выстрелы, порханье и пенье птиц, лепет любви, громадный, страстный вздох.

Тактильными образами: истязания, раскалённое железо, объятия.

Обонятельными образами: запах сиреневой ветки, аромат любви.

Ценностная составляющая концепта 'Любовь' представлена:

Оценочной зоной:

А) Идеальная:

сказочный мир любви, сладостная дремота, цветущая поэма любви, мечта роскошного счастья, роскошь расцветшей красоты, далёкая любовь, трогательная повесть из собственной жизни, лирическое горе, ясная улыбка любви, магический круг любви, сочинённая и придуманная любовь, пастушеская любовь, эфемерное дыхание любви, патетическая страсть, благоуханное воспоминание, безоблачный праздник любви.

Б) Святая:

«святая, глубокая возвышенная любовь», чистое, законное благо, бесконечное взаимное терпение, благотворный дождь, тихое счастье, негибнущая любовь, благотворная сила.

В) Греховная:

пятно на совести, тяжёлая мысль, животное бешенство, тряпичная страсть, подкошенный цветок, «падение», огонь страсти, душевный антонов огонь.

Г) Непостоянная:

капризное, безотчётное чувство, поддельная любовь, непостоянная любовь.

Д) Возможная:

прямая любовь, близкое счастье, простое и несложное дело, сосредоточенная страсть.

Е) Испытывающая человека на прочность:

претрудная школа жизни, тихая тоска, иго любви, грозный образ любви.

<u>Мифологической зоной</u>: жрицы сильных, искусственных страстей; идол, обряд, жертвы.

Религиозной зоной: Творец.

Регулятивной зоной: мудрые сентенции о жизни, о любви; норма любви, обязанность, взаимные права, долг, необходимость, законы, авторитет любви, «мыслители о любви», приговор, азбука супружества, форма вежливости, порядок, правила, уроки любви, новые идеи о любви, понятия о любви, теория о любви, правило свободного размена, обязательная любовь.

Утилитарной зоной:

А) Быт семьи:

хорошая, умная, заботливая жена и мать, хлопоты о чужих детях, щи, чистая рубашка, семейная жизнь.

Б) Женитьба:

свадьба, деньги, имение, «приличная партия», женитьба, брак, выгоды, муж.

Социально-культурной зоной:

А) Литературные образы влюблённых:

образ Корделии, дон-кихоты в стальных перчатках, Хлои с барашками,

застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся Вертеры; наивные и сознательные донжуаны.

Б) Любовь в музыке:

Casta diva.

В) Картины о любви:

перуджиниевская фигура, картина Рубенса «Сад любви».

Таким образом, концепт 'Любовь' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова представляет собой и положительное, и отрицательное явление. Это чувство-объект, которое имеет общечеловеческую ценность (вечная любовь), основано на взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, может быть разным по степени силы (весна жизни, страсть).

2.6.2. Лексическое представление концепта 'Счастье'

Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нём образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания [Воркачёв 2004: 54].

Ключевой концепт 'Счастье' является составной частью макроконцепта 'Человек' и входит в эмоциональное поле русской концептосферы. Источники этой эмоции отличаются разнообразием: внутренние переживания (любовь, радость, надежды и т.д.), внешние факторы (например, взгляд, улыбка).

В русской концептосфере 'Счастье' рассматривается с точки зрения православия. На это указывает тесная связь данного концепта с категориями «Несчастье» и «Страдание» как «особых структурах русского сознания» [Маховиков 2011: 18]. В них заключён духовный, нравственный смысл. Счастье наступает тогда, когда душа человека, пройдя испытания, очищается. И.Б. Русакова говорит о моральности русского языкового сознания, т.е. отнесении концептов 'Счастье' и 'Несчастье' к категории высших ценностей [Русакова 2007: 10].

В концептосфере романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» концепт 'Счастье' рассматривается с точки зрения модели «идеального чувства» и взаимоотношений между людьми в реальности.

Словом-именем исследуемого концепта является одноимённое существительное *счастье*. Лексема счастье входит в семантическое поле «Эмоциональное состояние» вместе с такими словами, как радость, грусть, печаль и др. История слова в русском языке показывает, что древние значения данного слова связаны с эмоциональной положительной оценкой: 'хорошо': 'хорошая часть, доля' [Шанский 2004: URL]; «счастіе, удача» [СДРЯ 1989: 864]. Интересно, что в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных при отсутствии лексемы счастье встречается только лексема часть в значениях «доля»,

Интересно, что в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных при отсутствии лексемы счастье встречается только лексема часть в значениях «доля», «кусок от целого», «нечто выделенное, изъятое, выхваченное из целого» [ИЭССРЯ 1994: 375]. «Словарь русских народных говоров» указывает на лексему счасть, которая имеет 2 значения: 1. «Счастье, удача»; 2. «Участь, судьба» [СРНГ 2010: 85]. Она характерна для северных, восточных и западных говоров России. В XIX веке данная лексема в указанных значениях употреблялась в Псковской губернии и Осташковском уезде Тверской губернии. Эти семантические характеристики, как увидим в дальнейшем, частично сохраняются и в художественной интерпретации концепта 'Счастье', выраженного соответствующей лексемой.

В современном языковом употреблении концепт 'Счастье' трактуется как:

1. «Состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо»; 2. «Успех, удача»; 3. «Участь, доля, судьба (с просторечной окраской)» [MAC: URL]. Следует отметить, что в «Толковом словаре Д.Н. Ушакова» первое и второе значения данной лексемы получают несколько иное толкование: 1. «Состояние довольства, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью»; 2. «Успех, удача (преимущественно случайная)» [TCPЯ: URL]. В свою очередь, «Русский семантический словарь» даёт такой набор значений: 1. «Чувство восторженной радости, полного удовлетворения»; 2. «Успех, удача, благополучие» [СЕМ: URL]. Характерно, что в «Словаре русского

языка» С.И. Ожегова есть только 2 значения из всех рассмотренных выше:

1. «Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения»; 2. «Успех, удача» [Ожегов 1961: 772]. Также счастье — удовлетворённость стремлениям и потребностям человеческой природы [Азбука веры: URL]. Таким образом, видим, что лексикографические источники связывают семантику слова счастье с эмоциональным, радостным состоянием человека, ассоциируя это состояние с чувством глубокого довольства, удовлетворения жизнью. Также семантика данного слова связана с ситуациями, которые напрямую не зависят от воли человека: удача, успех, везение, участь.

Концепт 'Счастье', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

І. Внутреннее состояние человека:

Мало-помалу впечатление его изгладилось, и он опять с трепетом счастья смотрел на Ольгу наедине, слушал, с подавленными слезами восторга, её пение при всех и, приезжая домой, ложился, без ведома Ольги,

на диван, но ложился не спать, не лежать мёртвой колодой, а мечтать о ней, играть мысленно в **счастье** и волноваться, заглядывая в будущую перспективу своей домашней, мирной жизни, где будет сиять Ольга, — и всё засияет около неё [Обломов 1953: 328].

Страсть не исказит вас, а только поднимет высоко. Вы черпнёте познания добра и зла, упьётесь счастьем и потом задумаетесь на всю жизнь, — не этой красивой, сонной задумчивостью. В вашем покое будет биться пульс, будет жить сознание счастья; вы будете прекраснее во сто раз, будете нежны, грустны, перед вами откроется глубина собственного сердца, и тогда весь мир упадёт перед вами на колени, как падаю я... [Обрыв 1953: 108].

II. Субъект:

На лице её разлито было дыхание **счастья**, но мирного, которое, казалось, ничем не возмутишь. Видно, что у ней не было тяжело на сердце, а только

хорошо, как в природе в это тихое утро [Обломов 1953: 250].

Брат! — заговорила она через минуту нежно, кладя ему руку на плечо, — если когда-нибудь вы горели, как на угольях, умирали сто раз в одну минуту от страха, от нетерпения... когда **счастье** просится в руки и ускользает... и ваша душа просится вслед за ним... Припомните такую минуту... когда у вас оставалась одна последняя надежда... искра... Вот это — моя минута! Она пройдёт — и все пройдёт с ней... [Обрыв 1954: 111—112].

III. Внешнее проявление чувства:

Лицо Обломова вдруг облилось румянцем **счастья**: мечта была так ярка, жива, поэтична, что он мгновенно повернулся лицом к подушке. Он вдруг почувствовал смутное желание любви, тихого **счастья**, вдруг зажаждал полей и холмов своей родины, своего дома, жены и детей... [Обломов 1953: 66].

Дождь ли пойдёт — какой благотворный летний дождь! Хлынет бойко, обильно, весело запрыгает, точно крупные и жаркие слёзы внезапно обрадованного человека; а только перестанет — солнце уже опять с ясной улыбкой любви осматривает и сушит поля и пригорки: и вся страна опять улыбается счастьем в ответ солнцу [Обломов 1953: 105].

IV. Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми:

Худо будет мне. Я и теперь без ужаса не могу подумать об этом. Если б вы были опытнее, старше, тогда бы я благословил своё **счастье** и подал вам руку навсегда [Обломов 1953: 259].

Свобода с обеих сторон — и затем — что выпадет кому из нас на долю: радость ли обоим, наслаждение, **счастье**, или одному радость, покой, другому мука и тревоги — это уже не наше дело. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слепо её назначение, подчинились бы её законам [Обрыв 1954: 181—182].

Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования,

вдумывался в своё назначение и, наконец, открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нём самом. Он понял, что ему досталось в удел семейное счастье и заботы об имении [Обломов 1953: 66].

V. «Идеальное чувство»:

А между тем тут всё было для **счастья:** для сердца открывался вечный, тёплый приют... [Обрыв 1953: 118].

VI. Объект:

Для ума предстояла длинная, нескончаемая работа — разбиваться, развивать её, руководить, воспитывать молодой женский восприимчивый ум. Работа тоже творческая — творить на благодарной почве, творить для себя, создавать живой идеал собственного счастья... [Обрыв 1953: 118].

Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно людям искажать её! Потом можно зайти в оранжерею, — продолжал Обломов, сам упиваясь идеалом нарисованного **счастья** [Обломов 1953: 184].

Я жду, ищу одного — **счастья**, и верю, что нашла. Если ошибусь, если правда, что я буду плакать над своей ошибкой, по крайней мере я чувствую здесь (она приложила ладонь к сердцу), что я не виновата в ней; значит, судьба не хотела этого, бог не дал [Обломов 1953: 267].

Потом, надев просторный сюртук или куртку какую-нибудь, обняв жену за талью, углубиться с ней в бесконечную, тёмную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать, считать минуты счастья, как биение пульса; слушать, как сердце бьётся и замирает; искать в природе сочувствия... и незаметно выйти к речке, к полю... [Обломов 1953: 184].

Всё бы это прекрасно: он не мечтатель; он не хотел бы порывистой страсти, как не хотел её и Обломов, только по другим причинам.

Но ему хотелось бы, однако, чтоб чувство потекло по ровной колее, вскипев сначала горячо у источника, чтоб черпнуть и упиться в нём и потом всю жизнь знать, откуда бьёт этот ключ **счастья**... [Обломов 1953: 417].

В романе «Обломов» нами обнаружено 113 употреблений лексемы *счастье*, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в романе преобладают следующие семантико-когнитивные характеристики: 1. «Идеальное чувство»; 2. «Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми»; 3. «Внутреннее состояние человека».

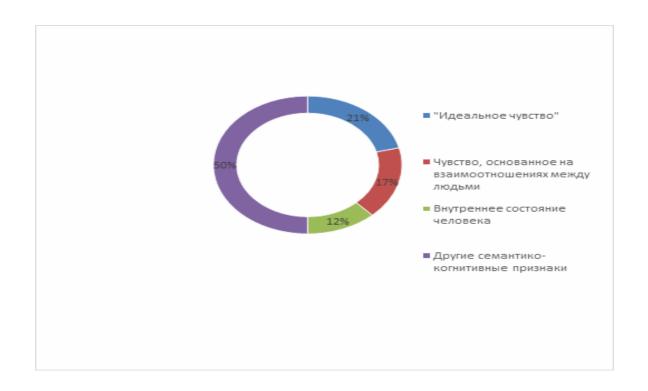

Рисунок 15 Концепт 'Счастье' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами выявлено 179 употреблений лексемы счастье, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в романе преобладают следующие семантико-когнитивные характеристики: 1. «Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми»; 2. «Идеальное чувство»; 3. «Внешнее проявление чувства».

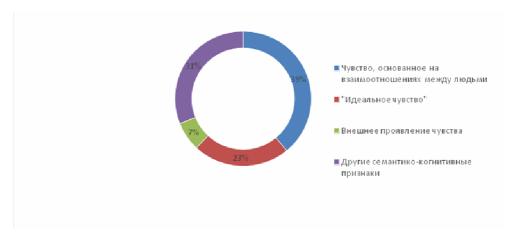

Рисунок 16 – Концепт 'Счастье' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Счастье' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр и периферию.

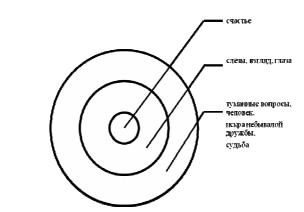

Рисунок 17 – Концепт 'Счастье' в романе «Обломов»

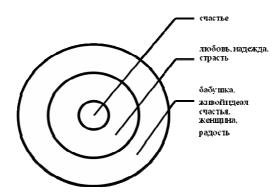

Рисунок 18 – Концепт 'Счастье' в романе «Обрыв»

Ядро номинативного поля концепта 'Счастье' в романе «Обломов» представлено гиперсемой «счастье» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с внешними проявлениями чувства (слёзы, глаза,

взгляд). К периферии относятся лексемы, обозначающие мыслительную деятельность человека (туманные вопросы, человек), его взаимоотношения с другими людьми (искра небывалой дружбы), влияние судьбы на жизнь человека (судьба).

Ядро номинативного поля концепта 'Счастье' в романе «Обрыв» представлено гиперсемой «счастье» с обобщённым значением.

Центр занимают лексемы, которые связаны с внутренним состоянием влюблённого человека (любовь, надежда, страсть). К периферии относятся лексемы, называющие конкретных субъектов (бабушка, женщина) и эмоции, которые они вызывают (живой идеал счастья, радость).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Счастье' в двух романах показывает следующее: это «идеальное чувство», связанное с внутренним состоянием человека, основано на взаимоотношениях между людьми, а также его внешнее проявление. В концептосфере романов счастье рассматривается как субъект и объект, что не фиксируется современными лексикографическими источниками.

В структуре концепта 'Счастье' есть образная, понятийная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей счастье у

И.А. Гончарова – это:

«Идеальное чувство»: семейное счастье, минуты счастья, идеал нарисованного счастья, идеал воплощённого покоя, удовлетворённые желания, безоблачность жизни, тишина жизни, мгновения периодического оцепенения, сон души, грёза счастья, отдых жизни, радости, роскошь жизни, вершины счастья, здание счастья, венец счастья, немое созерцание природы, тихие, едва ползущие явления семейной, мирно-хлопотливой жизни, ключ счастья, воспоминания о живом счастье, успех, совершенство, живая жизнь, человеческое счастье, творческая работа, искренность, любовь, поэзия.

<u>Чувство, основанное на взаимоотношениях между людьми:</u> вчерашнее счастье, забота, боязнь, нежность, осторожность, залог счастья, взаимное счастье, близкое счастье, будущее счастье, последнее счастье, симпатия, признание в

любви, предложение руки, сознание новой жизни, даль будущего, строгость долга, момент торжества, страсти; благословение, зерно скуки, обеты счастья, самопожертвование, торжество, победа, слабая надежда, обман, любезность, колебание, доля, удача, двойник, метаморфоза в мужа и жену, гордость, дружба, «деспотизм», обоюдное счастье, свобода, сажень, пуд, любящие честные натуры, рай, препятствия, лучшие годы счастья, женщина, замужество, мыслительная работа в одиночку над нескончаемым, задаваемым друг другу счастья, трепет счастья, сон счастья, покой, пульс, сознание счастья, жажда счастья, желание, природное влечение, лукавый и льстивый шёпот сердца, неясное предчувствие счастья, страх, нетерпение, наслаждение, впечатление, вихрь счастья.

Внешнее проявление чувства: румянец счастья, заря пробуждённого, со дна души восставшего счастья; дыхание счастья, великолепные призраки счастья, страсть, подавленные слёзы восторга, нега, комедия, искра нежности, одинакий жар нетерпеливого счастья, луч экстаза.

Образная составляющая в художественном пространстве романов представлена:

Зрительными образами: тёмная аллея, оранжерея, холмы, букет, книга, письмо, поблёкшая сирень, Обломовка, терраса, ветка сирени, голубая ночь, молнии, цветы, грёзы воображения, искра, широкие крылья, облако в небе, невеста, лучистая даль, волшебный узор, распустившаяся лилия, великолепный цветник, длинная тополевая аллея, дерево, Швейцария, тень, наполненный слезами взгляд, улыбка, блещущий взгляд.

<u>Звуковыми образами:</u> тихое теченье, сладкие струи, плесканье, звуки Шуберта, грозы, пение, бурные и горячие вопли, песни, хохот.

Ценностная составляющая представлена:

Оценочной зоной:

А) Глубокое, разумное:

тихое счастье, прямое, благородное и прочное счастье, невозмутимый покой, домашняя, мирная жизнь, простое, неукрашенное счастье, вечный, тёплый приют, тихий свет, глубокая, святая неизменная любовь;

нежнейшая материнская симпатия, неутомимое попечение о счастье, трезвое, глубокое, разумное счастье, чистая совесть, детская доверчивость, глубокая признательность, небывалая дружба.

Б) Охмеляющее:

переполненный избыток, живые радости, охмеляющее счастье, страстный поцелуй, вдохновенное сияние, безумное счастье, живая, ревнивая страсть, обольстительная даль.

В) Поэтическое:

неведомое счастье, задумчивая обстановка, поэтический миг, незаконная мечта о счастье, розовые мечты, задумчивый чад счастья, величайшая поэзия, нежная, трогательная тень, чистый гений, девический сон счастья.

Г) Невыразимое:

невыразимое счастье, нежная покорность, безмолвное счастье, неизменяющаяся ласка, глубокое умиление, прекрасное явление, нежное умиление и поклонение, нежный, влюблённый, долгий след; величайшее счастье, расцветающая жизнь, женская грация.

Исторической зоной: Рубикон.

Мифологической зоной: идол, Гименей, нимфа, Сатир, сказочный богатырь.

Регулятивной зоной: долг, закон.

<u>Социально-культурной зоной</u>: Рафаэлева Мадонна, Милосская Венера, Аполлон Бельведерский, храм Петра.

Таким образом, концепт 'Счастье' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова представляет собой положительное явление, связанное с эмоциональным подъёмом. Это чувство, которое может быть «идеальным», выступать в роли субъекта и объекта, основано на взаимоотношениях между людьми, имеет внешнее проявление.

2.6.3. Лексическая репрезентация концепта 'Радость'

Радость – это позитивное эмоциональное состояние, переживание которого

необходимо для человека. С точки зрения русского культурного сознания рассматривается как источник жизни и вдохновения [Пеньковский 1991: 152]. Эта эмоция первичная, так как она проявляется и у взрослых, и у детей. По мнению К.В. Шмугуровой, концепт 'Радость' обладает следующими характеристиками: 1. Глубокое и длительное состояние; 2. Часто не требует внешнего выражения, переживается как внутренний покой; 3. Ощущение просветления души и подъём жизненных сил [Шмугурова 2011: 14].

В концептосфере романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» концепт 'Радость' становится структурным элементом художественного мира писателя. Как увидим в дальнейшем, данный концепт тесно связан с представлением о счастье.

Словом-именем концепта является существительное радость. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема радость — член тематической группы «Эмоциональное состояние» [СЕМ: URL]. Данная лексема входит в восьмую сотню самых употребительных русских слов. По данным «Русского ассоциативного словаря», частота реакций на слово-стимул радость следующая: большая — 8, горе — 5, счастье — 5 [Русский ассоциативный словарь: URL].

Во второй половине XIX века лексема радость трактовалась следующим образом: «веселье, услада, наслажденье, утиха, пртвпл. скорбь, грусть, горе, печаль и пр. внутреннее чувство удовольствія, пріятнаго, вслидствіе желаннаго случая; || самое событіе или предметь, возбудившій эти душевныя чувства» [ТСЖВЯ: URL].

В современном языковом употреблении слово как имя концепта «Радость» актуально в значениях: 1. «Чувство удовольствия, удовлетворения»; 2. «То, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье» [MAC: URL].

Сравним: 1. «Чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, весёлое настроение». // «Внешнее проявление этого чувства»; 2. «Событие, предмет, возбуждающие такое чувство» [ТСРЯ: URL]. «Русский семантический словарь» даёт, на наш взгляд, наиболее полную характеристику значений лексемы радость: 1. «Весёлое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения»; 2. «Тот или то, кто (что) вызывает чувство радости, счастья, удовлетворения»; 3. «Радостное,

счастливое событие, обстоятельство» [CEM: URL]. С точки зрения православного дискурса радость трактуется как «внешнее проявление любви, действие благодати Святого Духа в сердце человека» [Азбука веры: URL]. Таким образом, видим, что лексикографические источники связывают семантику слова радость с положительным эмоциональным состоянием человека, ассоциируя это состояние с чувством удовольствия, внутреннего удовлетворения. Также семантика данного слова связана с важными, приятными событиями в жизни человека.

Концепт 'Радость', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

І. Внутреннее состояние человека:

Он перебирал каждый её шаг, как судебный следователь, и то дрожал от радости, то впадал в уныние и выходил из омута этого анализа ни безнадёжнее, ни увереннее, чем был прежде, а всё с той же мучительной неизвестностью, как купающийся человек, который, думая, что нырнул далеко, выплывает опять на прежнем месте [Обрыв 1953: 194].

Она с тихой **радостью** успокоила взгляд на разливе жизни, на её широких полях и зелёных холмах [Обломов 1953: 435].

Обломов, увидев давно умершую мать, и во сне затрепетал от **радости**, от жаркой любви к ней: у него, у сонного, медленно выплыли из-под ресниц и стали неподвижно две тёплые слезы [Обломов 1953: 110].

II. Чувство по степени силы:

Дома отчаялись уже видеть его, считая погибшим; но при виде его, живого и невредимого, **радость** родителей была неописанна [Обломов 1953: 147].

И когда она появилась, **радости** и гордости Татьяны Марковны не было конца [Обрыв 1954: 284].

III. Внешнее проявление чувства:

«Брат! Вы великодушны, Вера не забудет этого!» — сказала она и, взвизгнув от радости, как освобождённая из клетки птица, бросилась в кусты [Обрыв 1954: 257].

Она пела много арий и романсов, по указанию Штольца, в одних выражалось страдание с неясным предчувствием счастья, в других — **радость**, но в звуках этих таился уже зародыш грусти [Обломов 1953: 203].

IV. Пространство:

Не всё, конечно, знает Вера в игре или борьбе сердечных движений, но, однако же, она, как по всему видно, понимает, что там таится целая область радостей, горя, что ум, самолюбие, стыдливость, нега участвуют в этом вихре и волнуют человека [Обрыв 1953: 35].

V. Объект:

Он любовался уже их любовью и радовался их **радостью**, томясь жаждой превратить и то и другое в образы и звуки [Обрыв 1953: 155].

VI. Субъект:

В доме какая **радость** и мир жили! [Обрыв 1953: 63].

В романе «Обломов» нами выявлено 49 употреблений лексемы радость, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Внешнее проявление чувства»; 2. «Чувство по степени силы»; 3. «Внутреннее состояние человека».

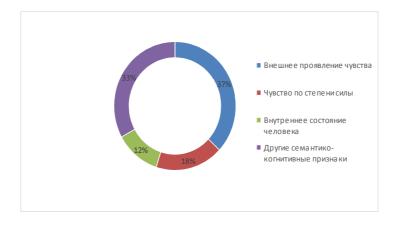

Рисунок 19 - Концепт 'Радость' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами обнаружено 61 употребление лексемы радость, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки:

- 1. «Внешнее проявление чувства».
- 2. «Чувство по степени силы».
- 3. «Внутреннее состояние человека».

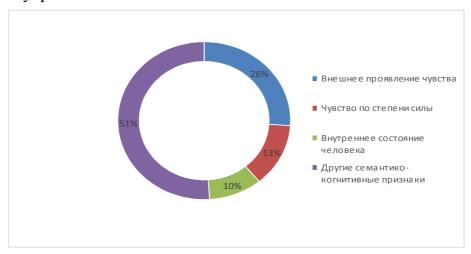

Рисунок 20 – Концепт 'Радость' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Радость' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр, периферию.

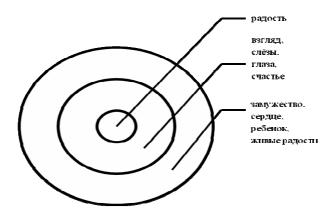

Рисунок 21 – Полевая структура концепта 'Радость' в романе «Обломов»

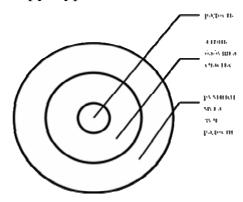

Рисунок 22 – Полевая структура концепта 'Радость' в романе «Обрыв»

Ядро номинативного поля концепта 'Радость' в романе «Обломов» представлено гиперсемой «радость» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые связаны с внешним проявлением чувства радости (взгляд, слёзы, глаза, счастье). К периферии относятся лексемы, называющие радости семейной жизни (замужество, ребёнок) и внутреннее состояние человека (сердце, живые радости).

Ядро номинативного поля концепта «Радость» в романе "Обрыв" представлено гиперсемой 'радость' с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые называют причины возникновения чувства радости (жизнь, бабушка, счастье). К периферии относятся лексемы, обозначающие внешние противоречивые проявления внутренних переживаний (румянец, луч радости, мука).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта

«Радость» в двух романах показывает следующее: а) чувство, связанное с внутренним состоянием человека, его внешнее проявление; б) чувство, которое обладает разной степенью силы. В концептосфере романов радость представлена как пространство, объект и субъект, что не фиксируется современными лексикографическими источниками.

В структуре концепта 'Радость' есть образная, понятийная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей радость у

И.А. Гончарова – это:

Внешнее проявление внутреннего состояния человека: страдание с неясным предчувствием счастья, зародыш грусти, томление, изнеможение, искра сарказма, грация, признак, маленький штрих, вздох, флёр, умиление, мысль, движение, блеск здоровья, знаки внимания.

<u>Чувство по степени силы:</u> капелька горечи, наслаждение, любовь, страсти, мечтанье, избыток радости, мир, свет, «новое чувство», сильно охватившее чувство, радость исполнившегося ожидания, мука, трепет, жажда, нега, вихрь.

Образная составляющая в пространстве романов представлена:

Зрительными образами: внезапные слёзы, улыбка, молча протянутая рука, внезапная краска, трепещущий огнём взгляд, Италия, широкие поля и зелёные холмы, великолепный цветник, длинная тополевая аллея, пылающие от радости щёки, блещущий взгляд, молнии великих радостей, солнечное сияние, пир, цветы, соловей, сильная радость, лучистые, горячие глаза, освобождённая из клетки птица, румянец, движение рук.

Звуковыми образами: арии, романсы, весёлый голос, смех, шаги ног.

Тактильными образами: свежий ветер, мороз, холод, объятия.

Ценностная составляющая представлена:

Оценочной зоной:

А) Мирная:

мирная радость, доверчивый шёпот душ, драгоценные и редкие минуты, тихая радость, мирная задумчивость, покойная радость, сдержанная радость, нежная, томная радость.

Б) Огненная:

жаркая любовь, огненные радости, бешеный переход к радости, горячая мечта, одинакий жар нетерпеливого счастья, великолепные призраки счастья, отважная решимость, внезапная радость.

В) Глубокая:

глубокая радость, бескорыстное излияние перед всеутешительным духом.

Г) Злая:

злобно-торжественная радость, злая радость.

Д) Живая:

живые радости, резвая радость, счастливая торопливость в движениях, наивные радости, беспечная радость.

Таким образом, концепт 'Радость' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова представляет собой и положительное, и отрицательное явление. Это чувство, которое имеет внешнее проявление, может выступать в роли субъекта и объекта, имеет собственное пространство, обладает разной степенью силы.

Результаты анализа семантико-когнитивных признаков концептов 'Женщина', 'Обломов', 'Душа', 'Любовь', 'Счастье', 'Радость' в Главе 2 позволяют прийти к следующим выводам:

1. Данные концепты тесно связаны между собой в концептосфере романов И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». В их структуре понятия «пересекаются, конкретизируя и дополняя друг друга» [Кострубина 2010: 51].

Таблица 1 – Концепты группы «Человек самобытный» и эмоциональные концепты

Концепты	«Женщина»	«Обломов»	«Душа»	«Любовь»	«Счастье»	«Радость»
Пилиоти						
Признаки						
Образ	+	+	-			

Внутреннее		+	+		+	+
состояние						
человека						
Этико-	+	+	+	+		
эстетическая						
(нравственная)						
характеристика						
Субъект			+		+	+
Объект				+	+	+
Пространство			+			+
(вместилище)						
Внешнее					+	+
проявление						
чувства						
Чувство по				+		+
степени силы						
Чувство,				+	+	
основанное на						
взаимоотноше-						
ниях между						
людьми						

- 2. На основании таблицы 1 можно говорить о том, что в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» создан языковой портрет человека второй половины XIX века. Он представляет собой яркие образы мужчины и женщины, которые:
- а) совмещают в себе положительные (идеал) и отрицательные черты (страсти);
- б) могут быть в состоянии сна или движения; в) обладают богатым внутренним миром.
- 3. Концепты 'Любовь', 'Радость' и 'Счастье' существуют в пространстве 'Души' как субъекты и объекты внутреннего состояния человека.
- 4. Эмоциональные концепты и концепты группы «Человек самобытный» являются элементами макроструктуры 'Человек'.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТЫ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

Окружающий человека мир включает в себя явления и предметы, с одной стороны, данные человеку (природа), с другой, — созданные самим человеком (вещный мир). В художественном мире романов И. А. Гончарова очень важными в поле макроконцепта 'Человек' являются те номинации, которые связаны с миром предметов, окружающих человека, и которыми человек пользуется. Специфика слов, называющих данные предметы и явления, в структуре художественного текста заключается в том, что такие номинации при сохранении, что естественно, денотативной стороны знака, развивают свою сигнификативную сторону, что позволяет им концептуализироваться, становиться впоследствии символическими признаками как жизни человека, так и его личности. Именно это обстоятельство позволяет нам рассматривать такие номинации, как, например, топоним (Обломовка) и названия одежды (халат) как художественные концепты, наполняющие поле макроконцепта 'Человек'.

3.1. Ключевое слово Обломовка как средство репрезентации концепта

Топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры [Перфильева 2012: 416]. Мы рассматриваем авторский топоним, название имения Обломовка. Данное наименование в концептосфере романа И.А. Гончарова «Обломов» приобретает символическое значение «Семьи/Дома». По мнению Е.А. Кострубиной, это «атмосфера, морально-нравственные ценности, неповторимый уклад и образ жизни, которые передаются из поколения в поколение» [Кострубина 2010: 56–57].

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта топоним Обломовка.

Концепт 'Обломовка', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

І. Место:

1.1. Место, у которого есть имя:

Сосновка и Вавиловка были наследственной отчиной рода Обломовых и оттого известны были под общим именем **Обломовки** [Обломов 1953: 110].

1.2. Место, связанное с убеждениями семьи:

Сказка не над одними детьми в **Обломовке**, но и над взрослыми до конца жизни сохраняет свою власть. Все в доме и в деревне, начиная от барина, жены его и до дюжего кузнеца Тараса, — все трепещут чего-то в тёмный вечер: всякое дерево превращается тогда в великана, всякий куст — в вертеп разбойников. Стук ставни и завыванье ветра в трубе заставляли бледнеть и мужчин, и женщин, и детей. Никто в Крещенье не выйдет после десяти часов вечера один за ворота; всякий в ночь на Пасху побоится идти в конюшню, опасаясь застать там домового [Обломов 1953: 123–124]. Восприятие окружающего мира обломовцами как пространства, в котором обитают фантастические существа. В.М. Шаклеин подчёркивает, что «для русского языка как культурный источник важна сказка» [Шаклеин 1997: 104].

Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! Сколько тонких соображений, сколько занятий и забот в ухаживаньи за нею! Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами; гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтоб они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке! [Обломов 1953: 115]. Приготовление еды в Обломовке как языческий культ.

1.3. Место, связанное с различными состояниями, в которых находится человек:

Но и няня, несмотря на всю строгость наказов барыни и на свою

собственную волю, не могла противиться обаянию сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей в **Обломовке** повальной болезнью [Обломов 1953: 117]. Сон в Обломовке как болезнь, от которой невозможно избавиться.

Обломовка была в таком затишье, в стороне, а теперь ярмарка, большая дорога! [Обломов 1953: 173]. В Обломовке живут по своим законам, не связанным с жизнью второй половины XIX века.

Утешься, добрая мать: твой сын вырос на русской почве — не в будничной толпе, с бюргерскими коровыми рогами, с руками, ворочающими жернова. Вблизи была **Обломовка:** там вечный праздник! Там сбывают с плеч работу, как иго; там барин не встаёт с зарёй и не ходит по фабрикам около намазанных салом и маслом колёс и пружин [Обломов 1953: 162]. У обломовцев нет проблем. Они радуются всему, что происходит вокруг.

II. Родной дом:

Обаяние обломовской атмосферы, образа жизни и привычек простиралось и на Верхлёво; ведь оно тоже было некогда **Обломовкой**; там, кроме дома Штольца, всё дышало тою же первобытною ленью, простотою нравов, тишиною и неподвижностью [Обломов 1953: 125]. Картина традиционного уклада в имении: у обломовцев свои представления о семейной жизни.

Он уж видел себя за границей с ней, в Швейцарии на озёрах, в Италии, ходит в развалинах Рима, катается в гондоле, потом теряется в толпе Парижа, Лондона, потом... потом в своём земном раю — в **Обломовке** [Обломов 1953: 224]. Обломовка как воплощение рая на земле.

По временам он начинал веровать в постоянную безоблачность жизни, и снилась Обломовка. населённая добрыми, дружескими беззаботными сиденье террасе, раздумье лицами, на omполноты удовлетворённого счастья [Обломов 1953: 282]. Образ дома, который возник в сне Обломова.

В романе «Обломов» нами обнаружено 66 употреблений лексемы Обломовка, номинирующей соответствующий художественный концепт. По

нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантикокогнитивные признаки: 1. «Место, связанное с различными состояниями, в которых находится человек»; 2. «Родной дом».

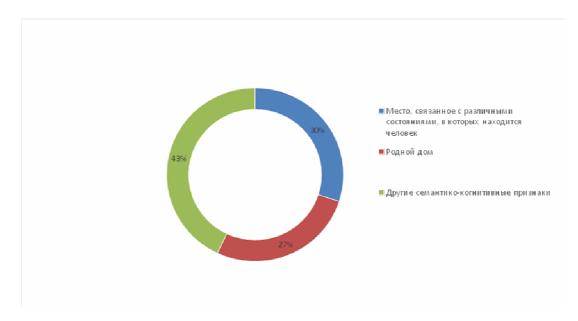

Рисунок 23 – Концепт 'Обломовка'

По нашим наблюдениям, в составе концепта 'Обломовка' встречаются близкие и противоположные значения, в которых отражаются следующие ситуации: 1. Статика / динамика жизни («состояние затишья», «место, в котором спят» / «главная жизненная забота»); 2. Обломовка как место Бога / идола на земле («место-земной рай» / «место, связанное с верой во всё чудесное»).

Как видим, семантико-когнитивные характеристики имеют и положительную, и отрицательную коннотации. С одной стороны, автор с любовью описывает традиционный уклад жизни семьи в имении. Но в то же время статичное состояние в доме мешает развитию Ильи Ильича Обломова, его дальнейшему росту.

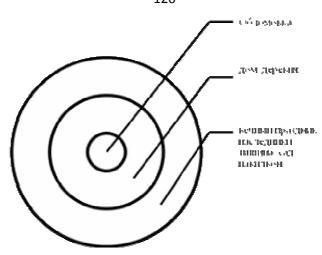

Рисунок 24 – Полевая структура концепта 'Обломовка'

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Обломовка' в одноимённом романе: ядро, центр, периферию. Ядро номинативного поля концепта 'Обломовка' представлено гиперсемой «Обломовка» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые являются наименованием жилища и его местонахождения (дом, деревня). К периферии относятся лексемы, связанные с наименованием жителей Обломовки (наследники), окружением имения (сад, павильон), домашней атмосферой (вечный праздник, тишина).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Обломовка' в романе «Обломов» показывает следующее: а) место, связанное с убеждениями семьи; б) является родным домом; в) зеркало различных состояний, в которых находится человек.

В структуре концепта 'Обломовка' есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей Обломовка у И.А. Гончарова – это:

<u>Родной дом</u>: наследственная отчина, забота о пище, обаяние обломовской атмосферы, образа жизни и привычек; простота нравов, рецепт пива, домоседы, умолот, жнитво, юношеские мечты, хозяйство, детство, главная жизненная забота.

<u>Место, связанное с различными состояниями, в которых находится человек:</u> тишина, неподвижность, затишье, безоблачность жизни, раздумье от полноты

удовлетворённого счастья.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа:

Зрительными образами:

А) Описание имения:

сиденье на террасе, блеск, солнечные лучи, зелёные холмы, серебряная речка, длинная аллея, беседка, маленький домик.

Б) Еда:

меды, квасы, пироги, телята, птица, индейки и цыплята, орехи, гуси, варения, соления, печения.

В) Фантастические существа:

оборотни, мертвецы.

Г) Описание внешности:

добрые, дружеские и беззаботные лица.

Звуковыми образами: шипенье продеваемой и треск откушенной нитки.

Ценностная составляющая определяется ключевой позицией в тексте и представлена:

Оценочной зоной:

А) Отдалённая:

Отдалённые Обломовки.

Б) Райская:

вечный праздник, земной рай, светлая Обломовка.

В) Спокойная:

всеобщая, торжественная тишина, невозмутимый покой.

Г) Старая:

старая Обломовка.

Д) Ленивая:

первобытная лень, повальная болезнь.

Е) Раздольная:

широкое раздолье барской жизни.

Таким образом, художественный концепт «Обломовка» в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романа И.А. Гончарова «Обломов» – место, связанное с патриархальным семейным укладом второй половины XIX века, воплощение состояния сна, в котором находятся герои.

3.2. Ключевое слово обрыв как средство реализации концепта

Семантика слова в заглавии теснейшим образом связана с композицией художественного произведения [Войлова 2014: 302]. Заглавие в сжатом виде представляет информацию, которая есть в пространстве целого текста.

Слово-имя концепта обрыв в одноимённом романе И.А. Гончарова употребляется в тексте много раз, используется читателем для интерпретации смысла всего произведения. Его символический смысл [Карасик 2013] отличается неисчерпаемостью, допускает множество толкований. Обрыв как образ-символ отражает двойственность русской языковой картины мира, в которой соединены древние славянские и христианские представления о жизни и мироустройстве в целом [Левушкина 2008: 106].

Эти признаки указывают на то, что изучаемый концепт можно рассматривать с точки зрения ключевого знака и сильной текстовой позиции. Следует отметить, что концепт «Обрыв» доминирует в концептуальной авторской системе, участвует в создании ярких образов героев романов. Его можно отнести к «<...> ассоциативной доминанте лексической макроструктуры текста» [Коммуникативная стилистика художественного текста 2001: 60].

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта, т.е. лингвоконцептом, является существительное обрыв. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема обрыв — член двух тематических групп: «Нарушение целостности предмета» и «Возвышенности, горы, склоны, наносы» [СЕМ: URL]. Во второй половине XIX века данная лексема имела следующее значение: «обваль, обрухь, круть, ярь, бокъ крутого оврага, стина берега, отмытый, осы'павшійся уступь» [ТСЖВЯ: URL]. В современном языковом

употреблении слово как имя концепта «Обрыв» актуально в значениях:

1. «Действие по глаголам оборвать – обрывать и оборваться – обрываться: дёрнуть, сильно натянуть, нарушить целость чего-либо; разорвать»; // «разделиться на части от натяжения, рывка и т.п.»; // «оторваться, отделиться от чего-либо»; 2. «Спец. Место, где оборвано»; 3. «Крутой откос, склон берега, оврага и т.п., возникший вследствие обвала, осыпания земли» [МАС: URL]. Сравним: 1. «Оторвать резким движением»; 2. «Место, где круто обрывается поверхность; крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли» [ТСРЯ: URL]. «Русский семантический словарь» даёт следующую характеристику лексемы обрыв: 1. «Место, где что-нибудь оборвано»; 2. «Крутой, отвесный склон по берегу реки, по краю горы, оврага» [СЕМ: URL]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова обрыв с потерей целостности какой-либо реалией.

Концепт «Обрыв», элемент структуры макроконцепта «Человек», реализуется через такие признаки, как:

I. Локатив:

Отец Райского велел даже в верхнем саду выкопать ров, который и составлял границу сада, недалеко от того места, где начинался обрыв [Обрыв 1953: 76]. Обрыв как точка, на которой заканчивается ровная поверхность и начинается пропасть (пространственная граница двух территорий).

Он прошёл окраины сада, полагая, что Веру нечего искать там, где обыкновенно бывают другие, а надо забираться в глушь, к обрыву, по скату берега, где она любила гулять [Обрыв 1953: 352]. Обрыв как территория, которая заросла растениями.

А здесь ни леса, ни моря, ни гор — ничего нет: были стены и упали, был **обрыв** и нет его. Я бросаю мост чрез него и иду, ноги у меня не трясутся... [Обрыв 1954: 404].

А между тем эта дичь леса манила его к себе, в таинственную темноту, к

обрыву, с которого вид был хорош на Волгу и оба её берега [Обрыв 1953: 76]. Обрыв как площадка, с которой можно увидеть окрестности.

Она подошла к роще, постояла над **обрывом,** глядя в тёмную бездну леса, лежащую у её ног, потом завернулась в мантилью и села на свою скамью [Обрыв 1954: 89]. Обрыв как бездна (не видно то, что находится внизу).

II. Точка отсчёта в жизни человека:

«Ну, как я напишу драму Веры, да не сумею обставить пропастями её падение, — думал он, — а русские девы примут ошибку за образец, пойдут скакать с обрывов!.. А обрывов много в русской земле! Что скажут маменьки и папеньки!» [Обрыв 1954: 421]. Обрыв как точка отсчёта для прыжка вниз.

Об этом обрыве осталось печальное предание в Малиновке и во всём околотке [Обрыв 1953: 75]. Обрыв как образ, вызывающий у человека грустные ассоциации.

Она вынесла из **обрыва** — одну казнь, одно неизлечимое терзание на всю жизнь: как могла она ослепнуть, не угадать тебя давно, увлечься, забыться! Торжествуй, она никогда не забудет тебя! [Обрыв 1954: 388]. Обрыв как плохое воспоминание, которое невозможно стереть из памяти.

Его гнал от **обрыва** ужас «падения» его сестры, его красавицы, подкошенного цветка, а ревность, бешенство, и более всего новая, неотразимая красота пробуждённой Веры влекли опять к **обрыву**, на торжество любви, на этот праздник, который, кажется, торжествовал весь мир, вся природа [Обрыв 1954: 277–278].

Вера, глядя на него, угадала, что он во второй раз скатился с своего обрыва счастливых надежд. Её сердце, женский инстинкт, дружба — всё бросилось на помощь бедному Тушину, и она не дала рухнуть окончательно всем его надеждам, удержав одну <...> — это безграничное доверие и уважение [Обрыв 1954: 378]. Обрыв как момент выбора человеком своего пути.

Была одна только неодолимая гора: Вера любила другого, надеялась быть счастлива с этим другим – вот где настоящий **обрыв**! [Обрыв 1954: 404].

Итак, нами обнаружено 148 употреблений лексемы *Обрыв*, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Локатив»; 2. «Точка отсчёта в жизни человека». Некоторые параметры понятийной составляющей концепта 'Обрыв' совпадают с лексикографически зафиксированным значением «Место, где круто обрывается поверхность; крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли».

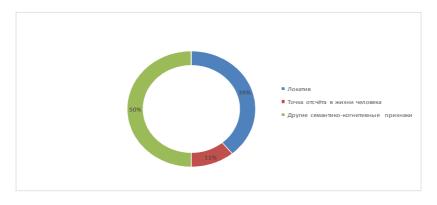

Рисунок 25 – Концепт 'Обрыв'

По нашим наблюдениям, в составе конкретной (компонент «Локатив») и абстрактной зоны (компонент «Точка отсчёта в жизни человека') встречаются близкие и противоположные по значению семантико-когнитивные признаки концепта «Обрыв», в которых отражаются следующие ситуации: 1. Движение вверх/вниз («место, на которое можно вскарабкаться»/ «место, с которого можно прыгнуть», «место как путь вниз»); 2. Наличие/отсутствие препятствия («место, через которое онжом перейти»/ «неодолимое препятствие»); Видимость/отсутствие видимости окрестностей («место, с которого открывается хороший вид на Волгу и окрестности»/ «место как пропасть»; «глухое место»); 4. Граница территорий («место как часть леса и сада», «место как граница»); 5. Мыслительная деятельность человека («место, связанное печальными воспоминаниями', 'точка отсчёта воспоминаний», «место, от которого мысленно перемещаешься»); 6. Нравственный выбор человека («точка нравственном выборе», «место как путь вниз»). Это свидетельствует о широком номинативном поле концепта [Попова 2007: 66] и подтверждает наше

предположение о его ключевом статусе в романе.

Как видим, семантико-когнитивные характеристики имеют, в основном, отрицательную коннотацию. Всё это свидетельствует о том, что концепт 'Обрыв' в пространстве исследуемого текста представляет собой мистическое место, которое становится воплощением греха, совершённого главной героиней Верой.

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Обрыв' в одноимённом романе: ядро, центр, периферию.

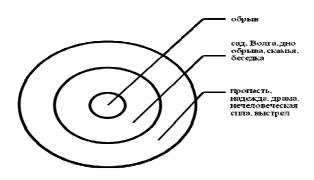

Рисунок 26 – Полевая структура концепта 'Обрыв'

Ядро номинативного поля концепта 'Обрыв' представлено гиперсемой 'обрыв ' с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые называют реалии окружающей действительности, т.е. Малиновку и её окрестности (сад, Волга, дно обрыва, скамья, беседка). К периферии относятся лексемы, отражающие внутреннее состояние героев (надежда, нечеловеческая сила) и указывающие на события, которые происходят в романе (драма, пропасть, выстрел).

Итак, мы рассмотрели полевую структуру, общие семантико-когнитивные признаки концепта «Обрыв» в одноимённом романе. В его структуре есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей обрыву И.А. Гончарова – это:

Локатив: край, уголок, глушь, дно обрыва.

<u>Точка отсчёта в жизни человека</u>: самоубийца, дрожь, дичь леса, беда, ложь, шаг, крест, отступления, ошибка, могила, бред, казнь, болезнь, грозы, переворот,

враг, «падение», новый бес, драма, горе, страсть, уступка, совет, надежда на взаимность, посторонние муки, узел, девическое неведение, молодость и неопытность, прыжки с обрыва, тайны, счастье, покорность судьбе, сомнения, тревоги, скачки с обрыва, красота, мучительница, молитвы, идеал, проклятия, факты, удар, любовник, сила, живая красавица, клятва, вопль собственной муки, новые вопросы, ответ, ожидание, сила воли и самообладания, отчаяние разлуки, любовное свидание, роман, сожаление, ревность, бешенство, торжество любви, праздник, мщение.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа:

Зрительными образами: берег, Волга, тенистый сад, чаща, пейзаж, картина, Малиновка, лес, гора, плетень, ельник, кусты шиповника, скат, крутая дорога, ров, река, песок, птичка, ящерица, букашка, роща, горбы и впадины оврага, поля, цветник, солнце, лучи, скамья, извилистая тропинка, беседка, старый дом, птица, аллея, часовня, луг, трава, тёмная бездна, пропасть, лодка, канава, глубокая темнота.

<u>Звуковыми образами</u>: выстрел, слово, шипящее эхо, стон, вой ветра, тяжёлое дыхание.

Тактильными образами: мягкая прохлада.

Ценностная составляющая определяется ключевой позицией в тексте и представлена:

Оценочной зоной:

А) Роковой:

роковая ошибка, злое иго, тёмная тюрьма, фальшивый шаг, опасная минута, жалкая самка.

Б) Мучительный:

напряжённое, томительное ожидание, нечеловеческие силы, страшная дремота, неизлечимое терзание, нечеловеческие муки, отчаянная борьба, решительное отчаяние, мучительный путь.

В) Таинственный:

Печальное предание, суеверный страх, таинственная темнота, таинственные прогулки.

Г) Хаотический:

хаотические ощущения страсти, неодолимая гора, новая, неотразимая красота, исступлённая благодарность.

Д) Ненарушимо-тихий:

ненарушимо-тихий торжественный покой счастья или удовлетворения, коротенький нежный ответ, неожиданное, тёплое ты.

Мифологической зоной: идол.

Таким образом, многомерность художественного концепта 'Обрыв' в составе макроконцепта 'Человек' определяется преимущественно отрицательными характеристиками. Это место, где герои находятся в состоянии выбора между грехом и праведной жизнью.

3.3. Ключевое слово халат как средство представления концепта

Концепт 'Одежда' относится к повседневной жизни социума, связан с его материальной культурой. Также «одежда имеет эстетическое, духовное значение, выражает внутренний мир человека» [Пророкова, Иванова 2009: 263].

"Халат" является составной частью концепта "Одежда" и наполняется «символическими признаками» [Хренова 2013: 2352] в концептосфере романа И.А. Гончарова «Обломов». Данное обозначение необходимо для характеристики главного героя. Халат — «дублет персонажа» [Садуллаева 2000: 47].

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта является имя существительное халат. Согласно «Русскому семантическому словарю» это слово входит в тематическую группу «Одежда» [СЕМ: URL]. Во второй половине XIX века лексема халат имела следующее значение: «комнатная, домашняя, широкая одежда восточнаго покроя» [ТСЖВЯ: URL]. В современном языковом употреблении данная лексема трактуется как:

1. «Верхняя одежда у некоторых азиатских народов, носимая без застёжек, с

запахивающимися полами». 2. «Одежда, обычно домашняя или производственная, запахивающаяся спереди или сзади» [MAC: URL]. В «Толковом словаре русского языка» второе и третье значения лексемы халат разграничивают домашнюю и рабочую сферы жизни человека: 1. «Длинная, до пят, и широкая верхняя одежда у некоторых народов Востока»; 2. «Одежда такого покроя, обычно домашняя, для больных и т.п.»; 3. «Широкая одежда такого покроя, надеваемая во время работы поверх обычного платья» [TCPЯ: URL]. «Русский семантический словарь» даёт похожее толкование лексемы, но здесь, в свою очередь, первое место занимает значение «домашняя одежда, запахивающаяся или застёгивающаяся сверху донизу» [CEM: URL]. В «Словаре швейных терминов» можно увидеть следующую формулировку: «комнатная домашняя одежда восточного покроя» [Словарь швейных терминов: URL]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова халат с повседневной жизнью человека. Эта номинация одежды содержит в себе этнокультурный компонент и заимствована из арабского языка (hilat) [БТС 2008: 1439].

Концепт 'Халат', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

I. Образ-символ:

На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него [Обломов 1953: 8]. Халат как символ самобытной России, расположенной между Европой и Азией.

II. Вещь:

2.1. Вещь, которая представляет для человека определённую ценность:

Халат имел в глазах Обломова тьму неоценённых достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела [Обломов 1953: 8]. Халат — основная вещь в гардеробе Обломова.

2.2. Старая вещь:

Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретённым, но всё ещё сохранял яркость восточной краски и прочность ткани [Обломов 1953: 8]. Халат как вещь, которую ещё можно носить.

Халат на Обломове истаскался, и как ни заботливо зашивались дыры на нём, но он расползается везде и не по швам: давно бы надо новый [Обломов 1953: 436]. Халат очень старый, пришёл в негодность.

2.3. Вещь, которая надоела человеку:

Идти вперёд — это значит вдруг сбросить широкий **халат** не только с плеч, но и с души, с ума; вместе с пылью и паутиной со стен смести паутину с глаз и прозреть! [Обломов 1953: 193]. Халат как символ застоя, который не даёт Обломову двигаться дальше.

И халат показался ему противен, и Захар глуп и невыносим, и пыль с паутиной нестерпима [Обломов 1953: 198]. Халат для Обломова стал орудием пытки: одеждой, которую невозможно надевать.

В романе «Обломов» нами обнаружено 28 употреблений лексемы халат, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки:1. «Вещь, которая представляет для человека определённую ценность»; 2. «Старая вещь»; 3. «Вещь, которая надоела человеку».

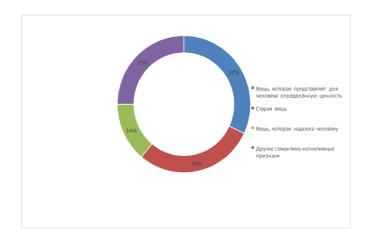

Рисунок 27 – Концепт 'Халат'

Некоторые параметры понятийной составляющей концепта 'Халат' совпадают с лексикографически зафиксированным во второй половине XIX века значением «комнатная, домашняя, широкая одежда восточнаго покроя» [ТСЖВЯ: URL].

По нашим наблюдениям, в составе концепта 'Халат' встречаются близкие и противоположные значения, в которых отражаются следующие ситуации:

- 1. Вещь, которую любят / ненавидят («вещь, которая дороже всего для человека»; «вещь, которую любят» / «вещь, которая невыносима для человека»).
- 2. Необходимая / бесполезная вещь («вещь с тьмой неоценённых достоинств» / «вещь, без которой можно пожить»).

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Халат' в романе «Обломов»: ядро, центр, периферию.

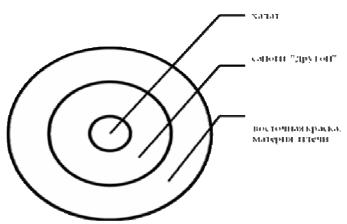

Рисунок 28 – Полевая структура концепта 'Халат'

Ядро номинативного поля концепта 'Халат' представлено гиперсемой «халат» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые являются наименованиями обуви (сапоги). Лексема «другой» приобретает в тексте символическое значение как люди, которые находятся за пределами мира, созданного Ильёй Ильичом Обломовым. К периферии относятся лексемы, связанные с характеристикой материала, из которого сшит халат (восточная

краска, материя), указанием на субъект, который носит эту вещь (плечи).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Халат' в романе «Обломов» показывает следующее: а) образ-символ России;

б) вещь, которая может быть старой, ненужной / имеет определённую ценность для человека. В структуре данного концепта есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей у И.А. Гончарова – это:

Вещь, которая представляет для человека определённую ценность: тьма неоценённых достоинств, самомалейшее движение тела; с любовью, вещь, прочность ткани, персидская материя.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа:

<u>Зрительными образами</u>: восточный халат, без кистей, бархата, талии; яркость восточной краски, послушный раб, широкие полы, широкий халат, пятно, дыры, швы.

Ценностная составляющая определяется ключевой позицией в тексте и представлена:

Оценочной зоной:

А) Поместительный:

без малейшего намёка на Европу, поместительный.

Б) Естественный:

первоначальная свежесть, первобытный, естественный, благоприобретённый лоск.

В) Старый:

старый халат.

Г) Великолепный:

славная материя, неутомимое прилежание, великолепный Илья Ильич.

Таким образом, художественный концепт 'Халат' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романа И.А. Гончарова «Обломов» имеет многомерную структуру, характеризуется как положительными, так и

отрицательными чертами. С одной стороны, данный концепт отражает самобытность России, а с другой – находится на стыке традиций и новых реалий.

3.4. Ключевое слово диван как средство реализации концепта

Элементом Дома является интерьер. В романе И.А. Гончарова «Обломов» интерьер используется для создания предметного мира, который окружает героев.

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта является имя существительное В концептосфере романа диван. данное интерьерное обозначение необходимо автору для характеристики Обломова. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема диван входит в тематическую группу «Мебель и сопутствующие ей предметы» [CEM: URL]. Во второй половине XIX века данная лексема имела следующее значение: «канапе, софа, скамья или лавка съ прислономъ, обычно оби'тая чимъ-либо» [ТСЖВЯ: URL]. В современном языковом употреблении трактуется как: 1. «Род мебели большого размера, обычно мягкой, для сидения и лежания (от перс. đivān-возвышенный пол, покрытый ковром)» [MAC: URL]. 2. «Род мягкой мебели для сидения и с длинной спинкой и ручками» [ТСРЯ: URL]. В «Русском лежания, семантическом словаре» даётся описание составных частей дивана: 1. «Предмет мебели с длинным, на несколько человек сиденьем, со спинкой, ручками и валиком» [CEM: URL]. В «Словаре мебельных терминов» можно увидеть «комфортабельное сидение формулировку: локотниками или без них для сидения двух и более человек» [Словарь мебельных терминов: URL]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова диван с разновидностью мебели, которая служит в доме для отдыха человека.

Концепт 'Диван', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

I. Мебель:

1.1. Испорченная мебель:

Утончённый вкус не удовольствовался бы этими тяжёлыми, неграциозными стульями красного дерева, шаткими этажерками. Задок у одного дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами отстало [Обломов 1953: 9]. Обломов не следит за состоянием дивана в своём доме.

1.2. Мебель по степени комфорта:

Снится ещё Илье Ильичу большая тёмная гостиная в родительском доме, с ясеневыми старинными креслами, вечно покрытыми чехлами, с огромным, неуклюжим и жёстким диваном, обитым полинялым голубым барканом в пятнах, и одним большим кожаным креслом [Обломов 1953: 130]. Мебель, на которой человек чувствует себя неуютно.

У него, знаешь, как-то правильно, уютно в доме. Комнаты маленькие, **диваны** такие глубокие: уйдёшь с головой, и не видать человека. Окна совсем закрыты плющами да кактусами, канареек больше дюжины, три собаки, такие добрые! [Обломов 1953: 177–178]. Диван, на котором можно расслабиться.

1.3. Мебель по выполняемой функции:

Как там отец его, дед, дети, внучата и гости сидели или лежали в ленивом покое, зная, что есть в доме вечно ходящее около них и промышляющее око и непокладные руки, которые обошьют их, накормят, напоят, оденут и обуют и спать положат, а при смерти закроют им глаза, так и тут Обломов, сидя и не трогаясь с дивана, видел, что движется что-то живое и проворное в его пользу и что не взойдёт завтра солнце, застелют небо вихри, понесётся бурный ветр из концов в концы вселенной, а суп и жаркое явятся у него на столе, а бельё его будет чисто и свежо, а паутина снята со стены, и он не узнает, как это сделается, не даст себе труда подумать, чего ему хочется, а оно будет угадано и принесено ему под нос, не с ленью, не с грубостью, не грязными руками Захара,

а с бодрым и кротким взглядом, с улыбкой глубокой преданности, чистыми, белыми руками и с голыми локтями [Обломов 1953: 394]. Диван — место, на котором Обломов проводит свою жизнь.

Он опять чуть не прыгал на **диване** от волнения: то прослезится, то засмеётся [Обломов 1953: 394]. Диван как место, на котором Обломов испытывает сильные эмоции.

В романе «Обломов» нами обнаружено 61 употребление лексемы диван, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Мебель по выполняемой функции»; 2. «Мебель по степени комфорта».

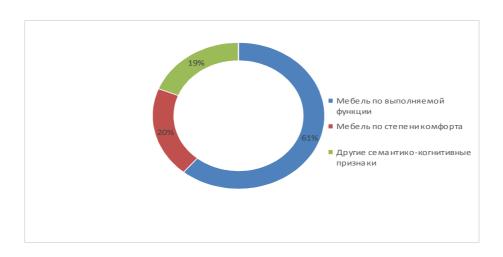

Рисунок 29 – Концепт 'Диван'

Некоторые параметры понятийной составляющей концепта 'Диван' совпадают с лексикографически зафиксированными значениями: «Предмет мебели с длинным, на несколько человек сиденьем, со спинкой, ручками и валиком» [CEM: URL]; «Комфортабельное сидение со спинкой, с локотниками или без них для сидения двух и более человек» [Словарь мебельных терминов: URL].

По нашим наблюдениям, в составе концепта 'Диван' встречаются противоположные значения, в которых отражаются следующие ситуации:

1. Мебель по степени комфорта / отсутствия комфорта («глубокая мебель» / «неуклюжая и жёсткая мебель»). 2. Состояние статики /динамики «мебель,

которая связана со статичным состоянием человека» / «мебель, на которой можно прыгать»).

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Диван' в романе «Обломов»: ядро, центр, периферию.

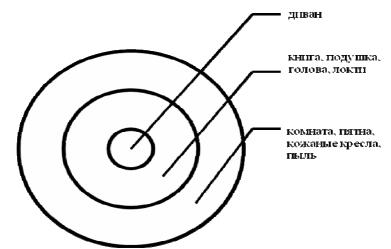

Рисунок 30 – Полевая структура концепта 'Диван'

Ядро номинативного поля концепта 'Диван' представлено гиперсемой «диван» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые являются наименованиями частей тела (голова, локти), постельных принадлежностей (подушка), печатных изданий (книга). К периферии относятся лексемы, связанные с названиями частей квартиры (комната), мебели (кожаные кресла), указывающие на домашнюю обстановку в квартире главного героя (пыль, пятна).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта 'Диван' в романе «Обломов» показывает следующее: это вид мебели, который можно охарактеризовать по выполняемым функциям и степени комфорта для человека. В его структуре есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей у

И.А. Гончарова – это:

Мебель по выполняемой функции: простор чувствам, воображению;

волнение, трепет счастья, подавленные слёзы восторга, счастье, известия.

<u>Мебель по степени комфорта</u>: утренний разговор, дневной отдых и дремота, кофе, чай, дача.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа:

Зрительными образами:

А) Описание дивана:

наклеенное дерево, спинка дивана, чехлы, огромный, неуклюжий и жёсткий диван, полинялый голубой баркан, широкий диван, глубокий диван.

Б) Вещи, которые находятся на диване:

забытое полотенце, тарелка с солонкой, обглоданная косточка, хлебные крошки, ладонь, книга, туфли, пятна, детский чулок, спица, панталоны, платья, бумаги, карандаши, ножичек, измятая постель, подушки, салфетка, богатая шаль, шитая подушка, косынка, игла, нитка, кофейник, сигара, халат, попона, чулок, суп и жаркое, бельё, поднос.

Ценностная составляющая определяется ключевой позицией в тексте и представлена:

Оценочной зоной:

А) Домашний:

домашняя, мирная жизнь, скромный кров.

Б) Успокоительный:

Чувство мирной радости, ленивая беседа, успокоительное чувство, ленивый покой, глубокое умиление.

В) Вселяющий чувство раздумья:

тяжёлая работа, общее благо, непокладные руки, промышляющее око.

Таким образом, художественный концепт 'Диван' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романа И.А. Гончарова «Обломов» имеет многомерную структуру, характеризуется, в основном, положительными чертами. Это свидетельствует о том, что данный концепт характеризует такую домашнюю среду, в которой главный герой Илья Ильич Обломов комфортно себя чувствует.

3.5. Ключевое слово книга как средство репрезентации концепта

Книга — «материально-идеальная сущность, представляющая единство переплетённых листов бумаги и информации, текста, напечатанных на ней» [Киреева 2009: 312]. В концептосфере романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» данное обозначение необходимо для характеристики главных героев.

Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема книга входит в тематическую группу «Печатные издания» [CEM: URL]. Во второй половине XIX века данная лексема имела следующее значение: «сшитые въ одинъ переплётъ листы бумаги, или пергамента; || писаніе, всё что въ книги содержится; || раздилъ, отдилъ въ обширномъ письменномъ сочиненіи» [ТСЖВЯ: URL].

современном языковом употреблении данная лексема трактуется следующим образом: 1. «Произведение печати в виде сброшюрованных, переплетённых вместе листов с каким-либо текстом. // Сочинение, произведение более или менее значительного объёма, напечатанное отдельным изданием или предназначенное для него». 2. «Сшитые в один переплёт листы бумаги для какихлибо записей» [БТС 2008: 435]. В «Толковом словаре русского языка» немного расширяется первое значение лексемы: 1. «Печатное произведение (в старое время рукопись) в форме сброшюрованных или переплетённых листов с какимлибо текстом, иногда и рисунками» [TCPЯ: URL]. «Словарь русского языка» даёт следующую трактовку: 1. «Крупное подразделение литературного произведения (обычно романа)» [MAC: URL]. В «Русском семантическом словаре» к уже рассмотренным значениям добавляется ещё одно: 1. «В составе некоторых названий: крупное сочинение, свод каких-нибудь текстов» [CEM: URL]. «Словарь полиграфических терминов» даёт такое определение: «Книга – один из основных видов полиграфической продукции, в виде сброшюрованных бумажных тетрадей В отпечатанной В них текстовой, графической, листов или иллюстрационной информацией, объёмом более 48 страниц в твёрдом переплёте» [Словарь полиграфических терминов: URL]. Таким образом, лексикографические

источники связывают семантику слова книга с двумя аспектами: 1. «Продукт, созданный руками человека»; 2. «Информация (текстовая, графическая), которую получает человек».

Концепт 'Книга', элемент структуры макроконцепта 'Человек', реализуется через такие признаки, как:

I. Предмет:

1.1. Предмет, который связан с мыслительной деятельностью человека:

Зато, если задето его самолюбие, затронуты нервы, тогда он одним взглядом в книгу как будто снимет фотографию с урока, запомнит столбцы цифр, отгадает задачу — и вдруг блеснёт, как фейерверк, и изумит весь класс, иногда и учителя [Обрыв 1953: 52]. Процесс запоминания информации из книги Б.П. Райским.

1.2. Предмет, связанный с образом жизни человека:

То писал он стихи и читал громко, упиваясь музыкой их, то рисовал опять берег и плавал в трепете, в неге: чего-то ждал впереди — не знал чего, но вздрагивал страстно, как будто предчувствуя какие-то исполинские, роскошные наслаждения, видя тот мир, где всё слышатся звуки, где всё носятся картины, где плещет, играет, бъётся другая, заманчивая жизнь, как в тех книгах, а не та, которая окружает его [Обрыв 1953: 80–81]. Книга как способ Б.П. Райского уйти в другую, вымышленную реальность.

Татьяна Марковна разделяла со многими другими веру в печатное слово вообще, когда это слово было назидательно, а на этот раз, в столь близком её сердцу деле, она поддалась и некоторой суеверной надежде на книгу, как на какую-нибудь ладонку или нашёптыванье [Обрыв 1954: 117–118]. Книга как предмет культа для Т.М. Бережковой.

Охлаждение овладевало им ещё быстрее, нежели увлечение: он уже никогда не возвращался к покинутой книге [Обломов 1953: 63]. Обломов не может увлечься книгами, ему трудно изучать новую информацию.

Татьяна Марковна не совсем была внимательна к богатой библиотеке, доставшейся Райскому, **книги** продолжали изводиться в пыли и в прахе старого

дома. Из них Марфенька брала изредка кое-какие книги, без всякого выбора: как, например, Свифта, Павла и Виргинию, или возьмет Шатобриана, потом Расина, потом роман мадам Жанлис, и книги берегла, если не больше, то наравне с своими цветами и птицами [Обрыв 1953: 196–197]. Книги в имении Т.М. Бережковой не ценятся.

1.3. Предмет по степени новизны:

Взявши девизы своих добродетелей из книги старого учения, оно обольстилось буквою их, не вникнув в дух и глубину, и требовало исполнения этой «буквы» с такою злобой и нетерпимостью, против которой остерегало старое учение. Оставив себе одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вместо отринутого старого, никакого другого, лучшего идеала жизни [Обрыв 1954: 316]. Книга как символ вековой мудрости.

1.4. Предмет по выполняемой функции:

Да, в самом деле крепче: прежде не торопились объяснять ребёнку значения жизни и приготовлять его к ней, как к чему-то мудрёному и нешуточному; не томили его над книгами, которые рождают в голове тьму вопросов, а вопросы гложут ум и сердце и сокращают жизнь [Обломов 1953: 126]. Книга воспринимается жителями Обломовки как та информация, которую вредно читать ребёнку.

Потом уж он не осиливал и первого тома, а большую часть свободного времени проводил, положив локоть на стол, а на локоть голову; иногда вместо локтя употреблял ту **книгу**, которую Штольц навязывал ему прочесть [Обломов 1953: 65]. Книга как точка опоры для Обломова.

В романе «Обломов» нами обнаружено 97 употреблений лексемы *книга*, номинирующей соответствующий художественный концепт.

По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантикокогнитивные признаки: 1. «Предмет, связанный с образом жизни человека»; 2. «Предмет по выполняемой функции».

Рисунок 31 – Концепт 'Книга' в романе «Обломов»

В романе «Обрыв» нами обнаружено 190 употреблений лексемы книга, номинирующей соответствующий художественный концепт. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. «Предмет по выполняемой функции»; 2. «Предмет, связанный с образом жизни человека».

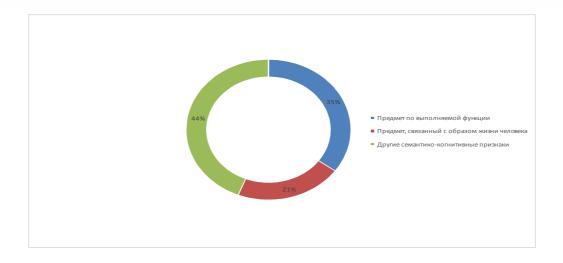

Рисунок 32 – Концепт 'Книга' в романе «Обрыв»

Рассмотрим полевую структуру концепта 'Книга' в романах «Обломов» и «Обрыв»: ядро, центр, периферию.

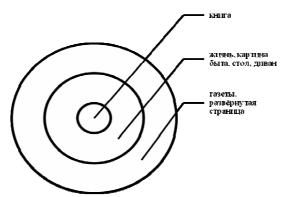

Рисунок 33 – Полевая структура концепта 'Книга' в романе «Обломов»

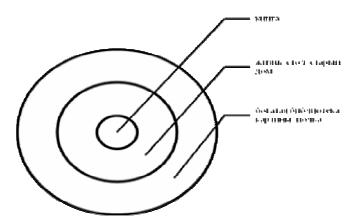

Рисунок 34 – Полевая структура концепта 'Книга' в романе «Обрыв»

Ядро номинативного поля концепта 'Книга' в романе «Обломов» представлено гиперсемой «книга» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые являются наименованиями бытийных состояний человека (жизнь), домашней обстановки (стол, диван, картина быта). К периферии относятся лексемы, связанные с наименованиями печатных изданий и их составляющих (газеты, развёрнутая страница).

Ядро номинативного поля концепта 'Книга' в романе «Обрыв» представлено гиперсемой «книга» с обобщённым значением. Центр занимают лексемы, которые

являются наименованиями бытийных состояний человека (жизнь), домашней обстановки (старый дом, стол). К периферии относятся лексемы, связанные с интерьером (богатая библиотека, картины, полки).

По нашим наблюдениям, в составе концепта «Книга» встречаются близкие и противоположные значения, в которых отражаются следующие ситуации: 1. Наличие / отсутствие интереса к книге («предмет, в котором бъётся заманчивая жизнь»; «предмет, в который можно верить» / «предмет, который бросают'; 'предмет, который изводится»). 2. Книга как предмет учения («предмет, который удаётся одолеть» / «предмет, над которым не томят»). 3. Книга по степени доступности информации («предмет, в который можно заглянуть'; 'предмет, который можно прочитать»).

Анализ семантико-когнитивных признаков и полевой структуры концепта «Книга» в двух романах показывает следующее: предмет, связанный с образом жизни человека, его мыслительной деятельностью, который можно охарактеризовать по выполняемой функции и степени новизны. В его структуре есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей у И.А. Гончарова – это:

<u>Предмет по выполняемой функции:</u> ответ, педантизм, пошлость, разговор, заветное место, известная страница книги, новые открытия в наружности или характере, сюрприз, случай, цель, просьба, гимназия, благодарность, подарок, история о книгах, литература, слушатели, класс, любопытство, увлечение, влияние, автор, мысли, впечатления, блага, старые авторитеты, очная ставка, правда, «руководитель мысли», желание, тайны, удивление, вопрос, круг людей, объяснение, рассказ, путь, прямая, начертанная колея; пословица, роскошь, развлечение, чтение, печатная мораль, книжная лавка, библиотека, нашёптыванье, лучшее достояние.

<u>Предмет, связанный с образом жизни человека:</u> пыль, вещицы, позыв, идея о предмете, охлаждение, любовь, служба, соперница, опухоль у сердца, лень, жизнь, труд, ночь, горечь, план, деятельность, досуги, досада, тоска, книга жизни, огонь жадности, счастливый час, памятная минута мелочей, эстетическое чувство,

недремлющая мысль, красота человеческого дела, русская жизнь, содержание, затворничество, строгости, взыскания, сиденье и томленье над уроками, запрет бегать, шалить, веселиться; ужас, свободное время, неотвязчивая дума «о двух несчастиях», университетская аудитория, переводы, канцелярия, истины, учитель, учёные, цифры, гипотезы, теории и системы, детство, нерв, следствие, уроки, диссертации, учёность, ученики, вера в печатное слово, библиотека, скука, новое дело, труд, горе, ученики, букинисты.

Образная составляющая представлена в художественном пространстве романов:

Зрительными образами:

А) Описание книги:

развёрнутые книги, страницы; переплёт, пожелтевшая от времени книга, океан книг, бесцветная таблица, листы, фестоны, учебные книги, фотография с урока, старые, запылённые, заплесневелые книги; разбросанные книги, столбцы цифр.

Б) Предметы, которые окружают книгу:

полка, стол, скамья, этажерка, газета, бюро, чернильница с перьями, перо, испуганная муха, паутина, образа, картины, шкафы, диван, сигара, халат, записка, цветы, старый фарфор, камни, монеты, разновековая мебель, яркая, широкая картина, «старый немецкий парик», костяной ножик, шитая подушка, тетрадки, пропасть бумаги, чернил, свеча, чемодан, спинка дивана, чубуки, склянки, изящная мебель, ваза, счёты, ладанка, сундук, хлам, рабочий ящик, ключи, листик, трубочка, шотландский плед, старые, разбросанные по столу бумаги, хрусталь, зеркало.

Ценностная составляющая определяется ключевой позицией в тексте и представлена:

Оценочной зоной:

А) Нравоучительная:

нравоучительная книга, строгий скучный порядок, неимоверное терпение, смелый проповедник, глубокое молчание.

Б) Замечательная:

замечательное произведение, новые или замечательные лица, тёплая жизнь, вечная красота природы, прошлая или идеальная жизнь, таинственное покрывало, тихая жизнь, живые симпатии и скорби, душевный мир, добрый приятель, существенная потребность.

в) Глупая:

Ленивая зевота до слёз, покинутая книга, покорная усмешка, ленивая и покойная дремота, суеверная надежда на книгу, глупая книга.

г) Гадкая:

Злая и холодная болтовня, мучительная дума, пошлое средство, печальный конец, гадкая книга, скверная привычка.

Религиозной зоной: священник, семинарист.

<u>Географической зоной</u>: Нева, Рыбинская пристань, Восток, Петербург, Дюссельдорф, Рейн, Волга.

Научной зоной: двойные звёзды, Гершель.

<u>Исторической зоной</u>: Рим, Спарта, Плутарх, Клеопатра, Постумия, Корнелия. <u>Мифологической зоной</u>: Лавиния.

<u>Литературной зоной</u>: Телемак, Илиада, Котен, Свифт, Павл, Виргиния, Шатобриан, Расин, мадам Жанлис, Малек-Адель, Елена, Эджеворт, Маколей, «Метоires» Гизо, Карамзин, Пушкин.

Философской зоной: Спиноза.

Таким образом, художественный концепт 'Книга' в составе макроконцепта 'Человек' в концептосфере романов И.А. Гончарова имеет многомерную структуру, характеризуется как положительными, так и отрицательными чертами. Это свидетельствует о том, что главные герои по-разному воспринимают книгу. Вера и Райский видят в ней источник мудрости, пытаются найти ответы на сложные жизненные вопросы. Для Обломова книга — преграда, которую сложно одолеть. Чтобы её прочитать, нужно приложить огромные усилия.

Результаты анализа концептов пространственной ('Обломовка', 'Обрыв') и предметной сферы ('Халат', 'Диван', 'Книга') в Главе 3 позволяют нам прийти к следующим выводам:

1. В романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» данные концепты тесно связаны с жизнью героев.

Таблица 2 – Концепты группы «Человек и окружающий мир»

Концепты	'Обломовка'	'Обрыв'	'Халат'	'Диван'	'Книга'
Почтом					
Признаки					
Место, связанное с	+	+			
различными					
состояниями					
человека					
Образ-символ	+	+	+	+	+
Вещь по				+	+
выполняемой					
функции					
(представляет					
ценность для					
человека)					
Вещь по степени			+		+
новизны			1		'
Вещь / место,	+		+	+	+
связанная(ое) с					
образом жизни					
человека					
(убеждения,					
мыслительная					
деятельность)					

- 2. На основании таблицы 2 можно говорить о том, что 'Обломовка' и 'Обрыв' места, связанные с различными состояниями человека, ситуацией выбора жизненного пути (точка отсчёта).
- 3. Концепты 'Халат', 'Диван', 'Книга' предметы, которые имеют отношение к

образу жизни человека, его убеждениям, мыслительной деятельности. Данные реалии оцениваются с точки зрения степени их новизны, выполняемой функции.

4. Все вышеуказанные концепты являются образами-символами в концептосфере романов «Обломов» и «Обрыв».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторский угол зрения (взгляд, отношение) объединяет произведение в единое целое и в то же время объясняет место, роль и функцию каждого элемента в нём. Православное мировоззрение писателя — основа для изучения авторской концептосферы в романах «Обломов» и «Обрыв». Кроме того, это одна из доминант идиостиля И.А. Гончарова. Герои романов «Обломов» и «Обрыв» — яркие человеческие индивидуальности и представители своей эпохи. Романы И.А. Гончарова «многослойны», в них вырабатывается определённая соотнесённость голоса автора (повествователя) и голосов персонажей.

Русский человек второй половины XIX века обладает богатым внутренним миром, ярко выражает свои эмоции и воплощает в себе нравственные ценности.

Творчество И.А. Гончарова тесно связано с православием. В романах писателя человек находится в точке отсчёта собственной жизни: совершить грех или быть высшим творением Бога на земле.

В художественном произведении наибольший интерес представляют индивидуальные способности творческой языковой личности (автора, писателя). Она начинается на лингвокогнитивном (идиотезаурусе) уровне, потому что здесь оказывается возможным индивидуальный выбор, предпочтение одного понятия другому.

О концептуализации можно судить только тогда, когда лексические единицы ориентированы на определённый объект мира, денотативно связаны с ним. Концепт является продуктом когнитивного сознания, а значение лексемы – языкового сознания. Лексическая система является знаковой стороной, планом выражения концепта. В его структуре лексемы реализуют различные смыслы. Анализ и описание семантики языковых средств в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» помогает сформировать номинативное поле концептов, входящих в макроконцепт 'Человек'.

Индивидуальная языковая картина писателя тесно связана с национальной языковой картиной мира народа, является одним из важнейших компонентов

русской культуры. Взаимодействие этих двух картин в романах «Обломов» и «Обрыв» определяет особенности семантического наполнения лексем, номинантов концептов. Макроструктура «Человек», образуемая совокупностью концептов, является обобщённым портретом мужчины/женщины второй половины XIX века.

Данные произведения представляют собой открытые системы, насыщенные ценностными ассоциациями. Они направлены на сверхчувственный опыт читателей, представляют собой единство определённого мыслительного содержания (означаемое) и план выражения (означающее). Обе стороны взаимообусловлены и предполагают друг друга.

Макроконцепт 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» – это сложное образование (конструкт и т.п.), которое является важнейшим элементом художественной картины мира писателя, включает в себя универсальные (концепты группы «Человек самобытный», эмоциональные) и концепты группы «Человек и окружающий мир».

Целостное восприятие данных произведений строится, с одной стороны, на комплексном подходе к рассмотрению концептов 'Женщина', 'Душа', 'Любовь', 'Счастье', 'Радость', отражающих внутренний мир героев, их самобытность, а с другой, — акцент делается на авторские концепты ('Обломов', 'Обломовка', 'Халат', 'Диван', 'Книга', 'Обрыв'), которые ещё подробно не рассматривались. Все исследованные нами концепты формируют уникальные ассоциативные связи, участвующие в создании ярких образов в романах «Обломов» и «Обрыв».

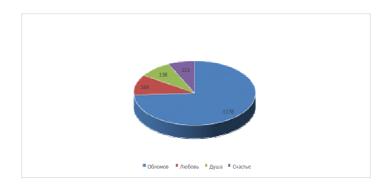

Рисунок 35 – Структура макроконцепта 'Человек' в романе «Обломов»

Макроконцепт 'Человек' в романе И.А. Гончарова «Обломов» включает в себя концепты, реализованные ключевыми лексемами Обломов, любовь, душа, счастье. Ядро данного макроконцепта представляет доминирующий концепт 'Обломов'. К ближней периферии можно отнести концепты 'Любовь', 'Душа', 'Счастье'. Вышеуказанные концепты ниболее близки автору, т.к. действие в романе сконцентрировано на главном герое Илье Ильиче Обломове, его жизненном пути, душевном состоянии. Следует отметить, что в данной диаграмме представлена только ядро и ближняя периферия макроконцепта 'Человек'. К дальней периферии относятся концепты 'Женщина' (109 контекстов), 'Книга' (97 контекстов), 'Обломовка' (66 контекстов), 'Диван' (61 контекст), 'Радость' (49 контекстов), 'Халат' (28 контекстов).

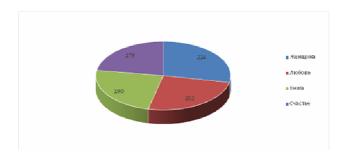

Рисунок 36 – Структура макроконцепта 'Человек' в романе «Обрыв»

Макроконцепт 'Человек' в романе И.А. Гончарова «Обрыв» включает составляющие концепты, реализованные ключевыми лексемами женщина, любовь, книга, счастье. Ядро данного макроконцепта представляет доминирующий концепт 'Женщина'. К ближней периферии можно отнести концепты 'Любовь', 'Книга', 'Счастье'.

Вышеуказанные концепты наиболее близки автору, т.к. в романе проводится психологический анализ взаимоотношений между мужчиной и женщиной (Вера – Марк Волохов, Вера – Б.П. Райский), внутренней жизни творческого человека (Б.П. Райский). К дальней периферии относятся концепты 'Обрыв' (148 контекстов), 'Душа' (96 контекстов), 'Радость' (61 контекст).

На основании таблицы 1 эмоциональных концептов и концептов группы «Человек самобытный» можно говорить о том, что в романах И.А. Гончарова

«Обломов» и "Обрыв" созданы яркие образы мужчины и женщины, которые:

- а) совмещают в себе положительные (идеал) и отрицательные черты (страсти);
- б) могут быть в состоянии сна или движения; в) обладают богатым внутренним миром.

Концепты 'Любовь', 'Радость' и 'Счастье' существуют в пространстве 'Души' как субъекты и объекты внутреннего состояния человека.

Концепты 'Обломовка' и 'Обрыв' – места, связанные с различными состояниями человека, ситуацией выбора жизненного пути (точка отсчёта).

Концепты 'Халат', 'Диван', 'Книга' – предметы, которые имеют отношение к образу жизни человека, его убеждениям, мыслительной деятельности. Данные реалии оцениваются с точки зрения степени их новизны, выполняемой функции.

Все вышеуказанные концепты являются образами-символами в концептосфере романов «Обломов» и «Обрыв».

Проведённый анализ показал, что в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» эмоциональные концепты 'Любовь' и 'Счастье' относятся к ближней периферии макроконцепта 'Человек'.

Перспективой нашего исследования является подробное изучение других значимых концептов в творчестве И.А. Гончарова, которые входят в состав макроструктуры 'Человек': 'Обломовщина', 'Провинция', 'Материнская сфера', 'Красота', 'Мир чужих/своих', 'Джентльменство', мужской и женской антропонимики как средства концептуализации. Также считаем важным провести анализ концептов, тесно связанных с православным мировоззрением автора ('Вера', 'Бог', 'Грех', 'Искупление').

Излишняя обобщённость наименований групп концептов поле макроконцепта 'Человек' дальнейших оправдывается перспективами лингвистических исследований творчества И.А. Гончарова: обобщённые номинации групп позволяют включать в эти группы те лексемы, которые номинируют те или иные концепты данного поля. В свою очередь предложенная нами схема макроконцепта 'Человек' не является замкнутой: она может быть

расширена и разветвлена за счет включения в неё других групп концептов, которые возможно выделить (к примеру, группа концептов «Физическая и физиологическая характеристика человека» или «Социальный статус человека»). Каждый из концептов или групп концептов может стать отдельной темой исследования, как в рамках всего творчества И.А. Гончарова, так и в рамках анализа разных художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- 1. Гончаров, И. А. Собрание сочинений: В 8 т.— М.: ГИХЛ, 1952—1955. 4 т. Обломов: Роман в четырёх частях / Подгот. текста и примеч. А. К. Котова. 1953. 520 с.
- 2. Гончаров, И. А. Собрание сочинений: В 8 т.-М.: ГИХЛ, 1952–1955. 5 т. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. І–ІІ]. / Подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. 1953. 368 с.
- 3. Гончаров, И. А. Собрание сочинений: В 8 т.- М.: ГИХЛ, 1952-1955. 6 т. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. III–V]. / Подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. 1954. 456 с.
- 4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru//

Литература

- 1. Авдышева, Е.Г. Концепт «Душа» как вербально-деривационное единство: культурно-аксиологический аспект: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Авдышева Елена Георгиевна.— Майкоп, 2013. 18 с.
- 2. Адян, В.С. Застарелое младенчество: (к вопросу о гончаровском понимании природы обломовщины) // Гончаров И.А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / Ред.: Н.Б. Шарыгина. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 86—94.
- 3. Айхенвальд, Ю.И. Гончаров // Ю. Айхенвальд Силуэты русских писателей; [Предисл. В. Крейда]. М.: Республика, 1994. С. 207–216 (ПН Прошлое и настоящее).
 - 4. Акатова, А.А. Лексико-семиотическое пространство идиолекта / А.А.

- Акатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. II. 2015. № 5 (47). С. 1315.
- 5. Александрович, Н.В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Александрович Наталья Владимировна. Волгоград, 2010. 21 с.
- 6. Алексеев, П.П. Нравственный потенциал произведений И.А. Гончарова / П.П. Алексеев. Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор», 2012. 96 с.
- 7. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая перспектива художественного текста: монография / Н. Ф. Алефиренко, И. А. Ярощук; Федеральное гос. авт. образовательное учреждение высш. проф. образования «Белгородский гос. нац. исслед. ун-т». Белгород, 2015. 138 с. ил.
- 8. Алешина, Л.В. Антропонимическое пространство повести А.Н. Апухтина «Дневник Павлика Дольского» // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: материалы Всероссийской научной конференции (г. Орёл, 15-16 мая 2015 года) / Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева»; [редкол.: Алешина Л. В. (отв. ред.) и др.]. Орёл: Орловский гос. ун-т, 2015. С. 76-83.
- 9. Алешина, Л.В. Словообразовательные гнёзда новообразований-деонимов в идиостиле Н.С. Лескова / Л.В. Алешина // Учёные записки Орловского госудаственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. 2014.– № 4 (60).– С. 118–121.
- 10. Андреева, И.В. Традиции православия в русской литературе (культурологический аспект) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1998. Вып. 5. С. 51–60.
- 11. Антропологическая лингвистика: концепты. Категории / [Ю. М. Малинович [и др.]; редкол.: Малинович Ю. М. (отв. ред.) [и др.]]; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Иркут. гос. лингвист. ун-т. М., Иркутск: Иркут.

- гос. лингвист. ун-т, 2003: ООО Оперативная тип. «На Чехова». 252 с. ил., портр., табл.
- 12. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синоним. средства языка / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». М.: Наука, 1974. 366 с.
- 13. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1.– С. 348–373.
- 14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. 2. изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с. (Язык. Семотика. Культура).
- 15. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Ленинград: Academia, 1928. 83, [1] с.
- 16. Бабарыкова, Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бабарыкова Эльвира Валерьевна. Ярославль, 2007. 23 с.
- 17. Базарова, Л.В. К вопросу о соотношении языка и культуры [Электронный ресурс] / Л.В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/bazarova-07.htm
- 18. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс] // М.М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin hronotop/hronmain.html
- 19. Белошапкова, Т.В. Традиционная отечественная лингвистика и когнитивная лингвистика: взаимодействие и перспективы развития / Т.В. Белошапкова // Когнитивная лингвистика. 2013. Вып. XV. С. 42—47.
- 20. Бельчиков, Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики [Электронный ресурс] / Ю.А. Бельчиков // Язык: система и функционирование. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/belchikov-88.htm
- 21. Березина, Н.В. Хронотоп ранней прозы М.А. Булгакова: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Березина Наталья Владимировна. СПб., 2006. 20 с.

- 22. Блохина, Н.А. Понятие гендера: становление, основные концепции, представления [Электронный ресурс] / Н.А. Блохина. Режим доступа: http://www.gender-cent.ryazan.ru
- 23. Богатова, С.М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Богатова Софья Михайловна. Омск, 2006. 22 с.
- 24. Боков, С. Особенности интерьера в романе И.А. Гончарова «Обломов» [Электронный ресурс] / С. Боков. Режим доступа: http://project-goncharov.ru
- 25. Болотнова, Н.С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) / Н.С. Болотнова // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Томского государственного педагогического университета (11–12 октября 2001 г.) / Под общей ред. Н.С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета. 2001. С. 16–28.
- 26. Болотнова, Н.С. Поэтический текст как форма репрезентации гиперконцепта / Н.С. Болотнова // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 346—352.
- 27. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 032900 Русский язык и литература / Н. С. Болотнова. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
- 28. Борзенкова, Н.В. Эволюция психологической манеры И. А. Гончаровароманиста / Н.В. Борзенкова // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; Редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 208–217.

- 29. Валгина, Н.С. Функциональные стили русского языка: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021500 «Издат. дело и редактирование» / Н.С. Валгина; М-во образования Рос. Федерации, Моск. гос. ун-т печати. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2003: ИПК МГУП. –190, [1] с.
- 30. Валентинова, О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства: спецкурс для филологов-магистров / Ольга Валентинова. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2010. 158, [1] с.
- 31. Валентинова, О.И. Эстетика и лингвистика полифонии / О.И. Валентинова. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. 140 с. ил., табл.
- 32. Вандриес, Жозеф Язык = Le langage: лингвистич. введ. в историю: пер. с фр. / Ж. Вандриес; примеч. П.С. Кузнецова; ред. и предисл. Р.О. Шор. Изд. 3-е, стер. М.: УРСС, 2004. 407, [1] с. (Лингвистическое наследие XX века).
- 33. Варданян, Л. В. Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Варданян Людмила Валерьевна. М., 2007. 18 с.
- 34. Васильева, Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Васильева Наталия Владимировна. М., 2005. 46 с.
- 35. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Электронный ресурс] // А. Вежбицкая Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва под ред. Т.В. Булыгиной. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/ling/wierz2.htm
- 36. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Анна Вежбицкая; [Пер. с англ. А. Д. Шмелёва]. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 272 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.)
- 37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой / А. Вежбицкая.— М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- 38. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. М.: Индрик, 2002. 336 с.

- 39. Венедиктова, Л.Н. К вопросу о содержании понятия «концепт» / Л.Н. Венедиктова // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 356 с. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 2). С. 36–45.
- 40. Вильмс, Л.Е. Любовь/ Л.Е. Вильмс // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград, Парадигма, 2005. С. 138–150.
 - 41. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы /
- В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
 - 42. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избр. тр. /
- В.В. Виноградов; [Послесл. А.П. Чудакова, с. 285 315]. М.: Наука, 1980. 360 с. 1 л. портр.
- 43. Виноградов, В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / проф. В.В. Виноградов; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
- 44. Виноградова, М.С. Реконструкция языковой картины мира позднего Чехова: на материале художественной прозы 1898–1903 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Виноградова Мария Станиславовна. Тверь, 2008. 17 с.
- 45. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур; сост. и примеч. Т.Г. Винокур; предисл. В.П. Григорьева. 2-е изд. М.: URSS, 2006. 325 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- 46. Войлова, К.А. Слово метель как средство объективации концепта в повести А.С. Пушкина «Метель» // Войлова К.А. Избранные труды / К.А. Войлова; [сост. Леденёва В.В.]; М-во образования Московской обл.; Гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. обл. ун-т.— М.: МГОУ, 2014. С. 302—307.
- 47. Войлова, К.А. Формирование концепта *дома* и его план выражения в языке произведений Ф.А. Абрамова // Войлова К.А. Избранные труды / К.А. Войлова; [сост. Леденёва В.В.]; М-во образования Московской обл.; Гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. обл. ун-т.- М.: МГОУ, 2014. С. 132–139.

- 48. Волошина, К.С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия "гендер": на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Волошина Карина Сергеевна. Нальчик, 2010. 25 с.
- 49. Воркачёв, С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология. На стыке парадигм гуманитарного знания / С.Г. Воркачёв. LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. 548 с.
- 50. Воркачёв, С.Г. «Куда ж нам плыть?» лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачёв // Язык, коммуникация и социальная среда. 2010. Выпуск 8. С. 5—27.
- 51. Воркачёв, С.Г. Культурный концепт и значение [Электронный ресурс] / Воркачёв С.Г. Режим доступа: http://lincon.narod.ru/meaning.htm.
- 52. Воркачёв, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография / С.Г. Воркачёв. М.: Гнозис, 2007. 284, [1] с.
- 53. Воркачёв, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография / С.Г. Воркачёв. М.: Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 236, [1] с. табл.
- 54. Воробьёв, В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Воробьёв Владимир Васильевич. М., 1996. 395 с.
- 55. Воропаева, О.В. Лингвоконцепт «душа» в русском языке: номинативный и ценностный аспекты исследования / О.В. Воропаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. №2. С. 42–47.
- 56. Воропаева, О.В. Лингвоконцепты «Дух» и «Душа» в русской духовной поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Воропаева Ольга Владимировна. М., 2015. –185 с. ил.
- 57. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М.: Наука, 1981. 139 с.
- 58. Гапеева, Е.Л. Лексическая структура текстовых фрагментов с монологической речью персонажа: На материале романа И. А. Гончарова

- "Обрыв": автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Гапеева Екатерина Леонидовна. СПб., 2001. 22 с.
- 59. Геляева, А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Геляева Ариука Ибрагимовна. Нальчик, 2002. 307 с.
- 60. Гончаров, И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Русские писатели XIX века о своих произведениях: Хрестоматия ист.-лит. материалов / Сост., [авт. вступ. ст. и примеч.] И.Е. Каплан. М.: Новая шк., 1995. 206, [1] с. ил.
- 61. Гончаров, И. А. На родине // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1952–1955. 7 т. Очерки, повести, воспоминания. –1954. С. 224–315.
- 62. Гончаров, И. А. Предисловие к роману «Обрыв» (неизданная статья) // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л.: Гослитиздат, 1938. С. 100–132.
- 63. Гузь, Н.А. Художественная система романов И.А. Гончарова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Гузь Наталия Александровна. М., 2001. 377 с.
- 64. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5–33, и примеч.] Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.1 л. портр. (Языковеды мира).
- 65. Даниленко, В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций / В.П. Даниленко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 280 с.
- 66. Двинятин, Ф.Н. Три этюда по поэтике имени / Ф.Н. Двинятин // Семантика имени (Имя-2) / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 93 –126 (Именослов / Имя. Филология имени собственного).
- 67. Димитренко, Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: структура и лексическая объективация: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Димитренко Лидия Юрьевна. Воронеж, 2005. 221 с.
- 68. Доманский, В.А. Художественные зеркала романа И.А. Гончарова «Обрыв» [Электронный ресурс] / В.А. Доманский // Гончаров И. А.: Материалы

- Международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; Редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Режим доступа: http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/domanskij-hudozhestvennye-zerkala.htm
- 69. Дунаев, М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. III. Издание второе, исправленное, дополненное / М.М. Дунаев. М., Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. 768 с.
- 70. Есаулов, И.А. Традиции и предание как принципы понимания художественного текста / И.А. Есаулов // Теория традиции: христианство и русская словесность: / [И. А. Есаулов и др.]; [науч. ред., сост. Г. В. Мосалева]; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Удмуртский гос. ун-т". Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 21–40
- 71. Желнова, И.Л. Художественная феноменология изображения эмоциональной жизни героев в романе И.А. Гончарова «Обрыв»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Желнова Ирина Львовна. Астрахань, 2004. 178 с.
- 72. Залевская, А.А. Текст и его понимание / А. А. Залевская; М-во образования Рос. Федерации. Твер. гос. ун-т. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с. ил., табл.
- 73. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 540 с. табл. (Язык. Семиотика. Культура).
- Злотникова, Т.С. Человек. Хронотоп. Культура. Введение культурологию: учебное пособие: учебно-методическое пособие / Т.С. Злотникова; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ярославский гос. К. Д. Ушинского», Научно-образовательный пед. VH-T ИМ. «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности». – Изд. 3-е, доп. и перераб. – Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т», 2011. – 331 c.
 - 75. Иванова, И.А. Концепт «любовь» и его концептосфера в истории

- русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Ирина Анатольевна. М., 2006. 18 с.
- 76. Иванова, М.В. Лексика «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудрым: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Мария Валерьевна. М., 1986. 212 с.
- 77. Игнатов, И.А. Личность: лингвистический анализ: семантика и функционирование слова личность в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Игнатов Иван Александрович. Киров, 2013. 26 с.
- 78. История русской литературы XIX века. 40–60-е годы: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. 3-е изд., испр. М.: Оникс, 2006. 512 с.
- 79. Калуженина, Д.В. Художественный гиперконцепт Пространство в поэзии конца XX века: на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Калуженина Дарья Васильевна. Саратов, 2008. 20 с.
- 80. Карасик, В.И. Языковые ключи / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». М.: Гнозис, 2009. 405, [1] с.
- 81. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». –М.: ООО «ИПДГК «Гнозис», 2010. 350, [1] с.
- 82. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». М.: ГНОЗИС, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). –389, [1] с.
- 83. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры: монография / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». М.: Гнозис, 2013. 318, [1] с. (Филологи. Психология. XXI. Лингвистика).
- 84. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / АН СССР. Отд-ние литературы и яз. Ин-т языкознания / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1975. 354 с., 2

Л. ИЛ.

- 85. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 3. изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 261, [2] с.
- 86. Караулов, Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой личности / Ю.Н. Караулов. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2006. 165, [2] с. ил.
- 87. Карпинец, Т.А. Концепт как способ смысловой организации художественного текста: монография / Т. А. Карпинец; Кузбас. гос. пед. акад, Фил. кузбас. гос. пед. акад. в г. Кемерово, Кузбас. регион. ин-т повышения квалификации и переподгот. работников образования. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2004. 154 с. табл.
- 88. Киреева, Н.В. Книга / Н.В. Карпинец //Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И. А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 307–321.
- 89. Кирьякова, О.И. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках: на материале переводов художественных текстов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кирьякова Ольга Игоревна. М., 2009. 27 с.
- 90. Клевцова, О.Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы: на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 20 / Клевцова Ольга Борисовна. Тюмень, 2007. 209 с. ил.
- 91. Коваленко, Ю.Д. Репрезентация трансформированного пространства (на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия») / Ю.Д. Коваленко // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 2). С. 339–348.
- 92. Кожин, А.Н. Введение в теорию художественной речи / А.Н. Кожин; Мво образования Московской обл., Московский гос. обл. ун-т. М.: Изд-во МГОУ, 2007.-233c.
 - 93. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов

- высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 Филологическое образование / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 462, [1] с. ил., табл.
- 93. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 Филологическое образование / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 462, [1] с. ил., табл.
- 94. Колесникова, В.В. Художественный концепт «душа» и его языковая репрезентация: на материале произведений Б. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Колесникова Виктория Владимировна. Краснодар, 2008. 20 с.
- 95. Колесов, В.В. Концептология: учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012 (Кемерово: Инт. 247 с.ил., табл. (Серия «Концептуальные исследования» / М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Кемеровский гос. ун-т [и др.] вып. 16).
- 96. Колесов, В.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова; М-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т» [и др.] Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. 143 с. ил. (Серия «Концептуальные исследования» Вып. 14).
- 97. Колмогорова, А.В., Мартынюк, Н.В. Концептуальное взаимодействие автора и читателя в процессах создания и рецепции текста / А.В. Колмогорова, Н.В. Мартынюк // Вопросы когнитивной лингвистики = Issues of Cognitive Linguistics / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». − 2014. − № 3 (40). − С. 19–30.
- 98. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З.И. Комарова. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. 818 с.

- 99. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева [и др.]; М-во образования Рос. Федерации. Том. гос. пед. ун-т. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с. ил., табл.
- 100. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие] / О.А. Корнилов. 4-е изд., испр. М.: КДУ, 2013.- 348 с.: табл., ил.
- 101. Коротун, О.В. Семиосфера внешнего человека в русской языковой картине мира / О.В. Коротун // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 356 с. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 2). С.142–149.
- 102. Кострубина, Е.А. Типы концептов: гиперконцепт Семья-Дом / Е.А. Кострубина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. –2010. Вып. 6 (12). С. 51–57.
- 103. Красавский, Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / Красавский Николай Алексеевич. Волгоград, 2001. 507 с.
- 104. Красина, Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Красина Елена Алексадровна. М., 1999. 310 с.
- 105. Краснова, Е.В. «Материнская сфера» в романах И.А. Гончарова [Электронный ресурс] / Е.В. Краснова // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; Редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Режим доступа: http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/articles/krasnovamaterinskaya-sfera.htm
- 106. Краснова, Е.В. Специфика повествовательной структуры романа И.А. Гончарова «Обломов» дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Краснова Екатерина Владимировна. Псков, 2003. 175 с.

- 107. Краснощекова, Е.А. И. А. Гончаров и русский романтизм 20-30-х годов / Е.А. Краснощекова // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1975. Т. 34. № 4. С. 304–316.
- 108. Краснощекова, Е.А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е.А. Краснощекова. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.– 492 с.
- 109. Криволапов, В.Н. «Типы» и «Идеалы» Ивана Гончарова / В.Н. Криволапов. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2000. 280 с.
- 110. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений слова: Семантика производного слова / Отв. ред. Е. А. Земская; Предисл. В.Ф. Новодрановой. Изд. 3-е.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.
- 111. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с., [1] л. портр. (Язык. Семиотика. Культура / Ин-т языкознания Рос. акад. наук).
- 112. Кузьмина, М.И. Имя собственное Валаам в индивидуальной языковой картине мира: на материале путевых очерков русских писателей конца XIX начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузьмина Маргарита Игоревна. Нижний Новгород, 2009. 25 с.
- 113. Куроедова, М.А. Лексическая репрезентация концепта «радость» в творчестве публициста В. Пескова [Электронный ресурс] / М.А. Куроедова. Режим доступа: http://portal.amursu.ru
- 114. Кучина, Т.Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX-начала XXI в.: монография / Т. Г. Кучина; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2008. 270 с.
- 115. Кучменова, Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира: На материале русского и карачаево-балкарского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кучменова Жанета Маликовна. Нальчик, 2005. 136 с.
- 116. Ларин, С.А. Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И. А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ларин Сергей

- Алексеевич. Воронеж, 2008. 190 с.
- 117. Левонтина, И.Б. HOMOPIGER / Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 211–218 (Язык. Семиотика. Культура).
- 118. Левушкина, О.Н. Лингвокультурологический анализ образов-символов художественного текста: теория и история вопроса: равнозначность цвета в цифровых системах: монография / О. Н. Левушкина; Федеральное агентство по образованию, М-во образования Ульяновской обл., Ульяновский ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования. Ульяновск, 2008. 176 с.
- 119. Леденёва, В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Леденёва Валентина Васильевна. М., 2000. 481 с. + Прил. (431 с.) + Прил. 299 с.
- 120. Лепахин, В. Иконология и иконичность / В. Лепахин // Икона и образ, иконичность и словесность: сборник статей / [ред-сост.: Валерий Лепахин]. М.: Паломник, 2007. С. 129–164.
- 121. Литвиненко, Ю.Ю. Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Литвиненко Юлия Юрьевна. Омск, 2006. 256 с. ил.
- 122. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. М., 1997. 320 с.
- 123. Логический анализ языка: Культ. концепты // АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др.] М.: Наука, 1991.– 203, [1] с.
- 124. Лотман, Л. М. И. А. Гончаров / Л.М. Лотман // История русской литературы: В 4 т.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 3 т.: Расцвет реализма. С. 160-202.
- 125. Лощиц, Ю.М. Гончаров [Электронный ресурс] / Ю.М. Лощиц.— Режим доступа: http://loshchits.ru/archives/1033

- 126. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвист. теории и элементы анализа: Учебник / В.А. Лукин. М.: Ось-89, 1999. 189, [2] с. ил.
- 127. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Ось-89, 2005. 560 с.
- 128. Лукин, О.В. Новые направления современного языкознания (2-я половина XX века XXI век): учебное пособие / О. В. Лукин; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». Ярославль: ЯГПУ, 2015. 79 с. ил.
- 129. Лукин, О.В., Черкасов Л.Н. Понятие системы и структуры в когнитивной лингвистике и лингводидатике / О.В. Лукин, Л.Н. Черкасов // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3.– С. 114–118.
- 130. Лученецкая-Бурдина, И.Ю. Культурные реалии как способ выражения философской проблематики романа Ф.М. Достоевского «Идиот» / И.Ю. Лученецкая-Бурдина // Ярославский педагогический вестник. 2012. №2. Том I (Гуманитарные науки). С. 205—209.
- 131. Лыткина, О.И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике / О.И. Лыткина // Rhema. Peмa. 2010. № 2. С. 68–75.
- 132. Лю, Бо Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лю Бо. Владивосток, 2010.-26 с.
- 133. Мазирка, И.О. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Мазирка Ирина Олеговна. М., 2008. 338 с.
- 134. Манджиева, С.В. Ключевые концепты в рассказах О. Генри: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Манджиева Светлана Владимировна. Волгоград, 2010. 24 с.
 - 135. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства её выражения в русском

- языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Маркелова Татьяна Викторовна. М., 1996. 554 с. ил.
- 136. Масленникова, Е.М. Интерпретация как вхождение в модельный мир текста / Е.М. Масленникова // Когнитивная лингвистика. 2013. Вып. XV. С. 800–805.
- 137. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. 5-е изд.– М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
- 138. Маслова, Ж.Н. Роль метафоры, метонимии, символа во взаимодействии трёх онтологических систем: мира, человека, языка // Междисциплинарный синтез в исследовании ментальных и языковых основ художественного текста: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Ж. Н. Масловой. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 72–82.
- 139. Маховиков, Д.В. Этнокультурная специфика образа «счастье»: на материале языкового сознания русских и французов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Маховиков Денис Викторович. М., 2011. 19 с.
- 140. Мельник, В.И. И. А. Гончаров в контексте русской и мировой литературы [Текст] / В. И. Мельник; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Гос. акад. славянской культуры». М.: ГАСК, 2012. 354 с.
- 141. Мельник, В.И. Гончаров и православие: духовный мир писателя / В.И. Мельник. М.: ДАРЪ, 2008. 541, [2] с.
- 142. Мережковский, Д.С. Гончаров [Электронный ресурс] / Д.С.

 Мережковский. Режим доступа:

 tp://az.lib.ru/m/merezhkowskij d s/text 11 1890 goncharov.shtml
- 143. Минахин, Д.В. Авторские категории и текстовые категории: к вопросу о соотношении понятий / Д.В. Минахин // Когнитивные исследования языка. 2010. –Вып. VII. С. 502-507.
- 144. Морковкин, В.В. Русские агнонимы: (Слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Б. и., 1997. 414 с.

- 145. Муратов, Ю.М. Генетическая и мотивационная характеристика лексикосемантического поля «присвоение чужого» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муратов Юрий Михайлович. – М., 2015. – 304 с.
- 146. Мякшева, О.В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал: / О. В. Мякшева; под ред. О. Б. Сиротининой; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Ин-т русского яз., лит. и журналистики при фак. филологии и журналистики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. 355, [1] с.
- 147. Недзвецкий, В. А. И. А. Гончаров романист и художник / В.А. Недзвецкий. М.: Изд-во МГУ, 1992. 175 с.
- 148. Недзвецкий, В.А. Романы И.А. Гончарова: В помощь преподавателям и абитуриентам / В.А. Недзвецкий М.: Изд-во Моск. ун-та, Изд-во Просвещение, 1996. –97, [2] с. (Перечитывая классику).
- 149. Недзвецкий, В.А. Слово о И.А. Гончарове / В.А. Недзвецкий // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012 №4. С. 217–226.
- 150. Никитина, Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка: учебное пособие / Л.Б. Никитина. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 254 с. табл.
- 151. Никитина, Л.Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира: Монография / Л.Б. Никитина. Омск: Изд-во ГПУ, 2004. 148 с.
- 152. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие / М. В. Никитин. Изд. 2-е. М.: URSS, 2009. 165, [3] с., табл.
- 153. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература» Н.А. Николина. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 268, [1] с.– (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности).
- 154. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. Изд. 3-е. М.: URSS, 2007. 300, [1] с. ил., портр.

- 155. Новикова-Строганова, А.А. Христианский мир И.С. Тургенева / А.А. Новикова-Строганова. Рязань: Зёрна-Слово, 2015. 336 с., ил.
- 156. Овсянико-Куликовский, Д.Н. Теория поэзии и прозы: теория словесности / Д. Н. Овсянико-Куликовский. 6-е изд. М.: URSS, 2010. 147, [1] с.
- 157. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста [Текст] / Е. А. Огнева. 2-е изд., доп. М.: Эдитус, 2013. 280 с.ил.
- 158. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов; Отв. ред. А.И. Горшков. Изд. 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 261, [2] с.
- 159. Островская, И.В. Эмоциональные концепты в русской и английской лингвокультурах: Когнитивный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Островская Ирина Викторовна. Краснодар, 2006. 195 с.
- 160. Отрадин, М. В. К вопросу о своеобразии эпической объективности в романе И.А. Гончарова «Обломов» / М.В. Отрадин // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / Ред.: Н. Б. Шарыгина. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 115–126.
- 161. Отрадин, М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте / С.-Петербург. ун-т / М.В. Отрадин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 169 с.
- 162. Пашина, А.В. Концепт человек в сказах И.М. Ермакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Пашина Алёна Владимировна. юмень, 2006. 180 с.
- 163. Пеньковский, А.Б. Радость и Удовольствие в представлении русского языка / А.Б. Пеньковский // Логический анализ языка: Культ. концепты // АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др.] –М.: Наука, 1991. С. 148–155.
- 164. Перфильева, Н.М. Топонимы на страницах произведений Н.С. Лескова 80-90-х годов как показатель точности идиостиля реалиста / Н.М. Перфильева // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 416–420.
 - 165. Пешковский, А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: избранные

- труды: / А.М. Пешковский: сост. и науч. ред. О.В. Никитин. М.: Высш. шк., 2007. 800 с. ил. портр., табл. (Лингвистика XX века).
- 166. Пиксендеева, В.Г. Способы лингвистической экспликации макроконцепта «ВРЕМЯ» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пиксендеева Виктория Геннадьевна. СПб., 2009. 16 с.
- 167. Пименова, М. Вас. Древнерусская языковая картина мира и древнейшая концептуальная форма русской ментальности // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы десятой международной конференции, посвящённой 60-летию кафедры русского языка (Владимир, 24–26 сентября 2013 года) / М-во образования и науки Российской Федерации, гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Владимирский гос. ун-т им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; [редкол.: М. Вас. Пименова (отв. ред.) и др.]. Владимир: Транзит- ИКС, 2013. С. 443–446
- 168. Пименова, М. Влад. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Пименова Марина Владимировна. СПб., 2001. 497 с.
- 169. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 15–19.
- 170. Полевая, И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе: на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Полевая Ирина Владимировна. М., 2014. 204 с. ил.
- 171. Попова, Е.Ю. Художественные функции фразеологизмов (на материале романа И.А. Гончарова «Обрыв»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Попова Елена Юрьевна. М., 1998. 16 с.
- 172. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с. ил., табл. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия: лучшие работы ведущих

- российских специалистов / Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т).
- 173. Попова, З.Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 171 с. ил., табл.
- 174. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
- 175. Постнов, О. Г. Эстетика И. А. Гончарова / О.Г. Постнов. Новосибирск: «Наука». Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. 240 с.
- 176. Потебня, А. А. Мысль и язык: с портретом автора / А. Потебня. 2-е издание. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892. 228 с.
- 177. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня; [Сост., вступ. статья, примеч. И. В. Иваньо, А. И. Колодной]. М.: Искусство, 1976. 614 с. (История эстетики в памятниках и документах).
- 178. Приходько, А.Н. Концепты и концептосистемы / А.Н. Приходько. Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. 307 с.
- 179. Пророкова, Н.В., Иванова, Н.К. Концепт «Одежда» в русской и английской концептосферах: опыт изучения / Н.В. Пророкова, Н.К. Иванова // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химикотехнологического университета. 2009. Вып. 4. С. 262 268.
- 180. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. М.: Флинта: Наука, 2008. 170, [3] с.
- 181. Пруцков, Н. И. Мастерство Гончарова-романиста / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) / Н.И. Пруцков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 230 с.
- 182. Розина, Р.И. Человек и личность в языке / Р.И. Розина // Логический анализ языка: Культ. концепты // АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др.] М.: Наука, 1991. С. 52 56.
- 183. Русакова, И.Б. Концепты «счастье» «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 /

- Русакова Ирина Борисовна. М., 2007. 24 с.
- 184. Русское слово в русском мире: сборник статей. М.: МГЛУ. Калуга: ИД «Эйдос», 2004. 300 с.
- 185. Садуллаева, Ж. Р. Концепты русской ментальности в романе И.А. Гончарова «Обломов»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Садуллаева Жамила Рузмаматовна. СПб., 2000. 159 с.
- 186. Симашко, Т.В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте / Т.В. Симашко // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. (Серия «Концептуальные исследования. Выпуск 2). С. 61–87.
- 187. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г. Г. Слышкин; Моск. гос. лингв. ун-т, Волгогр. гос. пед. ун-т.—Волгоград: Перемена, 2004. 339, [1] с.табл.
- 188. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: Лингвокультур. концепты прецедент. текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин; Моск. гос. лингвист. ун-т. Науч.-учеб. центр яз. и культуры Север. Евразии им. князя Н. С. Трубецкого. М.: Academia, 2000. 125 с.
- 189. Смоленцева, М.В. Эмоциональный концепт «любовь» в песенном дискурсе: на материале русского, немецкого и горномарийского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Смоленцева Мария Владимировна. Чебоксары, 2009. 12 с.
- 190. Соловьёва, Т.В. Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте: на материале лирических и драматургических произведений К. Скворцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьёва Татьяна Васильевна. Челябинск, 2009. 23 с.
- 191. Сороченко, Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сороченко Елена Николаевна. Ставрополь, 2003. 234 с. ил.
- 192. Степаненко, В.А. Слово / Logos / Имя имена концепт слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul»: на материале

- русского, немецкого и английского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02. 04 / Степаненко Валетина Анатольевна. Иркутск, 2006. 38 с.
- 193. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, перераб. М., «Просвещение», 1975. 271 с.
- 194. Стернин, И.А. Лингвоконцептология: продолжающееся научное издание / [редкол.: И. А. Стернин (науч. ред.) и др.] Воронеж: ИСТОКИ, 2008. 226 с.
- 195. Тарасова, И.А. Художественный концепт: Диалог лингвистики и литературоведения / И.А. Тарасова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского = Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod / Федеральное агентство по образованию, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. − 2010. − № 4, ч. 2. − С. 742 −745.
- 196. Уба, Е.В. Поэтика имени в романной трилогии И.А. Гончарова: «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Уба Екатерина Владимировна. Ульяновск, 2005. 242 с.
- 197. Уба, Е.В. Имя героя как часть художественного целого (по романной трилогии И.А. Гончарова) [Электронный ресурс] / Е.В. Уба // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; Редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Режим доступа: http://goncharov.litinfo.ru/
- 198. Ужанков, А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI—первой трети XVIII в. Теория литературных формаций: монография / А. Н. Ужанков; Мво образования и науки Российской Федерации, Литературный ин-т им. А. М. Горького. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. 526, [1] с. ил.
- 199. Фокина, М.А. Филологический анализ текста: учебное пособие / М. А. Фокина; М-во образования и науки Российской Федерации, Костромской гос. ун-т

- им. Н. А. Некрасова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 138, [1] с.
- 200. Халикова, Н.В. Образность художественной прозы. Монография / Н.В. Халикова. М.: МГОУ, 2004. 160 с.
- 201. Хисамова, Г.Г., Овчинникова, С.В. О функционально-когнитивном анализе художественного текста / Г.Г. Хисамова, С.В. Овчинникова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. –№ 2 (2). С. 574 578.
- 202. Хомяков, Е.А. Концепт «человек» в жаргоне русских и французских студентов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Хомяков Евгений Алексеевич. Пенза, 2009. 238 с. ил.
- 203. Хренова, А.В. Символические признаки макроконцептов President и Президент / А.В. Хренова // Фундаментальные исследования. Филологические науки. -2013. -№ 10. C. 2350 -2354.
- 204. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие /А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
- 205. Чемена, О.М. Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова / О. М. Чемена. М.: Наука, 1966. 159 с., 2 л. портр. ил. (Научно-популярная серия / АН СССР).
- 206. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. 2-е изд., перераб. —М.: URSS, 2010. 265, [1] с. ил., табл. (История лингвофилософской мысли).
- 207. Черникова, Н.В. Лексикографический портрет концепта ЖЕНЩИНА / Н.В. Черникова // Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины»: коллективная моногр. / под ред. В.В. Леденёвой. М.: Изд-во МГОУ, 2013. С. 69–80.
- 208. Чечетка, В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира: На материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чечетка Валентина Ивановна. Воронеж, 2005. 235 с.
 - 209. Чибышева, О.А. Концепт «женщина» в русской и английской

- фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Чибышева Ольга Анатольевна. Челябинск, 2005. 24 с.
- 210. Чудакова, Н.М. Концептуальная область "неживая природа" как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации: 2000-2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чудакова Наиля Муллахметовна. Екатеринбург, 2005. 277 с.: ил.
- 211. Шайхисламова, З.Г. Универсальные и идиоэтнические компоненты макроконцепта «двигаться» в русском, французском и башкирском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шайхисламова Загира Гибадуллиновна. Уфа, 2004. 24 с.
- 212. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация: Структура и вопр. ист. реконструкции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шаклеин Виктор Михайлович. М., 1997. 467 с.
- 213. Шанский, Н.М. Филологический анализ художественного текста: книга для учителя / Н.М. Шанский, Ш.А. Махмудов. М.: Русское слово, 2010. 254, [1] с.
- 214. Шапилова, Н.И. Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции содержания концепта (на материале поэтической речи Н. Гумилёва) / Н.И. Шапилова // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. (Серия «Концептуальные исследования. Выпуск 2). С. 237–245.
- 215. Шапорева, О.А. Наименования лиц в церковнославянских акафистах: морфемно-словообразовательные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шапорева Олеся Алексеевна. М., 2012. 20 с.
- 216. Шаталова, О.В. Концепт бытие в русском языке: дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.01 / Шаталова Ольга Викторовна. М., 2009. 545 с.: ил.
- 217. Шевцова, Л.И. Образ Обломова как художественное целое / Л.И. Шевцова // Современное прочтение русской классической литературы XIX века / [сост. отв. ред. Ю.И. Сохряков]. М.: Пашков дом, 2007. С.228–238.

- 218. Ширяева, О.С. Душа как ключевое слово русской культуры: на материале произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Солоухина, В. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ширяева Ольга Сергеевна. Волгоград, 2012. 27 с.
- 219. Шишкина, Т.А. Интепретационный потенциал номинативной модели [Электронный ресурс] / Т.А. Шишкина. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/shishkina-01.htm
- 220. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. Изд. 2-е, стер. М.: URSS, 2006. 278, [2] с.ил., табл.
 - 221. Шмелёв, Д.Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелёв. М., 1964.
- 222. Шмугурова, К.В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира (на материале лирики И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шмугурова Ксения Васильевна. Новосибирск, 2011. 24 с.
- 223. Шукуров, Д.Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда: [монография] / Д. Л. Шукуров; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Санкт-Петербургский гос. ун-т», Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Ивановский гос. энергетический ун-т им. В. И. Ленина». СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т; Иваново: Ивановский гос. энергетический ун-т им. В. И. Ленина, 2007. 439 с. (Филологические исследования).
- 224. Яковенко, Е.Б. Языковой образ человека в английских и немецких переводах библии (опыт концептуального моделирования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Яковенко Екатерина Борисовна. М., 2007. 48 с.
- 225. Яцуга, Т.Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах 3. Гиппиус: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Яцуга Татьяна Егоровна. Томск, 2006. 30 с.
- 226. Peace R. Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel / R. Peace.

 Birmingham, 1991. VII, 87 p. (Birmingham Slavonic Monographs; No 20).

Список лексикографических источников

- 227. Азбука веры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.azbyka.ru/
- 228. Анализ языка художественного текста. Словарь-справочник. Тверь: ТГУ, 1998. – 412 с.
- 229. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.
- 230. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedu.ru //
 - 231. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. научн. ред. и сост.
- А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
- 232. Историко-этимологический словарь современного русского языка: [В 2 т.] / П. Я. Черных Т. 2 Панцирь—Ящур М.: Рус. яз., 1994. 559, [1] с. (Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов [В 2 т.]).
- 233. Карпенко, Л.А. Краткий психологический словарь [Электронный ресурс] / Под общей ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Режим доступа: http://pedagogic.ru/psycholo/
- 234. Козлова, Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных: В помощь политикам, менеджерам, лингвистам /
- Т. В. Козлова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Дело и Сервис, 2001. 207 с. табл.
- 235. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общей ред. Е.С. Кубряковой. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- 236. Лексические минимумы современного русского языка / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова, И.В. Дорофеева; Под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1985. 608 с.
 - 237. Лингвистический энциклопедический словарь / (Науч.-ред. совет изд-ва

- "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682, [3] с. ил.
- 238. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. [Электронный ресурс] / М.И. Михельсон. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/
- 239. Обломовская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.goncharov.spb.ru/obl_enc/
- 240. Морковкин, В.М. Большой универсальный словарь русского языка [Текст]: около 30 000 наиболее употребительных слов / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС школа, 2016. 1451, [1] с. (Программа "Словари XXI века"). (Фундаментальные словари). (Словари XXI века).
- 241. Общая психология. Словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. Режим доступа: http://www.insai.ru/slovar/1521
- 242. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Около 53000 слов / С. И. Ожегов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 900 с.
- 243. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. –955 с.
- 244. Полный православный богословский энциклопедический словарь: [В 2 т.] Т. 2 [K-V] М.: Концерн «Возрождение», Б. г. Стб. 1131-2464, [4] с. (Полный православный богословский энциклопедический словарь [В 2 т.]).
- 245. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Т. XVI. Режим доступа: http://www.pravenc.ru/
- 246. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. І. От стимула к реакции: Ок. 7000

- стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.
- 247. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире: (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [авт.-сост. Н. Ю. Шведова и др.]; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. XV, 1015 с.
- 248. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Режим доступа: http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235
- 249. Саяхова, Л.Г. Тематический словарь русского языка / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. проф. В.В. Морковкина. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2010. 556 (4) с.— (Библиотека словарей русского языка).
- 250. Скляревская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г. Н. Скляревская. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 447 с., [16] л. цв. ил.
- 251. Словарь мебельных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ndpi.kiev.ua/pages/2352
- 252. Словарь полиграфических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polygraphcity.ru/
- 253. Словарь русских народных говоров, вып. 43 Сухлость Телепа / РАН ИЛИ, под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб., «Наука», 2010.—349 с.
- 254. Словарь русского языка: Около 53000 слов / С. И. Ожегов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 900 с.
- 255. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm
- 256. Словарь швейных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adipi.ru/?p=621

- 257. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка: [В 3 т.] / И. И. Срезневский Т. 3, ч. 1 Р–С.–М.: Книга, 1989. 910 стб.,[6] с.
- 258. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. 2 изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989, [1] с. ил., табл., портр.
- 259. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Электронный ресурс] / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Режим доступа: http://v-dal.ru/
- 260. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/
- 261. Фразеология. py [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.frazeologiya.ru/
- 262. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. 7-е изд., стереотип. М.: Мир книги, 2004. 416 с.

СОКРАЩЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ СЛОВАРЕЙ, ПРИНЯТЫЕ В РАБОТЕ

- 1. БТС Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.
- 2. ИЭССРЯ Историко-этимологический словарь современного русского языка: [В 2 т.] / П. Я. Черных Т. 2 Панцирь-Ящур М.: Рус. яз., 1994. 559, [1] с. (Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов [В 2 т.]).
- 3. СЕМ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный доступ] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Режим доступа: http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235
- 4. СРНГ Словарь русских народных говоров, вып. 43 Сухлость Телепа / РАН ИЛИ, под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб., «Наука», 2010. 349 с.
- 5. МАС Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.,1999. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm.
- 6. СДРЯ Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка: [В 3 т.] / И. И. Срезневский Т. 3, ч. 1 Р–С.–М.: Книга, 1989. –910 стб.,[6] с.
- 7. ТСЖВЯ Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [Электронный ресурс] / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Режим доступа: http://v-dal.ru/
- 8. ТСРЯ Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.,1935—1940. Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схема 1 – Структура макроконцепта 'Человек' в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

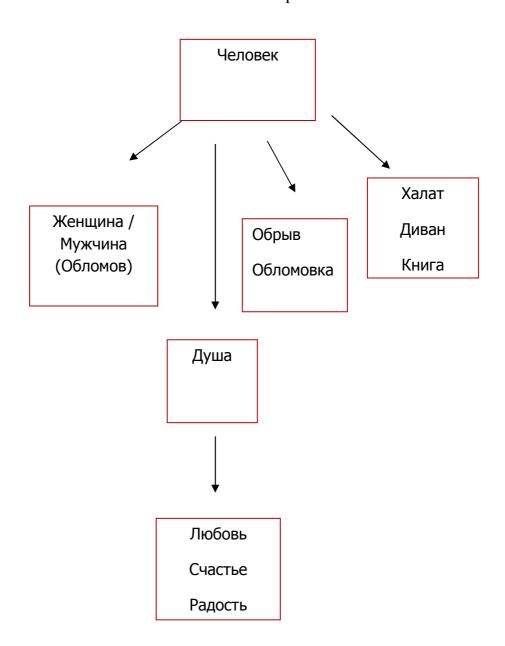
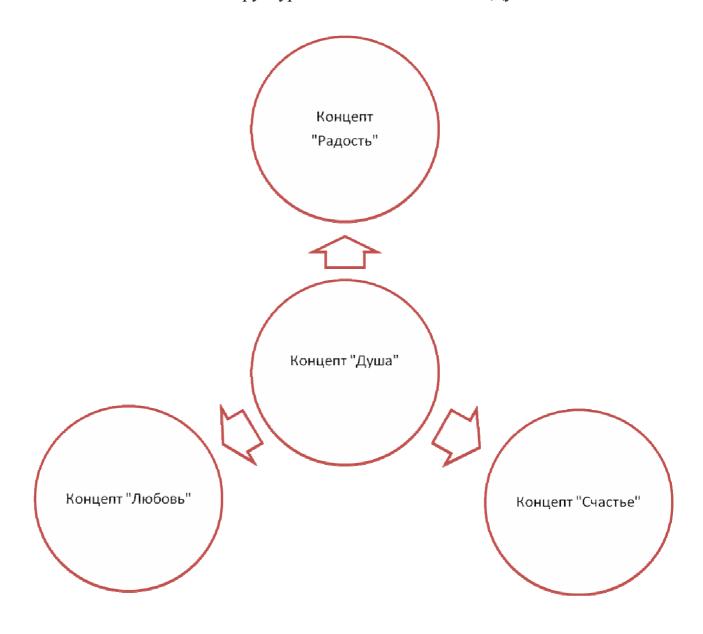

Схема 2 – Структура отношений концепта «Душа»

Контексты из романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

Концепт 'Женщина'

Сцены, характеры, портреты родных, знакомых, друзей, женщин переделывались у него в типы, и он исписал целую тетрадь, носил с собой записную книжку, и часто в толпе, на вечере, за обедом вынимал клочок бумаги, карандаш, чертил несколько слов, прятал, вынимал опять и записывал, задумываясь, забываясь, останавливаясь на полуслове, удаляясь внезапно из толпы в уединение [Обрыв 1953: 124].

Райский всё шёл тихо, глядя душой в этот сон: статуя и всё кругом постепенно оживало, делалось ярче... И когда он дошёл до дома, созданная им **женщина** мало-помалу опять обращалась в Софью [Обрыв 1953: 155].

Вдохновляясь вашей лучшей красотой, вашей неодолимой силой — женской любовью — я слабой рукой писал женщину, с надеждой, что вы узнаете в ней хоть бледное отражение — не одних ваших взглядов, улыбок, красоты форм, грации, но и вашей души, ума, сердца — всей прелести ваших лучших сил! [Обрыв 1954: 420].

Впрочем, он никогда не отдавался в плен красавицам, никогда не был их рабом, даже очень прилежным поклонником, уже и потому, что к сближению с женщинами ведут большие хлопоты [Обломов 1953: 61].

Из логики и честности, — говорило ему отрезвившееся от пьяного самолюбия сознание, — ты сделал две ширмы, чтоб укрываться за них с своей «новой силой», оставив бессильную женщину разделываться за своё и за твоё увлечение, обещав ей только одно: «Уйти, не унося с собой никаких «долгов», «правил» и «обязанностей»... оставляя её нести их одну [Обрыв 1954: 387].

Он припомнил свои страдания, горькие оскорбления, вынесенные им в битвах жизни: как падали его модели, как падал он сам вместе с ними и как вставал опять, не отчаиваясь и требуя от женщин человечности, гармонии красоты наружной с красотой внутренней [Обрыв 1954: 192].

А она, совершив подвиг, устояв там, где падают ничком мелкие натуры, вынесши и своё, и чужое бремя с разумом и величием, тут же, на его глазах, мало-помалу опять обращалась в простую женщину, уходила в мелочи жизни, как будто пряча свои силы и величие опять — до случая, даже не подозревая, как она вдруг выросла, стала героиней и какой подвиг совершила [Обрыв 1954: 350].

Бабушка, бесспорно умная **женщина**, безошибочный знаток и судья крупных и общих явлений жизни, бойкая хозяйка, отлично управляет своим маленьким царством, знает людские нравы, пороки и добродетели, как они обозначены на скрижалях Моисея и в Евангелии [Обрыв 1954: 229].

Во все, даже мелкие отношения его к бабушке, проникло то удивление, какое

вызывает невольно женщина с сильной нравственной властью [Обрыв 1954: 349].

Но ни ревности, ни боли он не чувствовал и только трепетал от красоты как будто перерождённой, новой для него **женщины** [Обрыв 1953: 155].

Праздная дворня сидит у ворот; там слышатся весёлые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки; кругом его самого резвятся его малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею; за самоваром сидит... царица всего окружающего, его божество... женщина! жена! [Обломов 1953: 79].

Перед ним было прекрасное явление, с задатками такого сильного, мучительного, безумного счастья, но оно было недоступно ему: он лишён был права не только выражать желания, даже глядеть на неё иначе, как на сестру, или как глядят на чужую, незнакомую женщину [Обрыв 1954: 34].

Потом Штольц думал, что если внести в сонную жизнь Обломова присутствие молодой, симпатичной, умной, живой и отчасти насмешливой женщины — это всё равно, что внести в мрачную комнату лампу, от которой по всем тёмным углам разольется ровный свет, несколько градусов тепла, и комната повеселеет [Обломов 1953: 231].

Что это? что с ней? — с ужасом спрашивал он, — зачем я ей? Воткнула нож, смотрит, как течёт кровь, как бьётся жертва! что она за женщина?» Ему припомнились все жестокие, исторические, женские личности, жрицы кровавых культов, женщины революции, купавшиеся в крови, и всё жестокое, что совершено женскими руками, с Юдифи до леди Макбет включительно [Обрыв 1954: 229].

Я только хочу доказать вам, что ваше настоящее люблю не есть настоящая любовь, а будущая; это только бессознательная потребность любить, которая, за недостатком настоящей пищи, за отсутствием огня, горит фальшивым, негреющим светом, высказывается иногда у женщин в ласках к ребёнку, к другой женщине, даже просто в слезах или в истерических припадках. Мне с самого начала следовало бы строго сказать вам: «Вы ошиблись, перед вами не тот, кого вы ждали, о ком мечтали» [Обломов 1953:

259].

Старый мир разлагается, зазеленели новые всходы жизни — жизнь зовёт к себе, открывает всем свои объятия. Видишь: ты молода, отсюда никуда носа не показывала, а тебя уже обвеял дух свободы, у тебя уж явилось сознание своих прав, здравые идеи. Если заря свободы восходит для всех: ужели одна женщина останется рабой? [Обрыв 1953: 357].

Концепт 'Обломов'

В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич **Обломов** [Обломов 1953: 7].

Потом Штольц думал, что если внести в сонную жизнь **Обломова** присутствие молодой, симпатичной, умной, живой и отчасти насмешливой женщины — это всё равно, что внести в мрачную комнату лампу, от которой по всем тёмным углам разольётся ровный свет, несколько градусов тепла, и комната повеселеет [Обломов 1953: 231].

Сам хозяин, однако, смотрел на убранство своего кабинета так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «Кто сюда натащил и наставил всё это?»От такого холодного воззрения **Обломова** на свою собственность, а может быть, и ещё от более холодного воззрения на тот же предмет слуги его, Захара, вид кабинета, если осмотреть там всё повнимательнее, поражал господствующею в нём запущенностью и небрежностью [Обломов 1953: 9].

Если же **Обломову** наскучивало быть одному, и он чувствовал потребность выразиться, говорить, читать, рассуждать, проявить волнение, — тут был всегда покорный и готовый слушатель и участник, разделявший одинаково согласно и его молчание, и его разговор, и волнение, и образ мыслей, каков бы он ни был [Обломов 1953: 43–44].

То же было с **Обломовым** теперь. Его осеняет какая-то, бывшая уже гдето тишина, качается знакомый маятник, слышится треск откушенной нитки; повторяются знакомые слова и шопот: «Вот никак не могу попасть ниткой в иглу: на-ка ты, Маша, у тебя глаза повострее!» [Обломов 1953: 493]. Или изберёт он арену мыслителя, великого художника: все поклоняются ему; он пожинает лавры; толпа гоняется за ним, восклицая: «Посмотрите, посмотрите, вот идёт **Обломов**, наш знаменитый Илья Ильич!» [Обломов 1953: 69].

Обломов философствовал и не заметил, что у постели его стоял очень худощавый, чёрненький господин, заросший весь бакенбардами, усами и эспаньолкой [Обломов 1953: 27].

Освободясь от деловых забот, **Обломов** любил уходить в себя и жить в созданном им мире [Обломов 1953: 68].

Обломов, облокотись на него, нехотя, как очень утомлённый человек, привстал с постели и, нехотя же перейдя на большое кресло, опустился в него и остался неподвижен, как сел [Обломов 1953: 45].

Обломов понял, в какие тиски попал он, когда всё, что присылал Штольц, стало поступать на уплату долга, а ему оставалось только небольшое количество денег на прожиток [Обломов 1953: 438].

Был ему по сердцу один человек: тот тоже не давал ему покоя; он любил и новости, и свет, и науку, и всю жизнь, но как-то глубже, искреннее — и **Обломов** хотя был ласков со всеми, но любил искренно его одного, верил ему одному, может быть потому, что рос, учился и жил с ним вместе [Обломов 1953: 44].

Лицо **Обломова** вдруг облилось румянцем счастья: мечта была так ярка, жива, поэтична, что он мгновенно повернулся лицом к подушке [Обломов 1953: 80].

Обломов, увидев давно умершую мать, и во сне затрепетал от радости, от жаркой любви к ней: у него, у сонного, медленно выплыли из-под ресниц и стали неподвижно две тёплые слезы [Обломов 1953: 80].

Когда они обедали со Штольцем у её тётки, **Обломов** во время обеда испытывал ту же пытку, что и накануне, жевал под её взглядом, говорил, зная, чувствуя, что над ним, как солнце, стоит этот взгляд, жжёт его, тревожит, шевелит нервы, кровь [Обломов 1953: 200].

Обломову стало немного неловко от собственного промаха [Обломов 1953:

14].

Обломов вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слёзы, и ещё труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик [Обломов 1953: 203].

Обломов не мог опомниться; он всё стоял в одном положении, с ужасом глядя на то место, где стоял Захар, потом в отчаянье положил руки на голову и сел в кресло [Обломов 1953: 329].

Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечёт на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдёт навыворот — никогда **Обломов** не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... [Обломов 1953: 480—481].

Концепт 'Душа'

Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки [Обломов 1953: 7].

Она заглянула сама себе в **душу** и там подслушивала, какой могла бы дать ответ на его надежду, и опять вздрогнула. Нельзя сказать этого ответа, — думала она, — эти ответы не говорятся! Если он сам не угадал его — от меня никогда не узнает! [Обрыв 1954: 357].

Напрасно он настойчивым взглядом хотел прочесть её мысль, **душу**, всё, что крылось под этой оболочкой: кроме глубокого спокойствия он ничего не прочёл [Обрыв 1953: 24].

Она открыто глядела в его душу, видела, как рождалось чувство на дне его **души**, как играло и выходило наружу; видела, что с ним женская хитрость, лукавство, кокетство — орудия Сонечки — были бы лишние, потому что не предстояло борьбы [Обломов 1953: 239].

Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесённые ему в

дар миром и жизнью сокровища [Обломов 1953: 100–101].

«Только великие **души** перемогают с такой силой тяжёлые скорби, — думал он. — Им, как орлицам, даны крылья летать под облаками и глаза — смотреть в пропасти. И только верующая **душа** несёт горе так, как несла его эта — женщина — и одни женщины так выносят его!» [Обрыв 1954: 324].

Говорила вместе и доброта, прирождённая его **душе**, где не упрочивались никогда дурные чувства [Обрыв 1953: 153].

У Райского болела душа пуще всех прежних его мук [Обрыв 1954:300].

Юношей он инстинктивно берёг свежесть сил своих, потом стал рано уже открывать, что эта свежесть рождает бодрость и весёлость, образует ту мужественность, в которой должна быть закалена душа, чтоб не бледнеть перед жизнью, какова бы она ни была, смотреть на неё не как на тяжкое иго, крест, а только как на долг, и достойно вынести битву с ней [Обломов 1953: 461].

И для него настал счастливый, никому не изменяющий, всем улыбающийся момент жизни, расцветания сил, надежд на бытие, желания блага, доблести, деятельности, эпоха сильного биения сердца, пульса, трепета, восторженных речей и сладких слёз. Ум и сердце просветлели: он стряхнул дремоту, душа запросила деятельности [Обломов 1953: 65].

Затем стал размышлять, как употребить это длинное, несносное послезавтра, которое было бы так наполнено присутствием Ольги, невидимой беседой их душ, её пением [Обломов 1953: 337].

Концепт 'Любовь'

Счастье, счастье! — едко проговорил он потом. — Как ты хрупко, как ненадёжно! Покрывало, венок, **любовь**, **любовь**! А деньги где? а жить чем? И тебя надо купить, **любовь**, чистое, законное благо [Обломов 1953: 336].

Любовь налагает долг, буду твердить я, как жизнь налагает и другие долги: без них жизни нет [Обрыв 1954: 263].

Да, эта «святая, глубокая, возвышенная **любовь**» — ложь! Это сочинённый, придуманный призрак, который возникает на могиле страсти. Это люди придумали, как придумали казённую палату, питейные конторы, моды, карточную игру, балы! Возвышенная **любовь** — это мундир, в который хотят нарядить страсть, но она беспрестанно лезет вон и рвёт его [Обрыв 1954: 66—67].

Сначала бабушка писывала к нему часто, присылала счёты: он на письма отвечал коротко, с **любовью** и лаской к горячо любимой старушке, <...> а счёты рвал и бросал под стол [Обрыв 1953: 125].

То есть если б на его месте был другой человек, – перебил Штольц, – нет сомнения, ваши отношения разыгрались бы в **любовь**, упрочились, и тогда... [Обломов 1953: 432].

Недели чрез три, чрез месяц было бы поздно, трудно: **любовь** делает неимоверные успехи, это душевный антонов огонь [Обломов 1953: 260].

Он так целиком и хотел внести эту картину-сцену в свой проект и ею закончить роман, набросав на свои отношения с Верой таинственный полупокров: он уезжает непонятый, неоценённый ею, с презрением к любви и ко всему тому, что нагромоздили на это простое и несложное дело люди, а она останется с жалом не любви, а предчувствия её в будущем, и с сожалением об утрате, с туманными тревогами сердца, со слезами, и потом вечной, тихой тоской до замужества — с советником палаты! Оно не совсем так, но ведь роман — не действительность, и эти отступления от истины он называл «литературными приёмами» [Обрыв 1954: 41].

Нет, я чувствую... не музыку... а... **любовь**! — тихо сказал Обломов. Она мгновенно оставила его руку и изменилась в лице. Её взгляд встретился с его взглядом, устремлённым на неё: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть [Обломов 1953: 209].

Видишь ли, Вера, как прекрасна страсть, что даже один след её кладет яркую печать на всю жизнь, и люди не решаются сознаться в правде — то есть что **любви** уже нет, что они были в чаду, не заметили, прозевали её, упиваясь, и

что потом вся жизнь их окрашена в те великолепные цвета, которыми горела страсть!.. Это окраска — и есть и **любовь**, и дружба, и та крепкая связь, которая держит людей вместе иногда всю жизнь... [Обрыв 1954: 67].

Пока между нами **любовь** появилась в виде лёгкого, улыбающегося видения, пока она звучала в Casta diva, носилась в запахе сиреневой ветки, в невысказанном участии, в стыдливом взгляде, я не доверял ей, принимая её за игру воображения и шёпот самолюбия [Обломов 1953: 258].

Она инстинктивно чувствовала, что его сила, которую она отличила и полюбила в нём — есть общечеловеческая сила, как и **любовь** её к нему была — не исключительное, не узкое пристрастие, а тоже общечеловеческое чувство [Обрыв 1954: 390].

Что это за нежное, неуловимое создание! — думал Райский, — какая противоположность с сестрой: та луч, тепло и свет; эта вся — мерцание и тайна, как ночь — полная мглы и искр, прелести и чудес!..» Он с любовью артиста отдавался новому и неожиданному впечатлению [Обрыв 1953: 235].

Концепт 'Счастье'

Троекратное люблю, ветка сирени, признание — всё это должно быть залогом **счастья** всей жизни и не повторяться у чистой женщины [Обломов 1953: 284].

«Смерть! Боже, дай ей жизнь и **счастье** и возьми у меня всё!» — вопила в нём поздняя, отчаянная мольба [Обрыв 1953: 120].

Он вспомнил, что когда она стала будто бы целью всей его жизни, когда он ткал узор **счастья** с ней, – он, как змей, убирался в её цвета, окружал себя, как в картине, этим же тихим светом <...> [Обрыв 1953: 121].

Она была тоже в каком-то ненарушимо-тихом торжественном покое счастья или удовлетворения, молча чем-то наслаждалась, была добра, ласкова с бабушкой и Марфенькой и только в некоторые дни приходила в беспокойство, уходила к себе, или в сад, или с обрывав рощу, и тогда лишь нахмуривалась, когда

Райский или Марфенька тревожили её уединение в старом доме или напрашивались ей в товарищи в прогулке... [Обрыв 1954: 111–112].

Плачет, не спит этот ангел! — восклицал Обломов. Господи! Зачем она любит меня? Зачем я люблю её? Зачем мы встретились? Это всё Андрей: он привил любовь, как оспу, нам обоим. И что это за жизнь, всё волнения да тревоги! Когда же будет мирное счастье, покой? [Обломов 1953: 348].

Не будьте, однако, слишком сострадательны: кто откажется от страданий, чтоб подойти к вам, говорить с вами? Кто не поползёт на коленях вслед за вами на край света, не только для торжества, для счастья и победы — просто для одной слабой надежды на победу... [Обрыв 1953: 140].

А то, что человек не чувствует **счастья**, коли нет рожна, — сказала она, глядя на него через очки. — Надо его ударить бревном по голове, тогда он и узнает, что **счастье** было, и какое оно плохонькое ни есть, а всё лучше бревна [Обрыв 1953: 175].

У него на лице сияла заря пробуждённого, со дна души восставшего **счастья**; наполненный слезами взгляд устремлен был на неё [Обломов 1953: 209].

И окончательно улыбнулась, как улыбалась, когда была совершенно счастлива. Ух, каким **счастьем** вдруг пахнуло на него, когда Ольга немного приподняла завесу обольстительной дали, прикрытой, как цветами, улыбками! [Обломов 1953: 321].

Он шёл за ней и рассуждал про себя о письме, о вчерашнем **счастье**, о поблёкшей сирени [Обломов 1953: 269].

Перед вами являлась лицом к лицу настоящая живая жизнь, **счастье** — и вы оттолкнули его от себя! из чего, для чего? [Обрыв 1953: 105].

Проходя мимо окон Ольги, он слышал, как стеснённая грудь её облегчалась в звуках Шуберта, как будто рыдала от **счастья** [Обломов 1953: 273].

Счастье это ведёт за собой долг, — сказала она, встав со скамьи, — это моё мнение [Обрыв 1954: 261].

Перед вами свобода, жизнь, любовь, **счастье** – а вы разбираете тон, манеры [Обрыв 1954: 176].

И когда я вас встречу потом, может быть измученную горем, но богатую и **счастьем**, и опытом, вы скажете, что вы недаром жили, и не будете отговариваться неведением жизни... [Обрыв 1953: 108].

«Боже мой! Если б она могла быть его сестрой! — думалось ей. — Какое счастье иметь вечные права на такого человека, не только на ум, но и на сердце, наслаждаться его присутствием законно, открыто, не платя за то никакими тяжёлыми жертвами, огорчениями, доверенностью жалкого прошедшего» [Обломов 1953: 420–421].

Концепт 'Радость'

Там караулила Ольга Андрея, когда он уезжал из дома по делам, и, завидя его, спускалась вниз, пробегала великолепный цветник, длинную тополевую аллею и бросалась на грудь к мужу, всегда с пылающими от радости щеками, с блещущим взглядом, всегда с одинаким жаром нетерпеливого счастья, несмотря на то, что уже пошёл не первый и не второй год её замужества [Обломов 1953: 460].

Она старалась только отдышаться от скорой ходьбы и от борьбы с Райским, а он, казалось, не мог одолеть в себе сильно охватившего его чувства – **радости** исполнившегося ожидания [Обрыв 1954: 258].

Ты колдунья, Вера. Да, сию минуту я упрекал тебя, что ты не оставила даже слова! — говорил он растерянный, и от страха, и от неожиданной радости, которая вдруг охватила его [Обрыв 1954: 226].

Куда же делись эти слёзы, улыбки, наивные **радости**, и зачем опошлились они, и зачем она не нужна для него теперь? [Обрыв 1953: 121].

Ты на их лицах мельком прочтёшь какую-нибудь заботу, или тоску, или **радость**, или мысль, признак воли: ну, словом, — движение, жизнь [Обрыв 1953: 15].

Слёзы и улыбка, молча протянутая рука, потом живая, резвая радость, счастливая торопливость в движениях, потом долгий, долгий разговор, шёпот

наедине, этот доверчивый шёпот душ, таинственный уговор слить две жизни в одну! В пустяках, в разговорах о будничных вещах будет сквозить никому, кроме их, невидимая любовь [Обломов 1953: 285].

Он подбирался к нему медленно, с оглядкой, осторожно, шёл то ощупью, то смело и думал — вот-вот он близко у цели, вот уловит какой-нибудь несомненный признак, взгляд, слово, скуку или **радость**; ещё нужно маленький штрих, едва заметное движение бровей Ольги, вздох её, и завтра тайна падёт: он любим! [Обломов 1953: 414].

После долго ходил он бледен и скучен, пока опять чужая жизнь и чужие радости не вспрыснут его, как живой водой [Обрыв 1953: 49].

Концепт 'Обломовка'

Захар любил **Обломовку**, как кошка свой чердак, лошадь — стойло, собака — конуру, в которой родилась и выросла. В сфере этой привязанности у него вырабатывались уже свои особенные, личные впечатления [Обломов 1953: 75].

В Обломовке, верили всему: и оборотням, и мертвецам. Расскажут ли им, что копна сена разгуливала по полю, — они не задумаются и поверят; пропустит ли кто-нибудь слух, что вот это не баран, а что-то другое, или что такая-то Марфа или Степанида — ведьма, они будут бояться и барана, и Марфы: им и в голову не придёт спросить, отчего баран стал не бараном, а Марфа сделалась ведьмой, да ещё накинутся и на того, кто бы вздумал усомниться в этом, — так сильна вера в чудесное в Обломовке! [Обломов 1953: 124].

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее вспыхивает страсть или больнее ноет тоска, когда в жестокой душе невозмутимее и сильнее зреет зерно преступной мысли, и когда... в Обломовке все почивают так крепко и покойно [Обломов 1953: 120].

Концепт 'Обрыв'

От суеверного страха ту часть сада, которая шла с обрыва по горе и

отделялась плетнём от ельника и кустов шиповника, забросили [Обрыв 1953: 75].

Он пошёл тихонько домой, стал карабкаться на **обрыв**, и картина как будто зашла вперёд его и легла перед глазами [Обрыв 1953: 75].

Уже становилось темно, когда он, блуждая между деревьями, вдруг увидел её пробирающеюся сквозь чащу кустов и деревьев, росших по **обрыву** [Обрыв 1954: 50].

И сон исполнил эту обязанность, унося его далеко от Веры, от Малиновки, от обрыва и от вчерашней, разыгравшейся на его глазах драмы [Обрыв 1954: 290].

Может быть, Вера несёт крест какой-нибудь роковой ошибки; кто-нибудь покорил её молодость и неопытность и держит её под другим злым игом, а не под игом любви, что этой последней и нет у неё, что она просто хочет там выпутаться из какого-нибудь узла, завязавшегося в раннюю пору девического неведения, что все эти прыжки с обрыва, тайны, синие письма больше ничего, как отступления, — не перед страстью, а перед другой тёмной тюрьмой, куда её загнал фальшивый шаг и откуда она не знает, как выбраться... что, наконец, в ней проговаривается любовь... к нему... к Райскому, что она готова броситься к нему на грудь и на ней искать спасения [Обрыв 1954: 184].

Говори, ради бога, не оставляй меня на этом **обрыве:** правду, одну правду – и я выкарабкаюсь, малейшая ложь – и я упаду! [Обрыв 1954: 64].

Концепт 'Халат'

А если, — начала она горячо вопросом, — вы устанете от этой любви, как устали от книг, от службы, от света; если со временем, без соперницы, без другой любви, уснёте вдруг около меня, как у себя на диване, и голос мой не разбудит вас; если опухоль у сердца пройдёт, если даже не другая женщина, а халат ваш будет вам дороже?...[Обломов 1953: 266].

«Вы ещё не вставали! Что это на вас за шлафрок? Такие давно бросили носить», — стыдил он Обломова. «Это не шлафрок, а халат», — сказал Обломов, с любовью кутаясь в широкие полы халата [Обломов 1953: 19].

Но ведь любить можно мать, отца, няньку, даже собачонку: всё это покрывается общим, собирательным понятием «люблю», как старым...Халатом? – сказала она, засмеявшись [Обломов 1953: 250].

C халатом он простился давно и велел его спрятать в шкаф [Обломов 1953: 313].

В неделю, скажет, набросать подробную инструкцию поверенному и отправить его в деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать план построек, квартиру сдать, взять паспорт и ехать на полгода за границу, сбыть лишний жир, сбросить тяжесть, освежить душу тем воздухом, о котором мечтал некогда с другом, пожить без халата, без Захара и Тарантьева, надевать самому чулки и снимать с себя сапоги, спать только ночью, ехать, куда все едут, по железным дорогам, на пароходах, потом... [Обломов 1953:193].

Концепт 'Диван'

Это значит ломка, шум; все вещи свалят в кучу на полу: тут и чемодан, и спинка **дивана**, и картины, и чубуки, и книги, и склянки какие-то, которых в другое время и не видать, а тут чорт знает откуда возьмутся! [Обломов 1953: 90].

Андрей часто, отрываясь от дел или из светской толпы, с вечера, с бала ехал посидеть на широком диване Обломова и в ленивой беседе отвести и успокоить встревоженную или усталую душу, и всегда испытывал то успокоительное чувство, какое испытывает человек, приходя из великолепных зал под собственный скромный кров или возвратясь от красот южной природы в берёзовую рошу, где гулял ещё ребёнком [Обломов 1953: 171–172].

Он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трёх, с восьми до девяти может пробыть у себя на **диване**, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумаг, что есть простор его чувствам, воображению [Обломов 1953: 27].

Он как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на **диван,** подопрёт голову рукой и обдумывает, не щадя своих сил, до тех пор, пока,

наконец, голова утомится от тяжёлой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага [Обломов 1953: 68].

Концепт 'Книга'

Улыбку можно читать, как **книгу**; за улыбкой эти зубы и вся голова... как она нежно покоится на плечах, точно зыблется, как цветок, дышит ароматом»... «Да, я что-то добываю из неё, — думал он,— из неё что-то переходит в меня. У сердца, вот здесь, начинает будто кипеть и биться... Тут я чувствую что-то лишнее, чего, кажется, не было... Боже мой, какое счастье смотреть на неё! Даже дышать тяжело [Обломов 1953: 205].

Облако непроницаемости слетело с неё. Взгляд её был говорящ и понятен. Она как будто нарочно открыла известную страницу **книги** и позволила прочесть заветное место [Обломов 1953: 242].

Как она ясно видит жизнь! Как читает в этой мудрёной **книге** свой путь и инстинктом угадывает и его дорогу! [Обломов 1953: 364].

Если ему кое-как удавалось одолеть **книгу**, называемую статистикой, историей, политической экономией, он совершенно был доволен [Обломов 1953: 64].

И Райский развлекался от мысли о Вере, с утра его манили в разные стороны летучие мысли, свежесть утра, встречи в домашнем гнезде, новые лица, поле, газета, новая книга или глава из собственного романа [Обрыв 1954: 10].

Он мысленно вёл с ней нескончаемый разговор и днём, и ночью. К «Истории открытий и изобретений» он всё примешивал какие-нибудь новые открытия в наружности или в характере Ольги, изобретал случай нечаянно встретиться с ней, послать книгу, сделать сюрприз [Обломов 1953: 245].

Кстати о яблоках: в благодарность за подарок я вам принесу **книг**. Вы любите читать? [Обрыв 1954: 171].

Услышит о каком-нибудь замечательном произведении — у него явится позыв познакомиться с ним; он ищет, просит **книги**, и если принесут скоро, он примется за неё, у него начнет формироваться идея о предмете; ещё шаг — и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и **книга** лежит подле него недочитанная, непонятая [Обломов 1953: 63].

На этажерках, правда, лежали две-три развёрнутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями, но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; нумер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в неё перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха [Обломов 1953: 9–10].